

ВВЕДЕНИЕ.....	1
СОДЕРЖАНИЕ	282

ББК 88 В 46

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

Рецензенты:

Р. С. Немов, доктор психологических наук, О. В. Овчинникова, кандидат психологических наук

Вилюнас В. К.

В 46 Психологические механизмы мотивации человека.—М.: Изд-во МГУ, 1990.—288 с.

ISBN 5—211—01031—0

В монографии рассматриваются конкретные психологические механизмы и процессы, обеспечивающие развитие мотивации человека. Большое внимание уделяется вопросу о преемственности механизмов биологической и социальной мотивации, преобразованию процессов, развивающих природные потребности, в условиях человеческой психики. Обсуждаются воздействия, изменяющие мотивационные отношения человека, эмоциональные процессы, лежащие в основе таких изменений, условия, от которых зависит их закрепление, и другие вопросы, имеющие прямое отношение к практике воспитания. Предназначена для психологов, педагогов, социологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся формированием мотивации человека.

0303020GOO—080 077(02)—90 ²³—⁹⁰

ББК 88

ISBN 5—211—01031—0

Вилюнас В К, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку сложные явления, к каким относится мотивация, не могут быть описаны сразу, требуя перевода сложного комплекса взаимосвязанных данных в некоторую последовательность изложения, при решении такой задачи неизбежны как предварительное расчленение этого комплекса, так и выбор некоторого порядка в освещении выделенных аспектов. В данной работе будет обсуждаться прежде всего онтогенетическое развитие мотивации, причем в направлении от феноменологических данных к обобщениям и теоретическим построениям. Что касается освещаемых аспектов мотивации, то главное внимание будет уделяться вопросу ее психологических механизмов. Выделение данного аспекта мотивации не является традиционным и требует пояснения, что имеется в виду. Содержание того, что в принципе способно мотивировать человека, буквально безгранично, так как все, что произведено и производится обществом как в материальной, так и духовной сферах, в конечном счете осуществляется

конкретными людьми, которые к неисчислимым видам деятельности побуждаются столь же разнообразной мотивацией. Описывать данный, содержательный, аспект мотивации человека — значит воспроизводить в мотивационных терминах все разнообразие его бытия, тех задач и ролей, которые он добровольно или по необходимости принимает на свою долю в некоторой социальной системе, т. е. изображать частное, что, как известно, само по себе не ведет к выделению существенного. В психологическом анализе более целесообразным и продуктивным представляется другой подход, по мере возможности отвлекающийся от содержательных различий в мотивации и сосредоточивающийся на том, в какого рода образованиях она в принципе обнаруживается в индивидуальной психике, какие воздействия обеспечивают ее формирование и актуализацию, каковы закономерности этих процессов и т. п. То, на что направлены подобные вопросы, обобщенно может быть названо механизмами мотивации. Отметим, что задача исследования механизмов актуальна не только для мотивации, являясь одной из главных также и для многих других линий развития человека, в отношении которых «необходимо... еще более активно изучать и описывать явления, позволяющие ответить на вопрос, который можно грубо сформулировать так: что в психике из чего возникает, когда и в какой последовательности?» (Вода-лев, 1983. С. 13)¹. В психологической литературе содержательному аспекту мотивации обычно противопоставляется динамический аспект (Асеев, 1976; Обуховский, 1971), подчеркивающий прежде всего ее процессуальные особенности, развитие и взаимодействие побуждений, энергетическую сторону регуляции деятельности. Однако энергия, если она не слепая, должна чем-то распределяться, процесс, как правило, является следствием взаимодействия некоторых структурных образований, короче, мотивационная динамика предполагает осуществляющие ее механизмы, которые наполняются тем или иным предметным содержанием, но к нему несводимы. Фрейдовское вытеснение, например, прежде всего процессуальный феномен, однако вполне правомерно предположение о существовании специального осуществляющего его механизма, не зависящего от того, что именно подвергается вытеснению. Таким образом, выделение наряду с содержательным и динамическим еще одного аспекта мотивации — реализующих ее внутренних механиз-

¹ Важность изучения психологических механизмов, обеспечивающих развитие личности, отмечает Л. И. Анцыферова: «Исследовать динамику психической жизни личности — значит изучить разные формы существования и осуществления личности; во времени, раскрыть психологические механизмы этого существования. Психологические механизмы можно представить себе как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования» (1981. С. 8).

мов—представляется оправданным шагом, повышающим структурированность этой проблематики и облегчающим ее описание. Четкое определение упомянутых аспектов мотивации невозможно, так как речь идет

лишь о гносеологических абстракциях, не имеющих конкретных признаков различия и неотрывных друг от друга в онтологическом проявлении. Один и тот же феномен может быть охарактеризован и как процесс, и как механизм в зависимости от контекста обсуждения; так, упомянутый процесс вытеснения имеет, с одной стороны, свой механизм, в основе которого лежит, допустим, взаимодействие эмоций, с другой—сам может рассматриваться как механизм устранения противоречий в мотивационной сфере личности. Поэтому тот или иной аспект мотивации выступает на первый план в зависимости от характера стоящих перед исследователем задач. Так, если в собственно научном анализе можно в известной мере отвлекаться от содержательных различий в мотивации, полагая, что выводы из рассмотренного частного материала сохраняют силу -для аналогичных случаев, то в прикладных исследованиях, когда важно выявить, что именно мотивирует конкретных людей или их группы, такие различия могут стать центральной проблемой. Понятно, что абсолютное противопоставление выделяемых аспектов мотивации невозможно и что речь может идти лишь о том, которому из них при совместном анализе отдается преимущественное внимание. Исследование, уделяющее главное внимание психологическим механизмам мотивации, было проведено нами в отношении низших ее уровней, обеспечивающих удовлетворение биологических потребностей (Вилюнас, 1986). Поскольку настоящая работа является, по существу, продолжением этого исследования, реализующим те же методологические установки и преследующим аналогичные цели в отношении другого ее уровня — социально обусловленной мотивации человека, сформулируем в тезисах основные его положения и выводы. Они послужат отправным пунктом нижеследующего обсуждения мотивации человека, в частности, вопроса об ее качественном отличии от биологической мотивации, проиллюстрируют специфику подхода и характер получаемых в нем данных.

1. Постановка вопроса о психологических механизмах мотивации возможна только при условии принципиального отказа от параллелистической трактовки психического, которая под влиянием традиций позитивизма и, в частности, физиологических концепций продолжает сохранять прочные позиции в современной психологии, причем не обязательно в явно декларируемом виде. Несмотря на отсутствие конкретных представлений об онтологической природе психического, сам факт его возникновения в биологической эволюции и те функции, которые оно выполняет в приспособлении живых существ к изменчивой среде, свидетельствуют о том, что оно представляет собой качественно новый уровень взаимодействия регулятивных процессов, обеспечивающий выработку в конкретной ситуации индивидуально-гибких, т. е. генетически целиком незапрограммированных реакций; это функциональное назначение психическое осуществляет на основе целостного отражения ситуации и потенциально возможных в ней действий.

2. При данном понимании психического термин мотивация служит родовым понятием для обозначения всей совокупности факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение на уровне психического отражения побуждений к жизненно необходимым целям, т. е. направляющих поведение на удовлетворение потребностей. На основе психического отражения регулируется не весь процесс

удовлетворения биологических потребностей, а только те его звенья, которые предполагают активность в изменчивой среде и требуют ситуативной выработки реакций.

3. Взаимосвязанность как эволюционного развития, так и функционального обнаружения механизмов мотивации исключает отчетливое различие в сложной внутренне соподчиненной их системе отдельных структурных единиц, таких как «потребность», «мотив» и т. п. При наполнении такого рода теоретических категорий конкретным содержанием неизбежен, по крайней мере на современном уровне знаний о механизмах мотивации, элемент произвольности.

4. В процессе актуализации потребностей и порождении ими конкретных мотивационных побуждений можно выделить две основные фазы. Если потребность актуализируется при отсутствии в окружении соответствующего ей предмета, формируется специфическое состояние мотивационной установки, означающее потенциальную готовность к активной реакции в случае его появления. (При этом некоторые потребности субъективно отражаются в виде диффузного переживания неудовлетворенности, побуждающего поисковую активность.) Когда такой предмет появляется, к нему возникает эмоциональное отношение, которое, собственно, открывает субъекту потребностную значимость предмета (в виде положительной или отрицательной оценки) и побуждает направить на него активность (в виде желания, влечения и т. п., см. Вилюнас, 1976). Принципиальное отношение между мотивацией и эмоциями передает обобщенное определение эмоций как субъективной формы существования проявления) мотивации.

5. В эволюционном развитии сложились две основные формы биологической мотивации. Филогенетически первичной форме инстинктивной мотивации свойственна фиксированность в наследственности как стимулов, побуждающих субъекта действовать, так и принципиального характера этих действий; при этом самим субъектом осуществляется приспособление инстинктивных действий к конкретным условиям наличной ситуации. Более совершенная форма онтогенетически развивающейся мотивации предполагает, наоборот, прижизненное выявление мотивационно значимых воздействий и способов ответа на них индивида.

6. Инстинктивно мотивируемое поведение отличается генетической раздробленностью на автономные сравнительно мелкие звенья, побуждаемые отдельными ключевыми раздражителями и лишь в последовательном (иногда — строго последовательном) выполнении приводящие к необходимому приспособительному результату. Из-за этой особенности важную роль в обеспечении инстинктивного поведения играют специфические механизмы, отвечающие за связь и смену отдельных его звеньев. В самом общем виде такие механизмы мотивационной перестройки обнаруживаются как способность некоторых воздействий изменить мотивационное отношение к другим воздействиям (в виде возникновения к ним эмоционального переживания или формирования мотивационной установки). Характер мотивационных перестроек определяет, в частности, содержание звеньев инстинкта, способ их смены и тип инстинктивного поведения в целом. Это универсальный механизм, проявляющийся и в более совершенных формах мотивации.

7. Онтогенетическое развитие мотивации в наиболее простом случае обеспечивается переключением эмоционального

отношения к ключевым (безусловным) воздействиям на сопутствующие им в опыте индивида стимулы (механизм импринтинга). В более сложном случае мотивационного обусловливания, составляющего основу выработки условных рефлексов и являющегося главным механизмом онтогенетического развития мотивации, имеет место ситуативное развитие эмоционального отношения к безусловным воздействиям и избирательное закрепление эмоционального значения за важными для активности условиями и сигналами. Благодаря процессам обусловливания круг изначально (безусловно) мотивационно значимых воздействий в онтогенезе постепенно обрывает целой системой сигналов, приобретающих условное (производное от безусловного, но не совпадающее с ним) мотивационное значение.

8. В реальном поведении обе формы мотивации обычно проявляются вместе и взаимно дополняют друг друга. Характерным является случай сохранения в мотивации поведения общей схемы инстинкта, совершенствованной элементами приобретенной мотивации в пределах отдельных его звеньев, а также случай, когда приобретенная мотивация подготавливает возможность совершения некоторого инстинктивного акта. Наблюдающееся в филогенезе увеличение удельного значения приобретенной мотивации означает не отмену, а дальнейшее развитие изначальных инстинктивных побуждений, совершенствование способа их осуществления. В акте формирования новых мотивационных отношений инстинктивная (унаследованная) мотивация присутствует в качестве подкрепляющего (безусловного) фактора, что означает осуществление ею контроля за общим направлением онтогенетического развития мотивации и в конечном счете за определяемым этим развитием поведением. Аффект означает возвращение к инстинктивной форме мотивации в случае, если такое более совершенное поведение не обеспечивает необходимого результата.

9. Возникновение субъективного побуждения к цели обычно означает начало сложного процесса ситуативного развития мотивации, в результате которого оценивается возможность и определяется способ достижения необходимого результата. Этот мотивационный процесс сопряжен с обследованием условий предстоящей деятельности и обеспечивается, в частности, взаимодействием возникающих при этом ситуативных эмоций, направленных на значимые обстоятельства активности и формирующих промежуточные цели. Из этих положений, характеризующих биологическую мотивацию, пожалуй лишь вывод о формах актуализации потребностей, т. е. о том, что мотивация на уровне субъективного отражения презентруется установками и эмоциональными отношениями, может быть без специального обсуждения заимствован для характеристики мотивационной сферы человека на правах универсальной особенности психического. По существу, он происходит из феноменологии переживаний человека и, наоборот, заимствован отсюда для характеристики мотивационной сферы животных (см. "Вилюнас, 1986. С. 91—92). Что касается других, более специфических характеристик биологической мотивации, то вопрос об их отношении к мотивации человека требует исследования. Ясно, что они должны быть свойственны человеку в той мере, в какой он продолжает оставаться биологическим существом и поэтому, например, испытывает все усиливающиеся неприятные переживания при перегрузке некоторой группы мышц, по-

буждающие к тому, чтобы дать им покой, начинает при этом учащенно дышать и испытывает тоже неприятное чувство удушья, если в кровь не поступает необходимое количество кислорода и т. п. Но известно и другое: что такого рода биологические побуждения не играют ведущей роли в жизни человека, обычно подчиняясь более высокому уровню социально обусловленной мотивации. Так, значительная часть жизни спортсмена может быть посвящена достижению именно того, чтобы упомянутые переживания утомления и удушья возникали как можно позже, г. возникнув, не препятствовали бы действовать вопреки следующим из них побуждениям. Обсуждение взаимоотношения обоих уровней мотивации невозможно без постановки вопроса о том, что представляет собой специфически человеческая мотивация, что она унаследовала от мотивации биологической и чем от нее отличается.

Глава 1 ЯВЛЕНИЕ СОБСТВЕННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Положение о том, что собственно человеческая мотивация качественно отличается от мотивации биологической и к ней несводима, является для советской психологии основополагающим и нуждается не столько в доказательстве, сколько в уточнении того, в чем это отличие заключается. Для обсуждения этой проблемы целесообразно сначала ознакомиться с теми фундаментальными изменениями в отражении окружающего мира, происшедшими в результате культурно-исторического развития психики, которые создают особые условия для формирования и проявления мотивационных процессов у человека. Отметим наиболее важные в этом отношении качества, характеризующие отражение действительности в социально развитой психике.

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКЕ

Согласно позициям советской психологии уже на уровне животных психически отражается не столько сама по себе стимуляция, инициирующая акты отражения и вызывающая субъективные впечатления различной модальности, сколько опыт индивида в отношении воспринимаемой ситуации, открывающий то, как эта стимуляция -способна измениться и какими действиями ее можно изменить. Именно этот опыт, существующий в виде навыков, умений, ожиданий, когнитивных схем и т. п., а не актуализирующие его внешние и внутренние воздействия, является главной детерминантой, определяющей содержание психически регулируемой активности. Каким богатым ни был бы индивидуальный, а

также видовой, передаваемый генетически опыт био логического индивида, он ни в каком отношении не может сравниться с беспрерывно накапливающимся опытом всего человечества, являющимся источником и основой развития процессов психического отражения в условиях общества. Присвоение этого опыта отдельным человеком, продолжающееся на протяжении всей жизни, вооружает его уже не только комплексом чувственных представлений о ближайшей среде и возможностях ее непосредственного преобразования, но взаимосвязанной и обобщенной системой знаний о всем мире, скрытых его свойствах, происходящих в нем взаимодействиях и т. п. В советской психологической литературе эта система присваиваемых представлений, в которой неизбежно локализуется и содержательно обогащается все отражаемое, в последние годы стала обобщенно называться «образом мира» (Зинченко, 1983; Леонтьев, 1979; Петухов, 1984; Смирнов, 1983, 1985). Общий тезис, разрабатываемый в этих работах, утверждает, что «главный вклад в процесс построения образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом» (Смирнов, 1981. С. 24). Важнейшую роль в процессе присвоения человеком опыта социального происхождения, постепенно складывающегося во все более сложный «образ мира», играет язык. Сам язык—его морфология, отражающая принципиальное строение и всеобщие формы объективных взаимоотношений, система взаимосвязанных понятий, обозначающих в действительности иерархию явлений и отношений между ними различной степени обобщенности и др.—представляет собой концентрированный продукт общественно-исторического опыта, накапливающий наиболее существенные и отстоявшиеся в широком практическом применении его элементы (см. Выготский, 1982; Леонтьев, 1963; Лурия, 1979). Усвоенный язык—это уже расширенный, целостный и упорядоченный «образ мира», в котором при помощи понятийной идентификации узнаются непосредственно-чувственно отражаемые явления и ситуации. Разумеется, язык не является единственным источником формирования человеческого «образа мира», задавая только своего

рода каркас, остов такого образа, который постепенно наполняется более дифференцированным и обогащенным содержанием на основе присвоения специальных знаний (при помощи того же языка и других знаковых систем), опыта, овеществленного в созданных человеком предметах и формах действий с ними, передаваемого средствами искусства, и др. Психическое отражение в результате опосредствования присвоенным социальным опытом приобретает ряд новых качеств. А. Н. Леонтьев по этому поводу писал: «Животные, человек живут в предметном мире, который с самого начала выступает как четырехмерный: он существует в трехмерном пространстве и во времени (движении). ...Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести «еще одно понятие — понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это—«смысловое поле», система значений» (1979. С. 4—5). Речь идет о том, что явления, отражаемые человеком, как правило, категоризируются, называются, т. е. идентифицируются не только по чувственным

параметрам, но и в системе значений. Это автоматически локализует их в «образе мира», от кривая все множество свойственных им особенно стей: происхождение, функциональные качества, скрытые связи, дальнейшую судьбу и т. п. Отвечая на вопросы ребенка «Зачем это в каждую черешню кладут косточку?», «Зачем снег на крыше? Ведь по крыше не катаются ни на лыжах, ни в санках?» (Чуковский, 1966. С. 124), взрослый в развернутой форме объясняет то, что при восприятии этих явлений ему открывается сразу как само собой разумеющееся: откуда снег, как он попадает на крыши и др. «Образ мира» ребенка такой информации еще не содержит, тем не менее он уже существует, активно проявляется и наделяет воспринимаемые явления развлекающими взрослого качествами: снег специально для того, чтобы кататься, черешня — чтобы есть и т. п. Таким образом, опосредствованность отражения системой присваиваемых знаний предельно расширяет границы отражаемого содержания, делая их независимыми от параметров реально воспринимаемой ситуации и отодвигая до границ общечеловеческого

познания, вернее, до пределов того, что из этого по знания известно конкретному человеку. Одно из последствий наличия «квазиизмерения» значений состоит в том, что оно практически снимает ограничения с отражения пространственно-временных измерений действительности. Знакомясь с историей, человек легко переносится в мыслях через века и в любое изображаемое место, с астрономией—через чувственно невообразимые отрезки времени и пространства. Столь же свободно он способен представлять события, возможные в самом отдаленном будущем. По добрых отвлечении от наличной ситуации, хотя и не столь внушительных, требуют и повседневные дела, осуществляя которые человек обычно без заметных усилий контролирует как предшествовавшие приготвления к ним, так и будущие более или менее отдаленные последствия. И в этом случае пространственно-временные параметры отражаемого содержания определяются не внешней стимуляцией, а «образом мира», вернее, той его частью, которая может быть названа «образом своей жизни». Наряду с изменением физических измерений содержание человеческой психики существенно расширяется также по линии отражения самых различных внутренних соотношений и взаимодействий, обнаруживающихся во всем диапазоне пространственно-временной протяженности. «Квазиизмерение» значений несомненно следует представлять многомерным, передающим принципиально различные характеристики объективной действительности: классификационные, атрибутивные, вероятностные, функциональные и т. п. Для понимания изменений в мотивационной сфере человека особенно важен тот качественный скачок, который произошел в отражении причинно-следственных отношений. Основным феноменом состоит здесь в том, что любое явление, отражаемое человеком, кроме других более или менее общих характеристик получает, как правило, еще и интерпретацию с точки зрения отношений детерминизма: все существующее отражается как следствие определенных причин, обычно целого разветвленного их комплекса, и в свою очередь как причины ожидаемых изменений. Стремление к выяснению причинной обусловленности явлений настолько характерно человеку, что-

14

можно говорить о присущей ему склонности видеть все в мире непременно детерминированным. Как писал А. И. Герцен, «людям так свойственно добираться до причины всего, что делается около них, что они лучше любят выдумывать вздорную причину, когда настоящей не знают, чем оставить ее в покое и не заниматься ею» (1958. С. 206). Это проявляется как в утверждениях ребенка о том, что облака делаются паровозами, ветер—деревьями, так и в заполнении взрослыми белых пятен в познании причинных отношений такими объяснительными конструктами, как судьба, колдовство, космические влияния и т. п. Процессы отражения в условиях наличия упорядоченных представлений об окружающей действительности и своем месте в ней приобретают особенности человеческого сознания, представляющего собой высшую форму отражения (см. Шорохова, 1961; Nuttin, 1955). Можно думать, что именно глобальная локализация отражаемых явлений в «образе мира», обеспечивающая автоматизированную рефлексивную функцию человеком того, где, когда, что и зачем он

отражает и делает, составляет конкретно-психологическую основу осознанного характера психического отражения у человека. Осознавать—это значит отражать явление «прописанным» в главных системообразующих параметрах «образа мира» и иметь возможность в случае необходимости уточнить его более детальные свойства и связи. Описание и уточнение упомянутых и ряда других особенностей отражения в человеческой психике требуют обозначения процессов их формирования. Отметим наиболее важные в этом отношении положения. Знания и умения, отложившиеся в языке и других формах общественно-исторического опыта, не могут быть переданы человеку непосредственно; для их присвоения он должен быть вовлечен в специально направленную деятельность, определяемую другими людьми или овеществленными продуктами этого опыта и воспроизводящую такие способы преобразования предметного мира (или его знаковых эквивалентов), в результате которых выявляются новые и все более сложные его свойства. Именно деятель-

ность, вступающая в практический контакт с внешней действительностью, деятельностью других людей и ее продуктами, снимает своей формой и составом первую копию с различных образующих предметного мира, которая впоследствии в результате многократного проигрывания, сворачивания и перехода во внутренний план становится основой для психического отражения этих образующих (см. Гальперин, 1959, 1966; Леонтьев, 1972, 1975; Ломов, 1981). Не вдаваясь здесь в детальное обсуждение идеи о деятельностном происхождении человеческой психики, подчеркнем, что она вытекает из заложенной И. М. Сеченовым (1953) рефлекторной концепции психического (см. Веккер, 1974. Гл. 3; Ярошевский, 1981. Гл. 5), объясняющей субъективное отражение внутренним выполнением тех действий, которые сложились в практической деятельности с отражаемыми предметами. Качественные отличия между дочеловеческим и человеческим уровнями психического отражения объясняются не различиями в принципиальном способе формирования этих уровней (поскольку в обоих случаях отражение является свернутым продуктом сложившихся в практике форм активности), а различиями между формирующими эти уровни процессами — поведением животных, испытывающих внешний мир возможностями индивидуального организма, и деятельностью человека, испытывающего этот мир на основе опыта и средствами, накопленными многими поколениями людей. Ряд особенностей психики человека связан с тем, что при присвоении им нового опыта происходит постоянное сокращение изначально развернутых процессов деятельности во все более и более сжатые и автоматизирующиеся ее формы. Особенно важно, что наряду с исчезновением из деятельности многочисленных повторений, поисковых, пробных или уточняющих действий происходит постепенное сокращение внешне-исполнительных ее элементов, и в итоге субъект получает возможность ее совершения исключительно во внутреннем плане, мысленно. Этот интимнейший в формировании психического и во многих аспектах таинственный феномен «вращения» содержания деятельности во внутренний план получил название интериоризации: «Интериоризацией на-

зывают, как известно, переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации—обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности» (Леонтьев, 1975. С. 95; см. также: Гальперин, 1966а). Именно сокращение и интериоризация изначально развернутой деятельности создают возможность присвоения человеком практически неограниченного объема знаний. В более конкретном описании это обеспечивается тем, что нечто, требовавшее на первых этапах овладения полной отдачей и продолжительных усилий субъекта, впоследствии отражается легко и бегло в виде понятий, идей, умений, понимания и других форм человеческого отражения, которым свойственна минимальная выраженность изначально-процессуального и максимальная—результативно-

содержательного моментов. В таком итоговом выражении новосформированные элементы опыта могут сравниваться, обобщаться, всевозможно «испытываться» друг другом, т. е. использоваться в дальнейшей активности присвоения уже в качестве ее объекта или средства. Это создает возможность формирования более сложных, обобщенных и опосредствованных «единиц» опыта, которые тоже переходят (после соответствующей отработки и интериоризации) в результативную форму спонтанно понимаемых значений, принципов, идей, используемых в свою очередь для формирования обобщений еще более высокого уровня, и так далее. Своего рода накопителем для таких многоступенчатых переходов из развернутой в свернутую, из внешней во внутреннюю форму деятельности и является индивидуальный «образ мира», представляющий собой конечный упорядоченный продукт присвоения человеком знаний об объективной действительности и себе. Как отмечалось выше, локализованность отражаемых явлений в «образе мира» составляет один из главных признаков сознательного отражения дей-

ствительности. Данные о развитии способности осознания в онтогенезе свидетельствуют о том, что изначально она тоже проходит стадию развернутого процесса, направляемого взрослым (или затем самим человеком) при помощи вопросов типа: «Что это значит?», «Зачем ты это говоришь?», «К чему это может привести?». Решение таких вопросов, способствующее рефлексии явлений во все более широком контексте отчета о происходящем, как и всякие другие действия при повторении в сходных условиях, сокращается и автоматизируется, и, став своего рода операцией узнавания явлений в системе «образа мира», обеспечивает возникновение феноменов сознательного отражения. Таким образом, деятельностная интерпретация позволяет охарактеризовать сознание с конкретно-психологической стороны как свернутую форму когда-то освоенных действий по локализации отражаемых явлений в «образе мира», как навык идентификации этих явлений в упорядоченной системе знаний. Спонтанность и мгновенность осознания хорошо знакомых явлений создают впечатление полной автоматизированности этого процесса, его независимости от активности субъекта. Однако это не совсем так. Как известно, не все человеком отражается с одинаково полной развернутостью содержания, характеризующего воспринимаемое явление. Наиболее детально и отчетливо отражается то, что оказывается в «фиксационной точке», «фокусе» психического образа, что воспринимается в качестве «фигуры» на составляющем «периферию» сознания «фоне», иначе говоря, на что направлено внимание субъекта. Способность внимания улучшать качество отражаемого содержания часто рассматривалась наиболее существенной его чертой и выносилась в определения, характеризующие его как «состояние, которое сопровождает более ясное восприятие какого-нибудь психического содержания» (Вундт, 1912. С. 178), «обеспечивает нашему умственному труду лучшие результаты» (Титченер, б. г. С. 223). С. Л. Рубинштейн по этому поводу писал: «Внимание обычно феноменологически характеризуют избирательной направленностью сознания на определенный предмет, кото-

18

рый при этом осознается с особенной ясностью и отчетливостью» (1946. С. 442). Таким образом, хотя отражение многократно и разносторонне обыгранного и в результате этого прочно освоенного материала в значительной мере автоматизировано и не требует выраженных усилий субъекта, некоторую минимальную активность (в виде направления внимания) он при этом должен обнаружить. Естественно, что в тех случаях, когда степень освоенности знаний недостаточно высока, субъект для их актуализации должен приложить специальные усилия: выяснение того, что профессионалом отражается сразу (например, возможность устранения неполадок в технической системе), от начинающего может потребовать многих часов интенсивной умственной работы. Вследствие разной степени освоенности опыт социального происхождения в индивидуальной психике представлен неоднородно и наряду со знаниями, актуализирующимися при направлении внимания на некоторое содержание автоматически, существуют менее освоенные знания, извлекаемые в результате произвольных попыток субъекта нечто «вспомнить», проверить, тот ли перед

ним случай, и т. п. Это значит, что содержание, реально отражаемое в некоторый момент человеком, зависит не только от освоенного им опыта, касающегося данного содержания, но и от специфики стоящей перед ним задачи, которая определяет, какой именно аспект этого опыта будет им активно извлекаться и отражаться. Способность человека произвольно управлять процессами отражения, актуализировать и просматривать те аспекты «образа мира», которые необходимы с точки зрения стоящих перед ним задач, представляет собой важнейшую особенность социально развитой психики, благодаря которой он получает возможность полного отвлечения от реально воспринимаемой ситуации и отражения любых необходимых элементов и составляющих присвоенного опыта. Проявляясь во внутренней деятельности, способность произвольной регуляции существенно изменяет протекание «натуральных» психических процессов, составляя одну из самых характерных особенностей так называемых высших психических функций (Вы-

тотский, 1983а). Мышление как своего рода сводный продукт развития этих функций, как «интегратор интеллекта» (Веккер, 1976) осуществляется при помощи, в частности, высших (произвольных) форм внимания, памяти, воображения и состоит в процессе произвольного поиска, актуализации и проигрывания во внутреннем плане опыта, необходимого для решения стоящих перед человеком задач (см. Брушлинский, 1970; Рубинштейн, 1958; Тихомиров, 1984 и др.). Возникновение способности к произвольной регуляции связано с тем обстоятельством, что не только содержание, но и форма деятельности человека определяется ее социальным происхождением—тем, что она осуществляется либо под прямым или опосредствованным (например, письменным текстом) руководством других людей, либо в сотрудничестве с ними с неизбежным учетом их интересов и возможностей, результатов их труда и т. п. Общение как одна из наиболее характерных форм активности человека пронизывает практически всякий род его деятельности, служа не только удовлетворению соответствующей потребности, но и универсальным средством-катализатором формирования психических новообразований (Бодалев, 1983; Леонтьев, 1974; Лисина, 1986; Ломов, 1979). Поэтому взрослый передает свой опыт ребенку не по типу одностороннего перекачивания через деятельность в его «образ мира» все новой информации, а скорее в режиме диалога с этим образом с постоянной экстериоризацией из него в деятельность уже усвоенных знаний и их использованием для формирования более сложных новообразований. Понятно, что необходимые для этого системность и преемственность между отдельными актами формирующей деятельности, вся ее организация могут быть заданы только в общении с другими людьми, предлагающими ребенку на доступном ему языке и в определенном порядке нечто сделать, сопоставить, повторить, «подумать» и т. д. В результате взаимозависимость и системность приобретает и формирующийся в деятельности «образ мира». Внешние, заложенные другими людьми способы организации деятельности постепенно осваиваются са-

26

мым человеком и, став в результате интериоризации внутренними средствами ее регуляции, наделяют новыми качествами формирующееся в ней психическое отражение. Особенно в этом отношении важны последствия того разрыва между мотивацией и действием, который образуется при выполнении деятельности под руководством взрослого вследствие того, что действия направляются не возникающими в ситуации побуждениями, а взрослым, которому мотивация (сотрудничества с ним, игровая, познавательная) как бы передает эту функцию. Освоение навыков, позволяющих действовать независимо от непосредственных побуждений, становится основой для способности человека произвольно регулировать внутреннюю и внешнюю деятельность. Об этом свидетельствуют специальные исследования, показавшие, что способность к произвольной регуляции активности в онтогенезе формируется постепенно: сначала как умение ребенка действовать, подчиняясь речевым командам взрослого, затем—выполняя собственные развернутые команды, и, наконец—согласно свернутым распоряжениям самому себе на уровне внутренней речи'. Отметим, что формирование этой особенности психики человека тоже опосредствовано

языком—именно речь служит универсальным средством, при помощи которого человек овладевает собственными психическими процессами и поведением. Вооружение человеческой психики «образом мира» и особенно способность к произвольной актуализации отражаемого в нем содержания способствовали видоизменению и развитию особого внутреннего структурного образования—субъекта. Это образование представляет собой онтологически трудноуловимую (см. Кон, 1978, 1981), но функционально отчетливо проявляющуюся регулирующую инстанцию, которой в образе открываются, с одной стороны, мотивация в виде побуждений к целям, с другой—усло-

' «. Корни произвольного действия следует искать в тех формах общения ребенка со взрослым, в которых он сначала выполняет инструкцию взрослого, постепенно формируя способность выполнять в дальнейшем и свои собственные речевые инструкции» (Лурия 1957. С. 3; см. также Запорожец, 1960. С. 266—338, Лурия, 1979. С. 116—134; Тихомиров, 1958).

вия достижения этих целей, в том числе собственные возможности действия, и самое общее назначена которой состоит в организации их достижения. Речь идет об инстанции, которая У. Джемсом называлась «Я» как «познающим элементом в личности» (1911 С. 164), З. Фрейдом—«Я», или «это» (1924; Hartmann, 1959). Развитие субъекта в условиях человеческой психики определяется прежде всего тем, что расширенные возможности отражения крайне усложняют состав и характер одновременно действующих и часто взаимоисключающих побуждений. В результате субъект оказывается в ситуации хронического, так сказать, выбора не только способа достижения целей, но и самих целей, а это значит, что он становится «хозяином» не только инструментальных психических функций и аппарата решения задач, но частично и мотивации, которая распадается на принятую им и непринятую, желательную или нет. Поле активности субъекта при наличии «образа мира»—не отдельная ситуация, а вся предстоящая жизнь, и подобно тому как дочеловеческий субъект пытается учесть все возможности конкретной ситуации для того, чтобы максимально экономным способом обеспечить удовлетворение актуализировавшейся потребности, так и человеческий субъект пытается сориентироваться в «ситуации» своей жизни, что бы выбрать такой ее способ, который удовлетворял бы, тоже оптимально, всю совокупность потребностей. В данном аспекте личность человека является продуктом развития субъекта. В заключение этих вводных замечаний о специфике социально развитой психики следует подчеркнуть, что в них речь шла только о познавательном отражении, к тому же только о наиболее общих его особенностях. Среди них можно отметить способность к расширенному отражению в контексте «образа мира», в своем высшем проявлении обнаруживающуюся в качестве феноменов осознания, и возможность отражения любого содержания независимо от конкретно воспринимаемой ситуации, при чем с произвольной регуляцией этого процесса субъектом. В последующем обсуждении мотивации человека при ссылаках на специфику отражения им дей-

22

ствительности будут иметься в виду прежде всего эти особенности. В начале этого обсуждения ознакомимся с основными феноменологическими проявлениями мотивации в человеческой жизни. Это должно способствовать конкретизации обсуждаемых вопросов и предварительному обозначению терминов.

РАЗНООБРАЗИЕ МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Существующие концепции мотивации различаются не только теоретическими и терминологическими установками, но и тем, что в них служит объектом исследования, поэтому в мнениях о том, что составляет мотивационную сферу человека и что должна объяснять психология мотивации, желательного единства нет². Правда, эти мнения обнаруживают также некоторую зону согласия и расходятся в основном более или менее расширенным пониманием этой сферы помимо центрального, общепризнаваемого феномена. Обычно и прежде всего к мотивации относят все то, что побуждает реально совершаемую активность:

обобщенные и более конкретные жизненные цели, ради которых человек учится, работает, воспитывает детей, увлекается путешествиями—словом, достижению которых он посвящает свою жизнь³. Полагается, что все, совершаемое человеком — как различные виды систематической деятельности, так и множество заранее не планируемых и зависящих от обстоятельств ежедневных действий — имеет свои мотива-ционные основания; когда он, скажем, по дороге останавливается, чтобы на что-то посмотреть, ответить на вопрос прохожего или привести в порядок

² См. Москвичев, 1975; Хекхаузен, 1986; Якобсон, 1969; Arkes, Garske, 1982; Atkinson, Birch, 1978; Bindra, Stewart, 1966; Buck, 1976; Haber, 1966; Madsen, 1968, 1974; Reykowski, 1970; Vernon, 1969; Young, 1944, 1961; и др. ³ К. Обуховский, например, определяет мотив как «вербализацию цели и программы, дающую возможность данному лицу начать определенную деятельность» (1971. С. 19); Х. Хекхаузен предлагает «понимать мотив как желаемое целевое со-стояния в рамках отношения "индивид—среда"», а мотивацию как то, что «объясняет целенаправленность действия» (1986. Т. 1. С. 34).

одежду, эти ситуативные действия определяются лю бопытством, вежливостью, желанием выглядеть оп рятным и другими подобными мотивами. Потенциальная мотивация. Значительно реже ут верждается (напр., Асеев, 1971), что мотивационное значение имеет также обширный круг явлений, кото рые актуально деятельности не побуждают, но могут ее побуждать, т. е. представляют собой потенциал ьные мотивы (Ковалев, Дружинин, 1982). Отметим основные разновидности таких явлений, а также ар гументы в пользу отнесения их к мотивационным, поскольку наделение этим качеством явлений, не по буждающих к деятельности, может показаться спорным. Если человек не заготавливает себе на зиму топ ливо, это не значит, что ему не важно, в каких тем пературных условиях предстоит жить. Одна из ха рактерных особенностей социальной жизни состоит в том, что многие необходимые для человека условия и блага, например обогрев квартиры, обучение детей, правовая защита, создаются организацией общества и другими людьми при частичном его участии или вовсе без него (Миллер и др., 1964. Гл. 7). Очевид но, что было бы неверно отказать такого рода бла гам в мотивационном значении на том основании, что из-за общественного разделения труда сам человек их не создает, особенно если учесть, что в их отно шении он не совсем бездеятелен. Не принимая пря мого участия в их создании, он обычно следит за этим процессом и обнаруживает готовность при по явлении необходимости активно в него включиться: при болезни ребенка он садится с ним за школьные учебники, услышав о нарушении законности — присое диняется к требованиям ее восстановления и т. п. Не требовать активности человека может не толь ко то, что создается другими, но также и то, что уже создано им самим. Такие продукты его деятельности в прошлом, как профессиональные достижения, соб ственные качества, взрослые дети, составляют дру гой класс мотивационно значимых, но не вызываю щих выраженной внешней активности явлений. Жиз ненные цели, когда-то активно преследовавшиеся человеком, не могут, по всей видимости, терять мотивационное значение по той причине, что они стали

24

достигнутыми (или оказались лишь частично достижимыми) и получили результативное выражение. Во всяком случае такие экс-мотивы часто служат предметом интенсивных воспоминаний и внутренних отношений (гордости, недовольства), а при определенных условиях, как и другие потенциальные мотивы, могут стать актуальными: любое сделанное когда-то дело, например выращенная роща, может вновь потребовать полной отдачи человека при угрозе ее уничтожения. Кроме обозначенных выше мотивационно значимых явлений, которых объединяет то, что в их достижении нет необходимости, отдельно можно выделить разновидность потенциальных мотивов, для достижения которых человек не имеет возможности. Причины такой невозможности достаточно разнообразны. Во-первых, в условиях общества жизнь людей регламентируется целой системой законов, традиций, писаных и неписаных правил, и то, чему человек был бы готов отдать свою энергию и время, с точки зрения этих правил может быть просто недопустимым. Во-вторых, сам человек может отказаться от самых заманчивых планов из-за отсутствия уверенности в том, что для их

достижения у него окажется достаточно способностей, энергии, прилежности, здоровья и т. п. Наконец, в-третьих, одно из основных противоречий человеческой жизни состоит в том, что, обладая, как правило, большим числом разнообразных увлечений и интересов, человек как субъект деятельности остается в единственном числе, поэтому посвящение себя некоторому делу часто автоматически исключает возможность занятия другими. В силу этого человек часто оказывается перед необходимостью выбора среди нескольких в принципе не отвергаемых мотивов одного для активного достижения и перевода остальных в ранг потенциальных. Какие причины—объективные или субъективные—ни делали бы невозможным достижение потенциальных мотивов, с течением времени они могут исчезнуть или измениться, открывая перед человеком новые перспективы и заставляя решать вопрос: не следует ли направить деятельность на достижение мотивов, ставших возможными в связи с происшедшими изменениями. Таким образом, потенциальной

мотивацией определяются как бы резервные варианты жизни — то, будет ли и как будет она изменяться в случае появления перед человеком новых возможностей (например, сменить работу, место жительства, круг общения и т. п.). В устоявшихся условиях жизни такая мотивация играет важную роль в развитии грез и мечтаний, может влиять на художественные вкусы или творчество. Мотивация человека не исчерпывается пристрастным отношением к кругу явлений, непосредственно касающихся его жизни, о которых в основном до сих пор шла речь. На основе сопереживания другим людям, понимания сложного комплекса причин, от которых зависит их жизнь, мотивационное значение приобретают обобщенные социальные ценности, система убеждений и нравственных норм, благодаря которым человека могут глубоко волновать события, происходящие, допустим, на другой стороне планеты и прямого отношения к его жизни не имеющие. Область спорта предоставляет только наиболее яркие примеры сопереживания человека деятельности других людей как характерного вида его активности. Столь же страстно он может «болеть», интересуясь политическими событиями, развитием техники, охраной природы — всем тем, о чем ежедневно сообщают газеты. Все сказанное выше позволяет, по-видимому, заключить, что активно достигаемые человеком мотивы, связанные с профессиональной и общественной деятельностью, семьей, увлечениями досуга и т. п., составляют хотя и самую важную, однако небольшую часть мотивационно значимых для него предметов. Круг таких предметов практически не имеет пределов, и почти все, что окружает его в природной и социальной среде, отражается им как нечто, что следует беречь, осуждать, изменять, поддерживать, развивать и т. п. Важно отметить, что такого рода отношения не обязательно отчетливо осознаются, и человек, конечно, не думает, что каждый забор, мимо которого он проходит, тоже для него значим. Однако такая значимость существует, и когда, скажем, он останавливается и пытается объяснить ребенку, почему забор, даже если очень хочется, ломать нельзя, им осуществляется деятельность, мотивируемая, в

26

частности, этой значимостью и желанием сформировать ее также у ребенка. Всеобщая мотивационная значимость отражаемых явлений.

Столь широкая трактовка мотивации не является традиционной, требуя, по-видимому, пояснений и уточнений. Рассмотрим эту проблему сначала с терминологической стороны. Как упоминалось, мотивами в психологической литературе обычно называются внутренние факторы, побуждающие реальную деятельность. Образования же, рассматривавшиеся выше в качестве мотивационных, часто обсуждаются не под этим названием, а как ценности, интересы, отношения, смыслы, идеалы, установки, нормы, убеждения и др.⁴ Не может быть сомнений, что эти термины обозначают специфические явления и их аспекты. Но поскольку они также явно родственны и частично переходят друг в друга, уместно ставить вопрос: что общего между ними? Едва ли нуждается в доказательстве ответ, утверждающий, что все они обозначают разновидности равнодушного, активного, пристрастно-оценочного отношения человека к различным аспектам окружающей действительности. Источником же пристрастности в отражении, как

широко признается, являются потребности человека. Именно это оценочное отношение потребностного происхождения, общее для различных выделяемых в литературе пристрастных образований, мы обсуждали выше под названием мотивационного. Аргументы в пользу такого объединения (и, следовательно, единой интерпретации) всевозможных значимых, в том числе и оценочных, отношений выше уже упоминались: это—принципиальная и постоянная готовность оценочных отношений стать побуждающими (что позволяет называть их потенциальными мотивами), а также тот факт, что, не побуждая внешней деятельности, они обычно служат влиятельной детерминантой таких форм внутренней деятельности, как воспоминания, мечты и т. п. Кстати, когда человек те же мечты излагает в дневнике или

⁴ См.: Анисимов, 1970, Асмолов, 1979; Бассин, 1973; Здра-БОМЫСЛОВ, 1986; Леонтьев, 1969; Мясищев, 1957; Непомнящая " Др., 1980; Сакварелидзе, 1985; Узнадзе, 1961; и др.

делится ими с близкими людьми, то эти проявления внутренней жизни имеют все признаки внешней деятельности. Таким образом, потенциальные мотивы не только обнаруживают принципиальную готовность стать актуальными, но оплош и рядом становятся таковыми, побуждая человека чем-то в общении поделиться, с одним — согласиться, похвалить, другое — опротестовать, высказать возмущение. В этом отношении весьма показательным является специфический вид символической деятельности человека, служащей именно экстериоризации его ценностей и идеалов. Речь идет, например, о различных формах чествования юбилейных дат, организованных и спонтанных демонстрациях, ритуалах почитания символов, имеющих общепризнанное или индивидуальное значение, и т. п. Такого рода деятельность побуждается, как правило, не прагматической мотивацией, а пристрастно-оценочными отношениями, что, очевидно, свидетельствует о необходимости их учета при анализе человеческой мотивации. Тезис об исключительном разнообразии круга мотивационно значимых явлений нуждается в уточнении еще с одной стороны—в свете факта взаимозависимости этих явлений и соответственно их значений для человека. Даже поверхностное ознакомление с феноменологией обнаруживает, что мотивационное значение многих предметов взаимообусловлено или соподчинено: материалы, инструменты, знания, помощь других людей нужны человеку не сами по себе, а для того, например, чтобы построить дом, который в свою очередь нужен для того, чтобы в нем удобно жить, и т. п.⁵ Из такого рода фактов, демонстрирующих иерархическую соподчиненность мотивационных значений, следует естественный вывод о необходимости различения, с одной стороны, абсолютно, независи-

⁵ «Если все известные ценности распределить по степени их значимости для человечества, его существования и прогрессивного развития, то получится классификация в виде своеобразной иерархии ценностей, подчиненной принципу субординации, где каждая ценность по отношению к вышестоящей ценности играет роль средства, или условия, или вытекающего из нее следствия» (Анисимов, 1970. С. 22).

28

мо, «само по себе» значимых явлений, выступающих в качестве конечных целей деятельности, с другой—таких, которые имеют лишь временное, ситуативное, инструментальное значение и выступают в качестве средств, условий, промежуточных целей деятельности. Такое различие отчетливо проводится в концепции А. Н. Леонтьева (1972, 1975), в которой мотивами называются только конечные цели деятельности, т. е. только такие результаты и предметы, которые имеют независимое мотивационное значение. То значение, которое временно приобретают самые разнообразные обстоятельства, определяющие возможность достижения мотивов и выступающие, в частности, в качестве промежуточных целей, в данной концепции получило название смысла, а процесс, в результате которого мотивы как бы одалживают свое значение этим обстоятельствам,—процесса смыслообразования. Таким образом, теория А. Н. Леонтьева содержит тезис о всеобщей мотивационной значимости явлений (поскольку трудно вообразить предмет, не представляющий для человека

никакого смысла), более того, в ней этот тезис получает дальнейшее развитие, состоящее в предложении различать абсолютное значение (которое имеют мотивы) и многочисленные производные от него смыслы (см. Вилюнас, 1983). Однако существует ряд причин, вследствие которых при попытке применить данное теоретически важное различение по отношению к реальным фактам жизни возникают значительные затруднения. Отметим главные из них. Человек может беречь когда-то верно ему служившие вещи (инструменты, книги) и не имея определенных планов их прагматического использования, его благодарность оказавшим помощь людям тоже обычно не исчезает, когда они перестают быть ему полезными. Одно из несомненных отличий человека от животных состоит в том, что он способен усматривать не только сиюминутную инструментальную полезность всевозможных предметов, выступающих в качестве средств и промежуточных целей реально совершаемой деятельности, но также и их потенциальную полезность, которая обнаружится если не сегодня, то завтра, если не для него лично, то для других людей. Этим обстоятель-

ством обусловлен тот факт, что весьма большой круг самых разнообразных предметов, генетически и функционально являющихся средствами для удовлетворения человеческих потребностей, имеет хотя и инструментальное, производное, но вместе с тем устойчивое, постоянное мотивационное значение и часто побуждает деятельность, не имея за собой «конечных» мотивов. Когда человек прилагает порой значительные усилия, чтобы высвободить себе день — другой, он вовсе не обязательно должен знать, для чего это время впоследствии им будет использовано. Как универсальное условие удовлетворения большинства потребностей, время обладает автономной ценностью — так же, как знания, социальный статус, деньги, орудия труда и многое другое, нужда в чем, генетически обусловленная другими потребностями, впоследствии становится «функционально автономной» (Allport, 1937. Ch. 7). В концепции А. Н. Леонтьева феномен приобретения свойств и функций мотива отдельными промежуточными средствами-целями получил название «сдвига мотива на цель» (1972. С. 304). В теоретическом плане данный феномен расшифровать сравнительно просто: он означает, что в онтогенезе круг абсолютно мотивационно значимых предметов расширяется, в частности, за счет того, что такое значение вследствие «сдвигов» приобретают также наиболее важные предметы-средства. Но практически определить границы такого круга очень трудно. Феноменологические данные (которые мы сейчас обсуждаем), отчетливо демонстрирующие, например, заинтересованность и активность человека в некоторой области, часто не раскрывают того, является ли эта заинтересованность инструментально-деловой, основанной на расчете, или истинной, связанной с абсолютными ценностями. Кстати, возможно и даже весьма характерно для человека сочетание того и другого: серьезное увлечение творчеством или коллекционированием не исключает одновременного преследования в этой деятельности прагматических целей. Непосредственное наблюдение часто не дает оснований судить о том, произошел ли некоторый возможный «сдвиг» или еще нет, не говоря уже о более существенных вопросах: как часто такие «сдвиги» происходят во-

30

обще, возможны ли многоступенчатые «сдвиги», если да, то какие существуют в этом отношении ограничения? ⁶ Такого рода факты и неясные вопросы свидетельствуют о том, что различение отдельных видов мотивационного значения представляет собой достаточно запутанную проблему, а не легко констатируемый феноменологический факт. Отметим, наконец, что ряд важнейших человеческих мотивов вообще не имеет характера результативной направленности, в связи с чем отвечающие им частные цели могут не обнаруживать инструментальной соподчиненности и зависимости от конечных целей. Мы общаемся или наслаждаемся прекрасным не ради чего-то, а потому, что для нас эти моменты жизни — и предметы действий, и сами действия — представляют ценность сами по себе. Поэтому абсурдной кажется мысль о просьбе кому-то сделать это за нас, тогда как в случае мотивации, направленной на результат, когда, скажем, нужно забить гвоздь или выполнить служебное поручение, обращение за помощью кажется вполне возможным. Из-за отсутствия перспективной направленности и впечатления вплетенности мотивирующего момента в сам процесс деятельности

обсуждаемая мотивация иногда называется функциональной. Однако в определенном аспекте она является, можно сказать, даже более предметной, чем результативная мотивация. Действительно, что является предметом, скажем, эстетической потребности? По-видимому, все, в чем человек усматривает элементы прекрасного или безобразного и что он в этом качестве готов воспринимать. Но числа таким предметам нет, что объясняет необходимость самоличного участия человека в деятельности, открывающей красоту нескончаемого потока предметов и их аспектов (музыкальных фраз, поэтических образов и т. п.), каждый из которых, подчеркнем это еще раз, имеет самостоятельное, не выводимое из конечных целей мотивационное значение. Собирательный характер предметного содержания

⁶ Проблема мотивационных «сдвигов» ниже будет рассмотрена отдельно.

отдельных видов человеческой мотивации создает возможность его отражения на разных уровнях по нятийного обобщения (Murray, 1964). Поэтому в стремлении к неперенному объяснению всего конеч ными причинами поведения (по аналогии с резуль тативной мотивацией) мы можем, конечно, сказать, что человек слушает музыку из-за любви к прекрас ному или возмущается чьим-то проступком из-за чув ства справедливости. Однако такие высказывания утверждают, по существу, одно и то же, только на разных уровнях обобщения, поскольку прекрасное и музыка, справедливость и конкретный поступок со относятся как общее и частное, а не как конечные цели и средства их достижения. Существование собирательных мотивов, находя щих конкретное воплощение в целом множестве пред метов ⁷, подтверждает оправданность тезиса о всеоб щей мотивационной значимости явлений. Достаточно, например, любить природу и уважительно относиться к продуктам человеческого труда, т. е. иметь сре ди прочих всего два мотива, чтобы практически все, что окружает человека, было бы для него мотива- ционно значимым и побуждающим по мере возмож ности все это беречь. В целом данные о разнообразии мотивационных отношений человека требуют представления, соглас но которому мотивация открывается в психическом образе не в виде одного или нескольких побуждений, исходящих из конечных мотивов, а скорее в виде сложного поля со множеством взаимодействующих мотивационных отношений к отдельным отражаемым предметам (подобно тому, как это изображал К. Левин, см. Анцыферова, 1960; Heider, 1960; Lewin, 1935, 1951). Конечно, составляющие этого поля не равны по значению, в нем обычно выделяются одна или несколько доминант, привлекающих основное внима ние субъекта, однако это не значит, что другие со- ставляющие не оказывают влияния на его активность.

⁷ О существующей в литературе (хотя не всегда в явном виде) тенденции различения обобщенных и конкретно-ситуативных мотивационных образований см. Патяева, 1983.

Так, человек может заметно изменить характер телефонного разговора или процесс еды при появлении рядом другого, даже незнакомого лица именно из-за изменения общего мотивационного фона активности. Исследования показали, например, что чем больше людей сидят за столиком в столовой, тем реже и короче каждый из них оглядывается кругом, что, впрочем, во время совместной еды обнаруживают многие виды животных (Wirtz, Wawra, 1986). Доминирующие побуждения определяют общее направление активности, ее же способ, конкретное содержание порой весьма сложным образом корректируется мотивационным значением окружающих предметов. Практически постоянное влияние на способ действий человека оказывает, например, этическая мотивация (Божович, Конникова, 1975). Как можно видеть, ознакомление с феноменоло- гией мотивационных отношений человека подтверждает и наглядно иллюстрирует положение С. Л. Рубинштейна, согласно которому «мотивационное значение приобретает каждое отраженное человеком явление... Поэтому мотивация заключена не только в чувствах и т. д., но и в каждом звене процесса отражения, поскольку оно всегда включает в себе и побудительный компонент»

(1969. С. 369—370). Данное представление конкретизирует теоретический принцип единства интеллекта и аффекта (Выготский, 1982. С. 22; Рубинштейн, 1957. С. 264), утверждая, что на полюсе аффекта в виде пристрастного отношения ко всему отражаемому в психическом образе получает выражение мотивация. Многочисленность и разнообразие человеческих мотивационных отношений, а также достаточно очевидный факт, что их развитие невозможно без понимания всего комплекса причин и отдаленных последствий происходящего, т. е. зависит от развития интеллекта, объясняет продолжительность и сложность процесса их онтогенетического формирования. Рассмотрим, тоже с феноменологической стороны, какие условия и воздействия влияют на этот процесс.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Среди тех отношений, в которые вступают люди в условиях общества, одними из наиболее характерных и важных являются воспитательные отношения, направленные на формирование новых мотивационных ориентации. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении всей жизни буквально с первых ее недель человек подвергается постоянному, тотальному и хорошо организованному, хотя часто и противоречивому давлению со стороны других людей и специальных социальных институтов, преследующему цели воспитания и предписывающему принимать одни и отвергать другие ценности, нормы, идеалы и т. п. Изначально воспитательные воздействия исходят из ближайшего окружения: родители, сотрудники дошкольных учреждений, да и все взрослые, общаясь с ребенком, обычно не оставляют позиций воспитателя и используют все подходящие случаи для того, чтобы указать, каким он должен быть и что недостойно в жизни. Впоследствии по мере приобщения человека к культуре и вхождения в социальную жизнь источники воспитательных воздействий становятся значительно более разнообразными; наиболее прямо за формирование определенной мотивационной направленности человека отвечают школа, средства массовой информации, искусство, общественные организации, работа, правоохранительные органы; фактически от этой функции не освобожден ни один социальный институт или конкретный человек, который за неверное воспитание, например, вовлечение подростков в асоциальную деятельность, может понести даже уголовное наказание⁸. Неправильно было бы думать, что человек как объект тотальных воздействий по формированию пристрастных отношений остается пассивным существом.

⁸ Влияние различных социальных институтов на развитие мотивации человека и конкретные способы этого влияния анализируются в работах Б. Ф. Скиннера (Skinner, 1953, 1969, 1972). Деньги, например, этим автором рассматриваются как «генерализованный подкрепляющий фактор *par excellence*» (1953. Р. 79)

ром, безропотно впитывающим все, что содержится в созданной вокруг него воспитательной атмосфере. Первые проявления характерного для человека стремления отстаивать собственные ценности можно усмотреть уже в обидах ребенка, обвинениях в адрес матери «ты нехорошая», угрозах «не буду тебя любить» и т. п. Эти сначала наивные и беспомощные попытки изменить воздействия и требования взрослого в подростковом возрасте могут принять форму уже систематического сопротивления, проявляющегося в виде негативизма, упрямства, «аффекта неадекватности», демонстративной самостоятельности, от-вержения принятых ранее ценностей (Драгунова, 1972; Краковский, 1970; Неймарк, 1965; Славина, 1966). Следует признать, что такие попытки воспитания воспитателей уже не являются безуспешными, так как, не сталкиваясь с кризисными явлениями подросткового возраста, взрослые, по-видимому, значительно дольше оставались бы на удобной для себя авторитарной позиции и видели бы в ребенке только послушного преемника своих ценностей и

идеалов. Отстояв некоторое право на самостоятельное, не задаваемое целиком извне мотивационное развитие, подросток с полной отдачей погружается в характерную для этого возраста деятельность интимно-личностного общения со сверстниками (Гогичаишвили, 1974; Драгунова, 1967; Эльконин, 1971), которая по функциональному значению (см. Мудрик, 1986) может быть названа деятельностью коллективного самовоспитания. Ценности взрослых, литературные образцы, житейские нормы подвергаются в подростковых группах обсуждению, пересмотру и обыгрыванию, и те из них, которые такое испытание выдерживают, становятся «своими», активно отстаиваемыми и распространяемыми, ибо «...всякий стремится, насколько возможно, к тому, чтобы каждый любил то, что он сам любит, и ненавидел, что он ненавидит» (Спиноза, 1957. С. 481). Важно подчеркнуть, что уже в этом возрасте формирование представлений о правах, чести, вкусах, достойных увлечениях происходит в условиях совместного выяснения не только мнений, но и на этой почве взаимных отношений с привлечением таких средств, как почитание, признание авторитетности

или осмеяние, игнорирование, презрение, вплоть до доводов физического порядка. Все это придает общению подростков характер активного взаимовоспитания и обеспечивает согласованное развитие их мотивационных отношений. Отношения взаимовоспитания между представителями одного и того же поколения, устанавливающиеся в подростковом возрасте и проявляющиеся в одобрении и поддержке людей, мотивационные отношения которых человек разделяет, и осуждении неверных, с его точки зрения, ценностей и принципов, сохраняются на протяжении всей жизни. Конечно, движущие силы, форма, значение таких отношений постепенно меняются. По мере становления взрослым человек избавляется от юношеского максимализма, учится понимать и уважать взгляды других людей, привыкает выражать свое отношение к ним в общественно принятых формах. С другой стороны, по мере осознания и уточнения своих политических, нравственных, культурных ориентации у человека формируются принципиальные отношения к определенным типам людей или социальным группам, выражая которые он может не находить нужной излишнюю сдержанность. Короче, мотивационные воздействия на других людей постепенно теряют характер импульсивного сиюминутного настроения и все чаще обнаруживаются, особенно в официальной жизни, как продуманные, нравственно выверенные, согласованные с действиями других людей или совместные поступки. В реальных человеческих взаимоотношениях такого рода поступки выходят за пределы традиционной практики воспитания, для которой формирование новых мотивационных отношений является специально преследуемой целью, подчиняясь значительно более широкому кругу решаемых человеком задач. Одна из характерных особенностей социальной жизни состоит в том, что многие из таких задач не могут быть решены только собственными усилиями человека или формальным применением административной власти, которой он наделен. Продвижение некоторой идеи или дела часто зависит от умения увлечь, «заразить» ими других людей, обесценить в их глазах альтернативные идеи. В психологических терминах это означает изменение их мотивационных отношений.

Разумеется, человек не только пытается скорригировать мотивацию других людей сообразно своим представлениям и жизненным целям, но одновременно сам является постоянной мишенью для множества такого рода попыток. По этой причине сложившуюся систему мотивационных отношений взрослого человека, обычно отличающуюся устойчивостью ряда основных характеристик, тем не менее следует представлять динамическим образованием, находящимся в постоянном взаимодействии с мотивацией других людей и испытывающим в этом взаимодействии как поддерживающие, так и разрушающие влияния. В силу этого человеку некоторое мотивационное отношение часто приходится не столько иметь, сколько уметь отстаивать, причем люди, очевидно, различаются выраженностью такого умения. Поражает разнообразие форм, в которых могут предприниматься попытки внести личностный «вклад» (Петровский, Петровский, 1982) в мотивационные отношения другого человека. Кроме прямого одобрения-осуждения, варьирующего от выраженного в вежливой форме сомнения до резкого замечания, в непосредственном общении этой цели могут служить

приветливый или холодный тон разговора, ирония, подчеркнутое удивление, в официальных отношениях — предание данных о поступках человека гласности, различные поощрения и наказания, в безличных формах социального взаимодействия—агитация, пропаганда, реклама, сатира и многое другое. Понятно, что обмен мотивационными воздействиями как специфическая разновидность и важнейший компонент человеческих взаимоотношений не может быть свободным от социального контроля, поэтому в каждом обществе существует целая система культурных традиций и административно-правовых предписаний, нормирующих условия и формы этого обмена. Конечно, не всякое мотивационное воздействие является воспитательным, причем не только в том смысле, что оно, как это часто бывает, оставляет человека равнодушным и не изменяет его устойчивых мотивационных отношений, но и в том, что оно такой цели не преследует. Речь идет о случаях, в которых человек побуждается к совершению необходимых действий при помощи различных благ или угроз на-

36

37

казания, т. е. о воздействиях, направленных на формирование «внешней» по отношению к этим действиям мотивации⁹. Однако следует отметить, что за пределами явных случаев разграничить мотивационные и воспитательные воздействия сложно как в теории, так и на практике. Так, родитель, предупреждающий ребенка, что он не пойдет гулять, пока не наведет порядок в комнате, может руководствоваться исключительно прагматическими соображениями и не рассчитывать, что от этого изменится его отношение к порядку. Но если разобраться в подтексте данного воздействия, напоминающего ребенку о его обязанностях, о накапливающемся недовольстве им взрослого и т. п., то нетрудно убедиться, что и оно вносит свой вклад в создание вокруг ребенка упоминавшейся тотальной воспитательной атмосферы. Наконец, такое воздействие лишний раз открывает ребенку, что порядок ценится взрослыми, а это значит, что это явление приобретает в его глазах и некоторое устойчивое мотивационное значение, если, конечно, он не полностью равнодушен к ценностям взрослых. Ниже, где это имеет значение, термин «мотивационное воздействие» используется как более широкий, охватывающий случаи формирования не только «внутренней», но и «внешней» мотивации. Воспитательными же будут называться воздействия, нацеленные на изменение мотивационных отношений человека. Для полноты картины следует добавить, что человек воспитывается не только специально организованными воздействиями, но и, подчас без всякой преднамеренности, самими по себе условиями жизни, наблюдаемыми в ней примерами. Существование этих «двух источников воспитания» и важность взаимодополнения ими друг друга подчеркивались В. А. Сухомлинским. Воспользуемся для иллюстрации одним из приводимых этим автором примеров: «Воспитатель группы продленного дня ведет детей в школьную столовую... В столовой ребенок не только ест, но и видит. Видит и хорошее и плохое. Вот семиклассник оттеснил от буфетного столика первоклассника, купил, что нужно, а малыш оказался в конце

⁹ О различении «внутренней» и «внешней» мотивации см.: Мильман, 1987; Ярошевский, 1971.

очереди... Ребенок видит у умывальника грязное по лотенце. Хочешь — мой руки, не хочешь — не мой, но потому, что никому не хочется заниматься еще одним делом, никто не моет рук. На окне стоит горшок с розой. В горшок складываются огрызки яблок. Окно засижено мухами. С кухни доносится сердитый голос: мужчина кого-то ругает за то, что не вымыли окна, не побелили стену под умывальником. •<...>• Из всего, что видел ребенок в течение двадцати.. минут в школьной столовой, в его подсе знании отразилось много хорошего, но отразились и факты, резко расходящиеся с поучениями, которые детям, конечно, часто приходится слышать от воспитателя» (1980. Т. 3. С. 317—319). Обобщенный вывод из такого рода примеров можно передать словами этого же автора: «Воспитывает каждая мнута жизни и каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимолетно» (1967. С. 39). Существующее множество различных и часто взаимоисключающих воспитательных влияний ставит человека в условия,

при которых его активность в формировании собственной мотивации имеет характер выбора среди разных открывающихся вариантов удовлетворения и развития потребностей (см. Сафин, Ников, 1984; Файзуллаев, 1985, 1987). Понятно, что изначально этот фактор мотивационного развития большого значения не имеет (хотя в случае воспитательных разногласий в семье ребенок имеет некоторую возможность выбора уже в раннем детстве), однако при окончательном оформлении мотивационной сферы личности, требующем выбора того или иного способа жизни, иначе говоря—определенного варианта удовлетворения сложившихся потребностей, он становится одним из главных. В сжатом виде это передают слова Б. Ф. Поршнева: «...история личности— это история отклоненных ею альтернатив» (1969. С. 348). А поскольку мотивационные выборы человека часто определяются не только сложившимися потребностями, но и «зоной ближайшего развития» мотивации (Бодалев, 1986), перед ним неизбежно встают задачи самовоспитания (Ковалев, Бодалев, 1958; Кочетов, 1967; Рувинский, 1984; и др.). Итак, практика формирования мотивации челове-

ка не сводится к односторонним воспитательным воздействиям на него в ранние периоды жизни, охватывая самый широкий круг его взаимодействий с другими людьми и культурой, в которых он выступает и как объект, и как субъект воспитания. Впоследствии мы будем возвращаться к этой повседневной практике, психологический анализ которой может дать, как представляется, не менее ценные данные, чем проводимые в этой области научные эксперименты.

СИТУАТИВНОЕ И ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ

В заключение описательной характеристики человеческой мотивации и частично в дополнение к ней обозначим основные проблемы, изучаемые в психологии мотивации и подлежащие дальнейшему обсуждению в данной работе. Феноменологически мотивация обнаруживается как особый пласт «образа мира», составляемый множеством пристрастных отношений субъекта ко всему, что в некоторый момент им отражается¹⁰. Данное обнаружение пристрастности зафиксировано в имеющем древние традиции положении, выделяющем и противопоставляющем в психическом интеллект и аффект (познание и чувства, знание и переживание, значение и смысл). Несомненны как сложность, разнообразие и взаимосвязанность человеческих мотивационных отношений, так и отсутствие явных или легко выявляемых признаков для их упорядочивания, следствием которого является практически полное отсутствие общепринятых различий и терминологических обозначений в существующих попытках их упорядочивания в психологической теории (Хек-

¹⁰ «В процессе отражения явлений внешнего мира происходит и определение их значения для индивида и тем самым его отношения к ним (психологически выражающегося в форме стремлений и чувств), В силу этого предметы и явления внешнего мира выступают не только как объекты познания, но и как двигатели поведения, как его побудители, порождающие в человеке определенные побуждения к действию,— мотивы» (Рубинштейн, 1937. С. 244).

40

хаузен, 1986; Granich, 1932; Koch, 1951; Peters, 1967), Такое состояние психологии мотивации придает феноменологическим данным значение одной из немногих надежных опор для обозначения рассматриваемых вопросов и предварительного структурирования Проблематики. Если упомянутое обнаружение в психическом образе множества мотивационных отношений и побуждений обозначить как главное феноменологическое проявление человеческой мотивации, то в плане дальнейшего ее освещения наиболее естественными и важными представляются прежде всего два вопроса: во-первых, чем эти отношения и побуждения обусловлены, каково их происхождение и, во-вторых, к чему они приводят, каковы их последствия? Очевидно, что эти два вопроса адресованы к достаточно различным линиям исследования мотивации, а именно — онтогенетическому и ситуативному ее развитию (Вилюнас, 1979; Bindra, 1959. Р. 290). Существующие концепции мотивации различаются тем, какое место в них занимают обе линии исследования. Так, ситуативное развитие мотивации практически не рассматривается во многих концепциях научения из-за свойственной им энергетической интерпретации потребностей (Brown, 1953; Madsen, 1965 и др.), при которой поведение объясняется не развитием в ситуации мотивационных побуждений, а

актуализацией присвоенного опыта. Психоанализ же, наоборот, не только признавал, но и убедительно показал существование и значение ситуативной мотивационной динамики, вскрыв ряд ключевых феноменов этого процесса, таких как конфликт, защита, вытеснение (Фрейд, 1916, 1924; Rapaport, 1960). В академической психологии данная линия исследований была заложена уделявшей ей преимущественное внимание концепцией К. Левина (Lewin, 1935, 1952; см. Бибрих, 1978; Орлов, 1979), следующими словами указавшего на специфику своего подхода; «Вместо того, чтобы связывать потребность прямо с моторикой, она связывается с определенными свойствами окружения. Затем окружение определяет моторику» (цит. по: Madsen, 1968. Р. 139).¹ Благодаря важности процессов ситуативного развития мотивации, а также относительной доступности

сти экспериментальному контролю, их исследования получили широкое распространение и стали доминирующим направлением изучения мотивации в современной психологии (см. Хекхаузен, 1986). Среди тем, пользующихся наибольшим вниманием, можно отметить мотивационные конфликты (Festinger, 1962; Miller, Swanson, 1966; Yates, 1965), фрустрацию (Левитов, 1967; Lawson, 1965; Maier, 1949), защитные механизмы (Plutchik а. о., 1979; Sjoback, 1973; Symonds, 1946), влияние на возникновение побуждений субъективной ценности целей и предвосхищаемой вероятности успеха (Atkinson, 1957; Festinger, 1942; Rotter, 1955), интенсивное изучение которого началось с исследований уровня притязаний (Бороздина, 1985; Lewin а. о., 1946; Rotter, 1942) и мотивации достижений (Вайсман, 1973; McClelland а. о., 1976; Nygard, 1975), и др. Главное и общее назначение ситуативной мотивационной динамики состоит в согласовании и «когнитивной разработке» (Nuttin, 1964, 1984. Ch. 5) возникающих побуждений—определении на основе познавательных процессов их возможности и целесообразности, в результате которого они могут быть как отклонены, задержаны, так и приняты в качестве основы для конкретных действий. К сожалению, систематический обзор этой линии исследования мотивации представляет собой отдельную и сложную задачу из-за господствующей в ней методологии позитивизма, направляющей на выявление в рамках «факторного подхода» (Бибрих, Орлов, 1977) множества эмпирических зависимостей и не способствующей выяснению лежащих в их основе психологических процессов. В данной работе главным предметом обсуждения будет онтогенетическое развитие мотивации. Однако при таком направлении исследования процессы ситуативного развития мотивации не могут быть целиком оставлены в стороне. Дело в том, что их функциональное значение не исчерпывается отмеченным выше отвержением или санкционированием возникающих побуждений к действию. Какими бы ни были внешние воздействия, определяющие стабильные изменения в мотивации, они не могут влиять на эти изменения иначе чем через конкретную ситуацию: пе-

ред тем как приобрести устойчивое мотивационное значение, предмет сначала должен быть отражен, причем не просто как объект познания, а в качестве имеющего то или иное отношение к удовлетворению потребностей (например, как цель, условие, препятствие, сигнал и т. п.). Это значит, что он должен приобрести некоторое ситуативное мотивационное значение, побуждающее субъекта по отношению к нему к той или иной активности. Известно, что такие значения обычно долго не сохраняются, поэтому возмущение некоторым человеком вовсе не означает, что так к нему мы будем относиться всегда. Но известно также, что ситуативные значения способны оставлять следы в опыте индивида, фиксироваться в нем, поэтому возмущивший нас в конкретной ситуации человек в будущем может перестать казаться симпатичным и вызывать меньшее доверие. Способность ситуативных мотивационных значений повлечь изменения устойчивых мотивационных отношений позволяет рассматривать ситуативное развитие мотивации как своего рода первую фазу, вернее, необходимое, хотя и недостаточное условие ее онтогенетического развития, наступающего в случае

фиксации ситуативных мотивационных значений в опыте индивида (Вилюнас, 1986. С. 194). Те аспекты ситуативного развития мотивации, которые имеют прямое отношение к ее онтогенезу, будут рассмотрены в следующей главе работы.

В советской психологии распространена традиция объяснять онтогенетическое развитие мотивации процессом опредмечивания потребностей, который по придаваемому значению имеет статус теоретического принципа. Данный принцип означает, что изначально «...потребность выступает лишь как состояние нужды организма, которое само по себе не способно вызвать никакой определенной деятельности; ее функция ограничивается активацией соответствующих биологических отправлений и общим возбуждением двигательной сферы, проявляющимся в ненаправленных поисковых движениях» (Леонтьев, 1975).

С. 87) "; для того, чтобы такая потребность стала основой для целенаправленного поведения, она должна получить определенность в отношении отвечающих ей внешних объектов, т. е. опредметиться, «наполниться» содержанием, объективироваться и тем как бы передать функцию организации деятельности предмету, способному ее удовлетворить,— мотиву; момент, дающий начало этому процессу, характеризуется как «встреча потребности с предметом», как «чрезвычайный акт» в ее развитии (там же. С. 88). Следует отметить исключительное методологическое значение принципа опредмечивания потребностей (Вилюнас, 1983; Иванников, 1983). По существу он направлен против упоминавшейся энергетической интерпретации потребностей, которая отрывает их от познавательной сферы отражения и тем делает неразрешимым вопрос о том, каким образом примитивная и слепая энергия потребностей приводит в движение тонко дифференцированные структуры приобретенного опыта. В противоположность разрыву энергетического и содержательного полюсов мотивации принцип опредмечивания подчеркивает, что уже на самых первых этапах ее онтогенетического развития устанавливается единство этих полюсов. Это значит, что слепая энергия потребности не проявляется в психическом в качестве независимо действующей силы, что она обогащается приобретенным опытом познавательного характера, который процессом опредмечивания вводится в механизм потребности, формирует его содержание и становится неотъемлемым его компонентом. Только такая объективированная энергия, или, иначе, энергетизированный объект, вступает во взаимодействие с процессами отражения, обеспечивая организацию деятельности и в конечном итоге удовлетворение потребности. Однако важно подчеркнуть также и то, что сама по себе формулировка принципа опредмечивания только ставит, но не освещает вопросы о том, при каких условиях и как некоторая потребность «наполняется» предметным содержанием, какие кон-

" Об общей ненаправленной активности см.: Баканов, Иванников, 1983; Нюттен, 1975. Гл. 3; Baumeister a. o., 1964; Shirley, 1929,

кретно-психологические механизмы обеспечивают этот процесс, т. е. что лежит за аллегорией встречи потребности с предметом. Не дает ответа на эти вопросы также и положение о производстве предметов человеческих потребностей общественными силами, становящимися благодаря этому главной детерминантой их развития (Леонтьев, 1971; Мильман, 1982). Само по себе производство предметов материальной и духовной культуры автоматически их ценностью не наделяет, и, как было показано выше, от общества требуются значительные и постоянные усилия, причем не всегда достигающие успеха, для того, чтобы эти предметы приобрели мотивационное значение для отдельных людей. В чем состоят эти усилия, какие изменения они производят в индивидуальном сознании, чем определяется их эффективность — такого рода вопросы требуют уже не принципиально-методологического, а конкретно-психологического анализа проблемы развития человеческой мотивации. В данной работе этот анализ будет начат с обсуждения наиболее общих психологических механизмов онтогенеза мотивации.

Глава 2

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Для анализа механизмов развития мотивации человека большое значение имеет предварительное уточнение вопроса о том, в какой мере они являются специфически человеческими и в какой сохраняют сходство с механизмами, сложившимися в биологической эволюции. С целью такого уточнения рассмотрим сначала специфические признаки человеческой мотивации, выделяемые в затрагивающей этот вопрос литературе. Многие из признаков, составляющих в целом достаточно пестрый перечень, уточняют и развивают основополагающее положение о социальном происхождении мотивации человека, объясняемое, в частности, тем, что предметы его потребностей являются продуктом общественного производства (Здравомыслов, 1986; Леонтьев, 1971; Мильман, 1982). Подчеркивается, что в отличие от биологической мотивации, за которой стоят нужды индивида и вида, собственно человеческая мотивация в конечном счете отвечает нуждам общества (Веденов, 1956; Раппопорт, 1976; Рейнвальд, 1974). Таким ее происхождением объясняются как ее разнообразие, изменчивость, историчность (Бестужев-Лада, 1974; Донченко и др., 1984; Шорохова, 1974), так и тот факт, что она в онтогенезе развивается не спонтанно, а в результате специально направленных формирующих воздействий, составляющих основное содержание воспитания человека (Иванчук, 1986; Симонов, 1987; Чхартишвили, 1974).

• Другой важный фактор, определяющий специфику мотивации человека, — это ее опосредствованность интеллектом, речью, сознанием (Ковалев, 1981; Хекхаузен, 1986; Bick, 1985), осуществление при помощи волевых процессов (Иванников, 1985; Селиванов, 1974, Узнадзе, 1966). С этим связана устойчивость, надси-

46

туативность, функциональная автономность от состояний организма человеческой мотивации (Петровский, 1975; Файзуллаев, 1987; Allport, 1937), направленность на отдаленные жизненные цели (Барамидзе, 1974; Обуховский, 1974; Nuttiri, 1964), негомеостатический характер, «бесконечность» (Алхазишвили, 1974; Асеев, 1976; Harlow, 1953), трансгрессивность (Ko-zielecki, 1987). Отдельно можно выделить признаки, характеризующие внутреннюю организацию и динамику мотивации человека: иерархическую соподчиненность мотивов (Божович, 1968; Леонтьев, 1975; Maslow, 1943), полимотивированный характер деятельности, поливалентность мотивов по отношению к потребностям (Додонов, 1984; Имедадзе, 1984; Магун, 1983), пластичность, взаимозаменяемость (Дилигенский, 1975) и др. Как можно видеть, большинство из перечисленных отличий имеют феноменологический характер, скорее констатируя, чем объясняя наблюдающиеся факты. Это обусловлено тем, что выделение специфических отличий по своему назначению фиксирует движущие силы и конечные результаты развития мотивации человека, а не сам процесс развития, без знания которого, очевидно, полнота понимания и объяснения мотивации невозможна. Развитие же не может быть охарактеризовано только данными об отличиях, требующая обозначения того, с чего

оно начинается и как происходит: какие «низшие» мотивационные процессы преобразовываются социальными силами, формирующими «высшую» человеческую мотивацию, какие конкретно-психологические механизмы этого процесса, что именно опосредуется интеллектом, и т. п. Такого рода вопросы предполагают выяснение не отличий, а сохраняющегося сходства между социально развитой и биологической мотивацией—проблемы, которая в советской литературе, рассматривающей и подчеркивающей преимущественно отличия, освещена явно не достаточно. Для выявления общих моментов между социальной и биологической мотивацией важное значение имеет дифференциация различных аспектов мотивации, в частности ее содержания и механизмов. Дело в том, что при уточнении вопроса о специфике мотивации

человека эти два ее аспекта получают различное значение. Содержательные различия между биологической и собственно человеческой мотивацией могут быть констатированы без особых оговорок — настолько они существенны и очевидны. Тот факт, что мотивация человека формируется прижизненно в зависимости от социальных условий и в результате воспитательных воздействий, направляющих ее на общественно значимое содержание, т. е. что она имеет свой особый источник и движущие силы развития, объясняет как неизбежность этих различий, так и ту их принципиальность, при которой постановка вопроса о ее специфике едва ли имеет смысл. Специфическим по отношению к другому явлению может быть нечто, прежде всего с этим явлением сходное, но имеющее также и различия, которые понятием специфики, собственно, и охватываются. Содержание же биологической и социальной мотивации прежде всего различно. Это не оспаривают даже биологизаторские концепции (бихевиоризм, психоанализ), отстаивающие сходство происхождения и механизмов мотивации человека и животных, но не ее содержания. В отличие от содержания механизмы различных уровней мотивации столь резко противопоставляться не могут. Актуализация потребностей в виде установок, наиболее общие эмоциональные механизмы генетического и ситуативного развития мотивации и т. п., с одной стороны, не являются продуктом антропогенеза, с другой — используются в ее формировании и обнаружении у человека. Те феноменологические особенности, которые отличают механизмы собственно человеческой мотивации (опосредствованность интеллектом, волей, направленность на отдаленные жизненные цели и т. п.), не отрицают действия биологических механизмов, наоборот, согласно общему принципу формирования высших психических функций на основе натуральных (Выготский, 1983а), предполагают их как то, что в историческом развитии подвергается совершенствованию и преобразованию, т. е. как необходимое условие своего возникновения. Не случайно эти особенности появляются в онтогенезе сравнительно поздно как итог социального развития мотивации, а не как его предпосылка.

48

Человека обычно не приходится учить желать, бояться или гневаться, хотя на протяжении всего развития он подвергается непрерывным воздействиям по части того, чего ему следует или не следует желать или бояться, на что можно и когда недостойно гневаться, и т. п. Это значит, что новое социально обусловленное содержание, по крайней мере на начальных этапах онтогенеза, становится для человека мотивационно значимым на основе механизмов, сложившихся в биологической эволюции. Это вполне естественно, так как самой по себе необходимости в том, чтобы человек к новым, биологически ему не свойственным целям побуждался непременно новыми механизмами, в антропогенезе не существовало. Разумеется, то сложное содержание, которое получает мотивационное значение в социально развитой психике, не может быть уложено только в примитивные биологические формы, что, собственно, создает необходимость в возникновении специфически человеческих механизмов мотивации, однако это не исключает использования таких примитивных форм в развитии к действию сложных механизмов. Эти предварительные замечания

должны были показать, что при обсуждении вопроса о специфике человеческой мотивации недостаточно рассматривать ее как целостное явление без выделения составляющих ее аспектов¹. Одно и то же утверждение, например, «дихотомия биологического и социального как метод объяснения перехода от «базовых» к высшим производным потребностям человека в целом неприемлема» (Дилигенский, 1976. С. 35), получает разное значение в зависимости от того, к которой из составляющих мотивации оно применяется. В отличие от содержания механизмы биологической и социальной мотивации не обнаруживают того принципиального разрыва, который не позволял бы искать перехода от изначальных природных образований и процессов к более сложным, формирующимся по мере накопления социогенных преобразований в человеческой психике.

¹ Как это часто встречается, особенно в методологической литературе; см. Ведедов, 1956; Дилигенский, 1976, 1977; Дон-ченко и др., 1984; Иванчук, 1986; Кикнадзе, 1968; Ковалев, 1984; Кучевская, 1974; Тарасов, 1979; и др.

Именно наличие общего как условие поиска отличий оправдывает постановку вопроса о развитии мотивации человека прежде всего в отношении обеспечивающих его механизмов. Ниже будет сделана попытка выделить основу и своего рода «единицу» такого развития. Для того чтобы иметь возможность сравнения, предварительно обозначим соответствующую «единицу» развития биологической мотивации и рассмотрим данные о ее проявлениях в человеческой психике.

МОТИВАЦИОННОЕ ОБУСЛОВЛИВАНИЕ

Онтогенетическое развитие биологической мотивации происходит благодаря приобретению изначально индифферентными воздействиями способности вызывать активность индивида и обеспечивается механизмом, называемым в литературе замыканием условной связи. С психологической стороны, а именно при учете того, что выработка условной связи означает изменение субъективного отношения к условному раздражителю, этот механизм может быть изображен в виде передачи эмоционального (мотивационного) значения имеющим его воздействием новому содержанию, связанному с этим воздействием в опыте индивида, т. е. своего рода распространением или переключением эмоционального- переживания в образе согласно отражаемым объективным связям и фиксацией на новом содержании, которое в силу этого становится мотива-ционным. Именно такое переключение лежит в основе мотивационного обусловливания, представляющего собой основной механизм развития биологической мотивации в онтогенезе (см. подробнее: Вилюнас, 1986. С. 154—174). Фактически феномен мотивационного обусловливания несколько сложнее, поскольку то эмоциональное переживание, которое фиксируется на новом содержании, вызывается не самим по себе исходным моти-вационным воздействием, а развивается при его восприятии с учетом условий ситуации, однако это не исключает возможности упрощенного изображения данного феномена в виде переключения и фиксации эмоций. Отметим, что при таком упрощенном пони-

50

мании мотивационное обусловливание охватывает также и импринтинг, т. е. более простой случай онтогенетического развития биологической мотивации, что позволяет рассматривать переключение эмоций как универсальный механизм такого развития. феноменология обусловливания в психике человека. Многочисленные исследования, проведенные при разработке концепций высшей нервной деятельности и бихевиоризма, не оставляют сомнений в том, что процессы мотивационного обусловливания свойственны человеку (Бехтерев, 1928; Ле Ни, 1973; Симонов, 1975; Hilgard, Marquis, 1940; Mowrer, 1960b; Skinner, 1953). Так, в одном из классических исследований экспериментатор ударял в гонг, вызывая резкий, заставляющий вздрагивать звук, в тот момент, когда ничего не подозревающий 11-месячный мальчик пытался коснуться лабораторной крысы; шести таких сочетаний безусловного (резкий звук) и условного (вид крысы) раздражителей оказалось достаточно для того, чтобы у ребенка сформировалось отрицательное отношение к животному, при виде которого он пугался и начинал плакать (Watson, 1930. Р. 158—163). Показательно, что после

опытов ребенок обнаружил реакции страха при виде других животных, мехового пальто и даже маски Деда Мороза; это свидетельствует о том, что в результате обусловливания мотивационное значение приобретает не только целостные предметы (в данном случае—крыса), но и отдельные их свойства (например, фактура волосяного покрова тела), которые воспринимаются эмоционально и в том случае, когда входят в состав свойств других предметов. При уточнении меры, в которой механизм обусловливания свойствен человеку, важно учесть, что в литературе он описывается не обязательно в терминологии и традициях, сложившихся в физиологии высшей нервной деятельности. Так, в положении, сформулированном еще в XVII в.: «Вследствие одного того, что мы видели какую-либо вещь в аффекте удовольствия или неудовольствия... мы можем ее любить или ненавидеть» (Спиноза, 1957. С. 469), утверждается, по существу, то же самое, что и в обобщенном выводе из современных экспериментальных исследований: «...Нейтральные раздражители, которые предшествуют

ют появлению эмоциогенных раздражителей или их сопровождают, сами приобретают способность вызывать эмоции» (Рейковский, 1979. С. 90; см. также: Babkin, 1967; Golin, 1961; Mowrer, 1960a). Эта же закономерность подчеркивается в положении о слефо-образующей функции аффекта (Леонтьев, 1971. С. 36), лежащей в основе образования «аффективных комплексов» (Лурия, 1928; Юнг, 1939). Не менее убедительно, чем специальная литература, обнаружение и значение механизма обусловливания у человека демонстрирует реальная практика воспитания. Каждый раз, когда взрослый, потеряв веру в эффективность воспитательных разъяснений, шлепает ребенка по рукам за игру с недозволенными предметами или припасает лакомство для того, чтобы смягчить неприятное впечатление от предстоящей медицинской процедуры, его действия (осознает он это или нет) рассчитаны именно на эффекты обусловливания. Этот же эффект лежит в основе таких распространенных приемов воспитания, как похвала или порицание. Правда, в данном случае в качестве подкрепления используется не безусловный раздражитель, а эмоциональное воздействие более сложного происхождения, однако дальнейший процесс — ожидаемое переключение эмоции и фиксация на оцениваемом содержании — предполагает механизм обусловливания <ср. Taffel, 1955). Яркие примеры действия механизма обусловливания представляют случаи формирования на его основе нежелательных для человека эмоциональных отношений. Хотя возникновение таких психических отклонений, как фобии или половые извращения, обычно определяется сложным комплексом причин, в отдельных случаях их развития явно заметны следы обусловливания по типу импринтинга. Этим, в частности, объясняются случаи исторической изменчивости таких отклонений. Например, значительно меньшая распространенность в новое время по сравнению со средневековьем флагелляции—извращения, при котором эротическим стимулом служит вид избиваемого прутьями или розгами тела,—связывается с отменой публичных телесных наказаний, обычно сопровождавшихся обнажением интимных частей тела (Imielinski, 1974. P. 307).

52

Можно сослаться и на более серьезные социальные явления. Развитие человечества насыщено примерами того, что общественные силы, столкнувшись с невозможностью подчинения людей способом убеждения, прибегают к грубо биологическому обусловливанию. Этому служат телесные наказания, карцеры, пытки и целые институты, такие как инквизиция. И хотя история сохраняет прежде всего имена людей, нашедших силы для сохранения своих идеалов и достоинства при самом грубом безусловнорефлекторном давлении, нельзя забывать; что такие институты не сохранялись бы, если были совершенно неэффективными. Таким образом, феномены обусловливания обнаруживаются у человека сравнительно отчетливо и разнообразно. Однако при переходе от простой их констатации к уточнению особенностей проявления этого механизма в условиях социально развитой психики, обеспечивающей осознанное отражение всего многообразия явлений и связей действительности в контексте целостного «образа мира», возникают значительные затруднения и неясности. Поскольку эти особенности имеют прямое отношение к обсуждаемому вопросу о специфике

развития мотивации человека, рассмотрим их подробнее. Обусловливание и процессы познания. Уже на уровне животных наблюдается зависимость процессов обусловливания от особенностей познавательного отражения связи между условным и безусловным раздражителями. Действительно, в классическом варианте замыкание условной связи обнаруживается как процесс, основанный на накоплении статистики сочетаемости раздражителей. Из-за отсутствия прошлого опыта, касающегося их связи, познавательные процессы изначально могут обеспечить лишь предварительное «замечание» условного раздражителя, его выделение в множестве одновременно действующих внутренних стимулов, которое осуществляется специально для этого предназначенными ориентировочными реакциями (Ориентировочный рефлекс..., 1958; Соколов, 1958; Фейгенберг, Иванников, 1969). Однако «статистический» характер лабораторного обусловливания определяется особенностями методик, использующих, как правило, искусственные сигнальные раз-

дражители (свет лампочки, удары метронома и т. п.), связь которых с подкреплением не является наглядной, не отражается индивидом на основе прошлого опыта и требует выявления. Естественно, что это сказывается на скорости обусловливания. Хотя столкновение с совершенно новыми стимулами и ситуациями, моделируемое лабораторными методиками, неизбежно и в реальной жизни, индивиду все-таки чаще приходится иметь дело с более освоенным и привычным окружением. Обусловливание в таком окружении обычно происходит быстрее и часто сразу, без повторных сочетаний. Это отчетливо демонстрируют исследования И. С. Бериташвили, в которых животные ставились в условия, приближенные к естественным; они показали, например, «что достаточно накормить собаку всего один раз из одного или двух-трех ящиков или дать ей понюхать находящуюся в них пищу, чтобы впоследствии на сигнал к еде она шла прямо к тем местам, где эти ящики стояли. Собака находит эти места, даже если ящики с пищей и другие соседние были удалены (т. е. в этих местах не будет ни пищи, ни ее запаха)» (1975. С. 382) ². Следует подчеркнуть, что речь идет не о каких-то особых случаях, а о самых обычных событиях естественной жизни, среди которых, наоборот, обусловливание по стандартной лабораторной процедуре выглядит скорее исключением. Как считал П. К. Анохин, «биологически нецелесообразно, чтобы условный рефлекс вырабатывался после многократных (до 200) сочетаний. На самом деле биологически они должны вырабатываться с первого раза» (там же. С. 515). Понятно, что освоенность и привычность ситуации определяются прежде всего прошлым опытом субъекта, в том числе и условнорефлекторным, который позволяет отражать в психическом не только фактические стимульные воздействия, но и выявленные взаимосвязи между ними, предвосхищать возможные их

² Отличия, которые И. С. Бериташвили подчеркивает, противопоставляя исследовавшееся им «индивидуально приобретенное поведение» собственно условнорефлекторному (с чем многие его оппоненты не соглашались; см. 1975. С. 503—524), перестают быть существенными при учете того, что обусловливанию подвергаются не телесные или поведенческие реакции, а субъективные отношения.

54

изменения, как независимые от активности индивида, так и ею вызываемые и т. п. (Miller, Matzel, 1987). Поэтому связи, по которым должно происходить обусловливание, могут быть уже выявленными и отражаться в образе знакомой ситуации. Естественно, что обусловливание в таких случаях не требует многократных сочетаний. Так, если животное получает подкрепление после соприкосновения с объектом, за приближением которого оно некоторое время следило, то это событие скорее всего без повторения окажется достаточным для приобретения объектом сигнального мотивационного значения. Тот факт, что оно неоднократно сталкивалось с последовательностью «приближение — контакт — подкрепление», способствует восприятию в качестве «причины» подкрепления именно приближающегося объекта, а не, скажем, птицы, которая точно в это же время пролетала мимо. Таким образом, уже на уровне психики животных процессы обусловливания обнаруживают зависимость от особенностей

познавательного отражения ситуации, ее освоенности в прошлом опыте, степени «понятности» происходящего для индивида. Отсюда можно сделать вывод, что в человеческой психике, отражающей окружающее на основе всего социально накопленного опыта и понимающей происходящее в буквальном смысле этого слова, протекание процессов обусловливания тем более должно происходить особо. Но как в таком случае согласовать этот вывод с фактом существования и экспериментального изучения процессов обусловливания у человека? Решение этого вопроса подсказывается тем обстоятельством, что исследования обусловливания у человека имеют специфическую направленность, в связи с чем обобщенные выводы из них обычно нуждаются в оговорках; утверждается, например, что «...у человека... условные реакции вырабатываются по тем же самым основным законам, по каким они вырабатываются у животных. Необходимо только строго и тщательно контролировать и анализируя все сложные условия ситуации» (Ле Ни, 1973. С. 33). Важно, однако, подчеркнуть, что в реальности выполнение данного требования очень часто оборачивается таким упрощением экспериментальных ситуаций, при котором исключается гли существенно огра-

ничивается проявление собственно человеческих качеств психики. Это достигается тем, что обусловливая и подвергая элементарные телесные реакции, недоступные прямому произвольному контролю, такие как зрачковый, мигательный или подошвенный рефлекс, кожно-гальваническая реакция, отдергивание пальца при болевом, раздражении (там же), или вовсе субъектом не контролируемые висцеральные процессы (Быков, 1947), в качестве испытуемых используют дети, не имеющие возможности осмыслить связи, по которым происходит обусловливание (Красногорский, 1935, 1958), взрослые испытуемые ставятся в условия, ограничивающие или исключая осознание этих связей (Cohen а. о., 1954; Lacey а. о., 1958; Tassinary а. о., 1984; Thorndike, 1931). Иногда исследователи подчеркивают необходимость такого рода ограничений для получения стандартной условнорефлекторной феноменологии: «Поскольку законы обусловливания не охватывают факторов произвольного контроля, выявление и формулировка принципов обусловливания зависит от создания таких экспериментальных ситуаций, при которых влияние этих факторов невозможно или исключено» (Hilgard, Marquis, 1940. Р. 270—271). В тех же случаях, когда ограничения не применяются и обусловливание происходит на уровне, контролируемом сознанием, получить однозначные данные обычно не удается: «Как отмечают различные авторы, отличительной особенностью экспериментов по обусловливанию у человека является важная роль «установок», возникающих спонтанно или под влиянием инструкций; эти установки могут значительно облегчать или, напротив, затруднять, то есть тормозить, процесс выработки условных реакций. Очень часто они делают условные реакции у человека менее стабильными и гораздо более переменчивыми, чем у животных» (Монпелье, 1973. С. 70; см. Al-Issa, 1964; Mowrer, 1938, 1950; Razran, 1949a). Итак, есть основания утверждать, что мнение, согласно которому «условные рефлексы, обычно наблюдаемые у людей... по своим свойствам не отличаются от условных рефлексов, встречающихся у животных» (Конорски, 1970. С. 236), справедливо лишь для упрощенных случаев, не предполагающих использова-

яния собственно человеческих познавательных способностей, и что высшие формы отражения создают особые условия для протекания этих процессов у человека. Качественная новизна этих условий существенно изменяет возможности и эффекты обусловливания. Мышление способно вскрыть причины безусловных воздействий и без накопления статистики сочетаний <: условными раздражителями, причем как до, так и после самого воздействия. Поскольку таких причин — прямых и косвенных, явных и скрытых, реальных и воображаемых — может оказаться много, обусловливание в психике человека в типичном случае происходит не только сразу, но и многоступенчато по всей разветвленной системе причинных связей. Эмоциональное переживание, вызванное электроударом, переключается не столько на прибор, к которому человек прикоснулся, сколько на факт его включенности в сеть, на сотрудника, который должен был обесточить его, но этого не сделал, может быть даже на обобщенный образ людей, халатно относящихся к своим обязанностям. Повторить в деталях упоминавшийся

эксперимент, в котором на основе подкрепления резким звуком формировалось отрицательное отношение к крысе, в случае, если испытуемым был не младенец, а взрослый человек, по всей видимости, не удалось бы. Понимание того, что крыса прямого отношения к удару гонга не имеет, препятствовало бы переключению и фиксации на такой «причине» эмоции. Правда, впечатлительному испытуемому в ходе опытов могло бы стать трудно заставить себя коснуться крысы, подобно тому как бывает трудно повторно взять в руки только что ударивший током прибор, даже если он обесточен и больше ничем не угрожает. Но это означало бы лишь то, что обусловливание произошло и на непосредственно-чувственном уровне отражения, придав эмоциональное значение совершению отрицательно подкрепляемого действия; на высшем уровне отражения у такого испытуемого скорее сложится устойчивое отрицательное отношение к психологическим опытам и участию в них, чем к животному. Сложность последствий обусловливания на высших уровнях познавательного отражения определяется

также тем обстоятельством, что причинные связи не являются единственными, по которым способны переключаться возникающие эмоции (Вилюнас, 1976. С. 61—76). Об этом свидетельствует феномен так называемой семантической генерализации, для описания которого может быть использовано следующее положение Б. Спинозы: «Вследствие одного того, что мы воображаем, что какая-либо вещь имеет что-либо сходное с таким объектом, который обыкновенно причиняет нашей душе удовольствие или неудовольствие, мы будем любить или ненавидеть эту вещь, хотя бы то, в чем она сходна с тем объектом, и не было про изводящей причиной этих аффектов» (1957. С. 469). Современные исследования, показавшие, что вырабатанное условное эмоциональное отношение к некоторому явлению как бы распространяется по семантическим связям, охватывая целую область родственных в том или ином отношении явлений, подтвердили данное положение, уточнив, что этот процесс может происходить и без вовлечения сознания (Лурия, Виноградова, 1971; Lewicki и др., 1987; Osgood, 1953. Р. 701—705; Razran, 1949c). Например, после выработки на базе электрораздражения условной реакции на слово «корова» у испытуемых, не всегда это осознававших, такая реакция стала вызываться также словами «овца», «трактор», «зерно» и т. п. (Lacey, Smith, 1954. Р. 1046). Показательно, что семантически близкие слова в такого рода исследованиях вызывают более выраженные реакции, чем слова, сходные по звуковому составу (Razran, 1949b). Поскольку субъективные семантические пространства в значительной степени индивидуализированы, к тому же обнаруживают изменчивость в зависимости от функциональных состояний (Петренко, 1983, 1988; Шмелев, 1983), нетрудно представить, насколько разнообразными и непредсказуемыми могут быть последствия некоторого эмоционального события в жизни человека. Отражение причинных и других семантических связей, которым в человеческой психике начинают подчиняться процессы обусловливания, формируется уже не вследствие индивидуального освоения физической среды, а в результате присвоения человеком языка, знаний, идеологии и других форм общественно-исторического опыта. Данное обстоятельство позволяет обо-

значить еще одну отличительную особенность протекания процессов обусловливания у человека: если у животных направление этих процессов и приобретение мотивационного значения новым содержанием детерминировано главным образом объективными отношениями непосредственно отражаемой ситуации, то у человека такой детерминантой становятся также и представления социального происхождения, от которых зависит, в чем именно (в себе, судьбе, случайности, общественном строе, боге и т. п.) он склонен усматривать причины приятных или неприятных событий и на что, следовательно, переключаются вызванные этими событиями эмоции. Распространение процессов обусловливания на сферу отражения, позволяющего воспринимать события в контексте целостного «образа мира», означает их поступление на службу силам, такое отражение формирующим. Процессы обусловливания в человеческой психике осложняются также из-за разнообразия воздействий, служащих подкреплением. Как известно, уже у животных эту функцию выполняют не только безусловные,

но и, в случае так называемого вторичного подкрепления, условные раздражители, мотивационное значение которых, полученное ранее от безусловных воздействий, передается условным сигналам второго порядка (Миллер, 1960; Mowrer, 1960a; Myers, 1958; Wike, 1966). По всей видимости, человеческий интеллект создает возможность значительного увеличения порядка обусловленности предметов, способных в свою очередь служить подкреплением (Новикова, 1929). Если учесть большое изначальное разнообразие безусловно значимых воздействий (Симонов, 1986), еще более увеличиваемое многоступенчатым обусловливанием, круг подкрепляющих явлений следует признать весьма широким (Skinner, 1969).

Итак, проявление процессов обусловливания на непосредственно-чувственном и опосредствованном социальным опытом уровнях отражения обнаруживает ряд качественных отличий. Однако следует подчеркнуть, что эти отличия касаются содержательного и

динамического аспектов обусловливания, то есть того; на что именно, а также как быстро и широко оно про исходит, тогда как механизм переключения эмоций на' новое содержание и фиксации на нем остается в обоих случаях в принципе тем же. Отметим, что имен но механизм (а также необсуждаемый здесь вопрос об изменениях переключающихся эмоций) наиболее прямо характеризует мотивационную сторону феноме на обусловливания, тогда как содержательный и ди намический аспекты обнаруживают зависимость от процессов познания и являются более сложно детер минируемыми его характеристиками. Все это позволя ет заключить, что мотивационное обусловливание как «единица» онтогенетического развития биологической мотивации обнаруживается у человека не только в этом качестве, но и как одна из основ развития соб ственно человеческих мотивационных отношений. Воз можность такого обнаружения процессов обусовли вания связана с тем, что в условиях высших форм отражения они лишаются относительной простоты, наблюдаемой при установлении отдельной условной связи у животных, и приобретают ряд новых отмечен ных выше особенностей. Однако обсуждавшиеся данные ничего не говорят о том, является ли обусловливание единственным ме ханизмом этого развития, иначе говоря, сводится ли специфика формирования человеческой мотивации к вышеупомянутым отличиям, обнаруживаемым процес сами обусловливания на уровне социально развитой психики. Для рассмотрения этого вопроса нам пона добится изменить материал и общее направление об суждения: идти не снизу вверх от простых условных реакций ко все более сложным их проявлениям в человеческой психике, а от сложной конечной феноменологии, какую представляет собой реальная практика воспитания, к отдельным механизмам, которые могут быть в ней выделены.

МОТИВАЦИОННОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ

Специфическая особенность предметов, приобретающих для человека^ мотивационное значение, состоит в том, что они не имеют ни наследственно опознавае-

60

мых ключевых признаков, ни прямого отношения к безусловнорефлекторным подкреплениям, что могло бы обеспечить спонтанное, не нуждающееся в каких бы то ни было специальных усилиях, формирование этого значения, подобно тому, как это происходит на уровне биологической мотивации. Если ребенку было бы так же приятно пить лекарства, наводить в комнате порядок или делать уроки, как есть конфеты или резвиться с мячом, необходимости в формировании мотивационного отношения к этим предметам не существовало бы³. Поскольку природной предопределенности^ развитию собственно человеческих мотивационных отношений нет, они могут возникать лишь вследствие целенаправленного их формирования. Очевидно, что эта задача является одной из главных, решаемых в практике воспитания. Что можно извлечь из сложившейся на протяжении веков, проверенной жизнью и повседневно встречающейся практики воспитания, если посмотреть на нее с психологической стороны, сосредоточивая внимание не столько на содержании воспитываемых отношений, которое определяется факторами социального происхождения, сколько на

внутренних механизмах и процессах, на которые направлены воспитательные воздействия и в результате которых формируются мотивационные отношения? Рассмотрим один весьма распространенный, типичный и важный способ активных воспитательных воздействий на человека.

Строение воспитательных воздействий

Первое, что обращает на себя внимание,—это

³ «Если бы всякое вредное для телесного здоровья действие человека сопровождалось немедленно же телесным страданием, а всякое полезное телесным наслаждением, и если бы то -же отношение существовало всегда между душевными наслаждениями и страданиями, то тогда бы воспитанию ничего не оставалось делать в этом отношении и человек мог бы идти по прямой дороге, указываемой ему его природой, так же верно и неуклонно, как магнитная стрелка обращается к северу. Кто бы стал пить холодную воду, разгорячившись, если бы она жгла нам горло вместо того, чтобы доставлять величайшее наслаждение? Кто бы стал мстить своему врагу, если бы мщение доставляло нам не наслаждение, а страдание?» (Ушинский, 1950. Т. 10. С. 512—513).

'двучленное строение воспитательных воздействий, на личие в них предписывающей и аргументирующей частей, связываемых причинно-следственными отношениями. Наиболее отчетливо это наблюдается в случае воздействий на ребенка, на догадливость которого обычно рассчитывать не приходится и которому все разъясняется в максимально развернутой форме: сорить нельзя, потому что кому-то придется убирать, если не будешь мыть руки — заболеешь, учиться надо, потому что без этого никто и никогда не разрешит водить машину, и т. п. Однако в такой развернутой экстерииоризации мотивационных воздействий часто нет необходимости. Уже в отношении ребенка, особенно в стандартных ситуациях, отдельные элементы воспитательного воздействия могут опускаться в расчете на их очевидность. Ограничиваясь строгим предупреждением «прекрати сейчас же!», взрослый предполагает, что ребенок понимает как то, за что он осуждается, так и возможные последствия повторения осуждаемого действия. Понятно, что во взаимоотношениях взрослых, способных многое друг другу сказать и вовсе без слов, при помощи, скажем, только взгляда, мотивационные воздействия обычно имеют свернутый характер. В связи с этим обстоятельством важно подчеркнуть, что обсуждаемый тезис о двучленном строении мотивационных воздействий имеет в виду не экстерииоризованную форму, а внутреннее, не обязательно высказываемое содержание этих воздействий. Сравнительно легко охарактеризовать первую из составляющих воспитательного воздействия. В любом—высказываемом или невербально передаваемом—виде она служит указанием того, к чему и как человек должен относиться, т. е. самым прямым образом определяется целью воспитания и выражает ее в форме, доступной для воспитываемого лица: надо помогать слабым, быть хозяином своего слова, беречь природу и т. п. Следует, пожалуй, подчеркнуть, что эта предписывающая составляющая воспитательных воздействий имеет субъективную и предикативную части, обязательно указывая как на предмет, так и на должное к нему активное отношение. Это естественно, так как мотивационные образования в принципе не могут быть охарактеризованы только ссылкой

на некоторый предмет. Религия является мотивом как для верующего, и для атеиста, кошка — и для мыши, и для кота; очевидно, что прямая противоположность этих мотивов обусловлена не предметом мотивационного отношения, а различиями в самом отношении, вследствие которого предмет приобретает качество желательного преобразования—как подлежащий поддержке, осуждению, избеганию, овладению и т. п. Идея о необходимости различения в мотивационных образованиях представляющего ценность предметного содержания (value) и специфического к нему деятельного отношения (vector) была предложена Г. А. Мерреем (Murray, 1964). Менее ясной и более интересной является вторая составляющая воспитательных воздействий, выражающая уже не цель, а основание воспитания — то, что, по замыслу воспитателя, должно аргументировать предписывающую составляющую, подкрепить ее, обеспечить возникновение нового мотивационного отношения или по крайней мере заставить об услышанном задуматься. Речь идет о всех позитивных или негативных

последствиях, которые в воспитательном воздействии ставятся в зависимость от того, появится ли у воспитываемого лица мотивационное отношение, указанное в предписывающей части воздействия. Прежде всего можно отметить исключительное разнообразие оснований, используемых в реальной практике воспитания. Оно свидетельствует о том, что для формирования необходимых мотивационных отношений в ход пускается буквально все, могущее служить аргументом и создающее хотя бы незначительную надежду на успех: ссылки на долг, честь, общественную пользу, пример и авторитет других людей, заманчивые - и неблагоприятные жизненные перспективы, изменение личных отношений и многое другое. Используются обобщенные («в жизни будет плохо») и конкретные («мама будет недовольна») аргументы, продуманные («хочу с тобой серьезно поговорить») и ситуативные («видишь, что бывает с непослушными»), извлекаемые из прошлого («тогда бегал раздетым и -заболел») и направленные на будущее («пойдешь в школу, будешь хорошо учиться—сам все поймешь»), и т. д. Возможность использования в воспитательном про-

цессе столь широкого круга аргументов обеспечивается тем, что обе части воспитательного воздействия могут связываться достаточно гибким образом. Когда есть возможность, основой для такой связи служат объективные причинно-следственные отношения. В таких случаях человеку могут объясняться отдаленные, скрытые и, как предполагается, им не осознаваемые или недостаточно осознаваемые последствия его отношений и поступков — их влияние на жизнь других людей, политическое значение и т. п. Часто, однако, такой возможности не существует, и тогда причинные отношения, используемые в воспитательном процессе, не обязательно строго соответствуют объективным. Когда речь идет о будущем, особенно отдаленном, предсказывать последствия отношений и поступков воспитываемого лица можно лишь с известной долей вероятности. Этот момент в реальной практике воспитания далеко не всегда оговаривается, и возможные последствия преподносятся как неизбежные («такой тебя никто замуж не возьмет»). Можно думать, что исключительная важность целей воспитания делает человека уступчивым в выборе средств их достижения. Хотя в нашу задачу здесь не входит формулировка содержательных рекомендаций воспитания, отметим, что неразборчивость в средствах представляет собой одну из распространенных ошибок воспитателей. Вот несколько примеров из книги И. Раншбурга и П. Поппера, одного из наиболее профессиональных изложений таких рекомендаций, вышедших на русском языке: «Нередко, однако, можно слышать на первый взгляд безобидные, но не менее фразы, достойные осуждения: "Съешь еще за бабушку! Как обрадуется папа, когда мы ему скажем, что ты очень хорошо пообедал!"» (1983. С. 28); «Наказание детей боязнью утратить родительскую любовь можно сравнить с атомной энергией. В случае неправильного применения такое наказание может нанести очень большой вред, и, наоборот, разумное его использование бывает очень результативным» (С. 79); «...Поощрения должны применяться очень осмотрительно, в особенности в тех случаях, когда они связаны с манипуляционными или интеллектуальными действиями ребенка, а не с подкреплением его нравственного поведения. Лично я

64

считаю, что следует отказаться от всех преподношений за успехи в учебе, за исключением, пожалуй, книги или иной мелочи, которую ребенок получит от родителей в конце года» (С. 84). • Мера, в какой человек убежден в своей воспитательной аргументации, может варьировать в крайних пределах. Известно, что в области неопределенных или непознанных взаимодействий он сравнительно легко проецирует в мир свои представления о нем, приписывая объективной действительности то, что вытекает из его мировоззрения, ожиданий, уверований. Такую спроецированную в объективность детерминацию внутреннего происхождения содержат попытки аргументировать воспитательные воздействия ссылками на муки или блага загробной жизни, на судьбу, которая за нечто непременно покарает или вознаградит, и т. п. Очевидно, что это может утверждать как человек, убежденный в истинности своих аргументов, так и тот, который в них заведомо не верит, вроде матери, пугающей ребенка тем, что он, если будет плохо есть, не вырастет. Главное в воспитании—это убедить лицо, к которому оно

адресовано, что нечто значимое для него в мире изменится или не изменится в зависимости от его отношений и поступков. Истинность и искренность использованных для этого средств остается целиком на совести активной стороны воспитания. Отдельно можно выделить мотивационные воздействия, в которых цель и основание воспитания произвольно и искусственно связывается самим воспитывающим лицом, предупреждающим о том, что принятие или непринятие высказанных требований повлечет за собой изменение его отношений и активные действия. Обобщенная формула таких воздействий имеет вид «если..., то я...» с дальнейшим указанием произвольно выбранного аргумента: куплю велосипед, перестану здороваться, применю административную власть и т. п. Очевидно, что при помощи такой формулы могут быть связаны самые различные предписания и аргументы и что возможность ее применения находится в прямой зависимости от авторитета и социальной влиятельности воспитывающего лица. Важнейшая особенность аргументов, используемых в практике воспитания, состоит в том, что все они

3 В. К. Вилюнас

имеют мотивационное значение для воспитываемого лица, вернее, предполагаются имеющими такое значение. Как показывают, в частности, и вышеприведенные примеры, что ни выбиралось бы в качестве основания воспитательного воздействия, как оно ни аргументировалось бы—всегда за выбором лежат ожидания, что основание уже значимо воспитуемому, является для него желательным или нежелательным, привлекательным или отталкивающим⁴. Именно это по предположению уже существующее мотивационное значение, субъективно выражающееся в эмоциональном отношении, воспитатель пытается переключить на новый предмет, подыскивая и разъясняя причинно-следственные и другие связи, способные служить такому переключению. В дальнейшем этот способ развития собственно человеческой мотивации будем называть мотивационным опосредствованным. Но такое представление о развитии мотивационных отношений означает, что никакая логика, разъяснения, убеждения, интеллектуальные воздействия на человека сами по себе новой мотивации не создают, а служат лишь для переключения, перераспределения уже существующих эмоционально-мотивационных отношений. «Вмешательство сознания в сферу потребностей и мотивов возможно путем сообщения субъекту информации о средствах и способах удовлетворения его актуальных потребностей. Оно обязательно опосредствовано участием возникающих при этом эмоций. Прямая апелляция к сознанию, формальное ознакомление субъекта с системой социальных ценностей и норм малоэффективны, о чем свидетельствуют дефекты воспитательной практики» (Симонов, 1981 а. С. 48). Важность этих выводов для понимания психологических основ воспитания вынуждает остановиться на вопросе об их аргументированности. Примеры повседневных мотивационных воздействий, которые каждый человек может умножить и проверить на основе собственного опыта, выше уже приводились. Рассмотрим

⁴ Разумеется, эти ожидания могут быть и часто бывают ошибочными. Самое настойчивое разъяснение подростку вреда курения может не повлечь ожидаемых последствий, поскольку здоровье для него еще не является той ценностью, какую оно представляет для взрослого воспитателя.

66

рим в этом отношении другие формы практики общественного воспитания.

Универсальность мотивационного опосредствования

Как известно, искусство, с одной стороны, воспитывает, с другой—является мощнейшим источником эмоциональных воздействий. При всем разнообразии способов, которыми искусство осуществляет эти функции, не может быть сомнения в том, что они не независимы и что первая из них обусловлена последней. Эмоциональное вовлечение человека в воспроизводимые художественными средствами знакомые или новые ситуации актуализирует, а иногда и впервые пробуждает, «опредмечивает» его потребности: благодаря сопереживанию он может прочувствовать, эмоционально испытать трагичность смерти, измены, одиночества, силу любви, радость материнства и др.⁵ Но эмоционально волнующие человека явления в искусстве не только изображаются, но и раскрываются, отслеживаются с первопричин—социальных корней и человеческих качеств, исторических событий и повседневных

поступков. Нетрудно видеть общее между такой каузальной анатомией добра и зла и рассмотренными выше отдельными воспитательными воздействиями: и в том, и в другом случае основой служат непосредственно значимые для человека события, которые связываются с их источниками, породившими условиями, получающими вследствие этого опосредствованное мотивационное значение. Особенно отчетливо такое строение воздействий, направленных на изменение мотивационных отношений человека, просматривается в баснях, сатире и, разумеется, в сказках, поощряющих, например, добрые дела женой-красавицей и половиной царства или долгой счастливой жизнью. В масштабах истории человечества религия представляет собой несомненно один из самых опытных и

⁵ Такое спонтанное Суждение» человеческих развития мотивации, не вания.

з"

или специально организованное «про-потребностей может служить примером охватываемого принципом опосредство-

рнваемые нами конкретно-психологические процессы, лежащие в основе воспитания, редко становились предметом специального изучения, хотя затрагивались при обсуждении, например, традиционного вопроса об использовании в воспитательной практике поощрений и наказаний. Подобную направленность сохраняет и современная педагогическая литература (Азаров, 1985; Макаренко, 1956; Сухомлинский, 1979—1980). По утверждению Л. И. Божович, «...в настоящее время в педагогике вообще не поставлена проблема воспитания подростков: она не выдвигается в качестве специальной задачи воспитания; такого раздела нет в педагогических учебниках, нет его и в программе воспитательной работы школы» (1972. С. 34). Уровень изученности проблем воспитания отчетливо рефлексировался П. В. Симоновым и П. М. Ершовым: «Соглашаясь с тем, что воспитание есть формирование общечеловеческих ценных потребностей, мы прежде всего обнаруживаем крайнюю ограниченность наших реальных знаний об этой области высшей нервной (психической) деятельности человека. <:...> Воспитание до сих пор остается преимущественно искусством, и выдающиеся представители этой сферы человеческой деятельности—Макаренко, Корчак, Сухомлинский—являются нам скорее в образе «художников», чем «инженеров» человеческих душ. Подлинно научная теория воспитания в общепринятом смысле слова «теория» по-прежнему остается делом будущего» (1984. С. 145). Из-за указанных причин в педагогических учениях трудно найти дословную поддержку рассматриваемому тезису о неизбежности использования уже существующей мотивации для формирования новых мотивационных отношений, хотя имплицитно он обычно содержится в приводимых примерах, указаниях на необходимость индивидуального подхода в практике воспитания, знания увлечений и душевных качеств воспитываемого лица, обязательность его эмоционального вовлечения в ситуации, способные открыть новые ценности и отношения. «...Чрез чувства должно все лить во младую душу первые приятные знания и представления и сохранять их в ней» (Новиков, 1985. С. 333); условием этому является возбуждение уже имеющейся мотивации, ибо «нет ни единой из потреб-

ностей наших, удовлетворение которой не имело бы в себе приятности» (там же. С. 335). Исключительное значение эмоций для развития человека подчеркивал К. Д. Ушинский — один из не многих педагогов, не считавших возможным рассматривать проблемы воспитания в отрыве от психологических знаний: «...Воспитание, не придавая абсолютного значения чувствам ребенка, тем не менее в на правлении их должно видеть свою главную задачу» (1950. Т. 10. С. 537). Обнаружив, вопреки такому значению чувств для воспитания, «отсутствие всякой попытки анализа чувствований и страстей во всех педагогиках, за исключением бенековской» (там же. С. 479), К. Д. Ушинский провел огромную работу для устранения этого пробела в педагогике, предложив в итоге учение о чувствованиях, продолжающее быть актуальным и сегодня. К сожалению, последняя часть этого учения, в которой было намечено изложить следующие из него «педагогические приложения», осталась незавершенной. Однако подготовленный к ней материал вполне однозначно указывает на то, что эмоция является обязательным элементом воспитательных воздействий, хотя обнаруживается в них достаточно разнообразно. Приведем для примера текст, раскрывающий необходимое отношение воспитателя к эмоциям в случае их использования в качестве поощрений и наказаний: «Сама природа указывает нам на это отношение: если не всегда, то очень часто она употребляет наслаждение, чтобы вынудить человека к необходимой для него и для нее деятельности, и употребляет страдание, что бы удержать его от деятельности вредной. В такое же отношение должен стать и воспитатель к этим явлениям человеческой души: наслаждение и страдание должны быть для него не целью, а средством вывести душу воспитанника на путь прогрессивного свободного труда, в котором оказывается все доступное человеку на земле счастье». «Глубокие и обширные философские и психологические истины доступны только воспитателю, но не воспитаннику, и потому воспитатель должен руководствоваться ими, но не в убеждении воспитанника в их логической силе искать для того средств. Одним из действительнейших средств к тому являются наслаждения и страдания, которые

воспитатель может по воле возбуждать в душе воспитанника и там, где они не возбуждаются сами собою как последствия поступка» (там же. С. 512—513). Эмоции же могут быть возбуждены только тем, что имеет отношение к существующим потребностям человека. В концепции А. Н. Леонтьева отчетливо выделен феномен «сдвига мотива на цель» (1972. С. 304), представляющий собой один из вариантов мотивационного опосредствования. Другие варианты этого процесса можно по аналогии обозначить как сдвиг мотива на условие, средство, сигнал, символ и другие значимые для его достижения моменты. Такого рода «сдвиги» иногда отчетливо рефлексировались в психологической литературе, рассматривающей практику воспитания: «Опираясь на имеющийся мотив, ставят в зависимость от него тот новый мотив деятельности, который нужно сформировать, т. е. сближают, соединяют эти мотивы, создавая их единый сплав до тех пор, пока не возникнет органически новый мотив» (Крутова, 1969. С. 19). Однако чаще идея мотивационного опосредствования встречается в этих работах в невычлененном виде, как составная часть

некоторой системы педагогических или психотерапевтических рекомендаций (напр., Бибрих, Орлов, 1986; Джайнотт, 1986; Орлов, 1987; Спиваковская, 1986). Так, эффекты групповой психотерапии (Либих, 1979) или, в педагогике, воспитания в коллективе (Мудрик, 1984; Немов, Кирпичник, 1988) обеспечиваются, в частности, тем, что не безразличное отношение человека к мнению окружающих людей используется для изменения его отношений к другим явлениям. Мотивационное опосредствование здесь явно имеет место. Укажем, наконец, на данные из области мотивационной саморегуляции и, в частности, самовоспитания, в которых тоже можно найти поддержку рассматриваемому тезису об опосредствованности новых мотивационных отношений уже существующей мотивацией. В целом они подтверждают одно из центральных положений учения о высших психических функциях (Выготский, 1983а), согласно которому внутренние средства, используемые человеком для управления собственной деятельностью, представляют собой те же самые, только интериоризованные внешние средства,

ранее применявшиеся для управления его деятельностью другими людьми. Действительно, в чем состоит внутренняя активность человека, пытающегося избавиться от нежелательной, но сильной страсти или укрепить недостаток, на его взгляд, выраженные увлечения или идеалы? Очевидно, в напоминании себе отдаленных последствий наличия или отсутствия у себя этой мотивации, того, как из-за нее к нему относятся другие люди, что она их огорчает или могла бы сильно обрадовать, короче—в поисках мотивов-«доноров» (Василюк. 1984. С. 63) и попытках переключить их мотивационное значение на новое содержание⁶. По существу это означает применение по отношению к себе таких же воспитательных воздействий, которым человек обычно подвергается со стороны других людей. Подобным образом человек «одалживает» побуждательную силу у других мотивов в случае, когда ему приходится действовать вопреки непосредственным побуждениям, например выполнять нечто неприятное. «Не встану из-за стола, пока все не сделаю»—такое решение представляет собой попытку переключить на непривлекательную работу реально существующее побуждение от нее избавиться. Другим примером такого рода «произвольной мотивации» (Иванников, 1985б. С. 119) может служить решение некоторым ненужным или даже неприятным для самого человека поступком что-то кому-то (в том числе и себе) доказать. Согласно В. А. Иванникову, такое «внутреннее психическое действие по построению побуждения» лежит в основе волевых поступков: «Произвольная форма такого действия позволяет создавать побуждение к действиям, не связанным с актуальной потребностью субъекта. Это и есть мотивационный механизм волевого поведения» (1985б. С. 122). Приведем текст этого автора (1985а. С. 52), показывающий, что признание способности человека использовать побуждательную силу воображаемых мотивов имеет; в советской психологии свою предысторию: «Привлечение нового

⁶ Согласно Ф. Е. Василюку, обозначившему этот процесс в категориях теории деятельности как «производство смысла» (1984. С. 27), такой перенос является одним из механизмов изменения сложившихся мотивационных отношений, требующегося для преодоления кризисных состояний.

72

мотива, включение действия в более широкую систему отношений и тем самым изменение смысла действия с целью усиления побуждения рассматриваются Л. И. Анцыферовой как психологический механизм усилий воли человека (1981. С. 13). На такую роль вспомогательного мотива указывал Л. С. Выготский (1977. С. 92). Большая сила воображаемого, мыслимого мотива специально отмечается в работе А. Н. Леонтьева (1975. С. 208), а Л. И. Божович подчеркивала, что личность начинает формироваться тогда, когда ребенок «начинает действовать под влиянием образов воображения» (1976. С. 45)).

* * *

Итак, различные сферы практики воспитания предоставляют примеры тому, что формирование новых мотивационных отношений происходит, в частности, вследствие попыток связать явления, к которым эти отношения вырабатываются, с другими явлениями, такое отношение уже вызывающими, т. е. путем мотивационного опосредствования. Для дальнейшего анализа этого феномена важно

обратить внимание на то, какие процессы ему соответствуют на уровне психического отражения: поскольку в субъективном образе мотивационные отношения (значения) выражаются в виде эмоциональных переживаний, со стороны осуществляющих механизмов мотивационное опосредствование может быть охарактеризовано как переключение эмоции, возникшей в связи с актуализацией некоторой потребности, на новый предмет, так или иначе определяющий возможность ее удовлетворения. Но к подобному заключению приводит ознакомление с проявлениями в человеческой психике процессов обусловливания: и в том случае наиболее стойким элементом условного рефлекса, сохраняющимся в условиях высших форм отражения, оказывается механизм переключения эмоций. Что означает данное по всей видимости не случайное совпадение? Какова мера сходства и различия эмоциональных переключений, лежащих в основе развития биологической и собственно человеческой мотивации? Рассмотрение этих вопросов предполагает специальное сопоставление обоих случаев переключения.

Соотношение мотивационного обусловливания и опосредствования

Уровень отражения как основа отличий. Процессы обусловливания в типичном случае осуществляются, причем всеми составляющими их моментами, на уровне непосредственно-чувственного отражения. Они инициируются реальным подкрепляющим воздействием (1), вызывающим столь же реальную эмоцию (2), которая, подчиняясь наглядно отражаемой в данной ситуации связи между двумя событиями (3), переключается на сигнальный (условный) раздражитель (4) и тем обеспечивает его эмоциональное восприятие в будущем. Главным «воспитателем» в случае обусловливания является конкретная и реально воспринимаемая ситуация, объективные свойства которой служат основой для непосредственного развития новых мотивационных отношений. Процессы же мотивационного опосредствования частично или полностью происходят на основе представлений, воображаемых, восстанавливаемых вследствие полученной словесной информации событий, т. е. предполагают высшие уровни отражения и совершаются в «образе мира», а не в образе реально воспринимаемой ситуации. От процессов обусловливания мотивационное опосредствование отличается прежде всего отсутствием непосредственно-чувственных подкрепляющих воздействий (1), вместо которых формулируются те или иные воспитательные аргументы. Когда ребенок обжигает себе палец или устраивает пожар, то боль и страх в качестве реальных подкреплений без дополнительных разъяснений придают новое мотивационное значение спичкам и игре с ними, при ведущей к этим событиям. Если сопоставить этот пример с аналогичным по содержанию случаем опосредствования, когда взрослый пытается добиться того же, долго и с впечатляющими деталями рассказывая об ужасах, к которым может привести игра со спичками, то главное отличие, как видно, обнаруживается в том, что ни страшных ожогов, ни горя пострадавших от пожара — того, что, несомненно, служило бы безотказным подкреплением — при таком воспитательном воздействии фактически нет, а только должно быть представлено.

74

Не воспринимаются, а представляются воспитываемым лицом, как правило, также и те предметы, которыми мотивационное опосредствование должно придать новое значение (4), и тем более связь между ними и подкрепляющими аргументами воспитательного воздействия (3), которая, как отмечалось выше, иногда устанавливается воспитателем произвольно и воспитываемому лицу может казаться неубедительной. Таким образом, в случае мотивационного опосредствования воспитывает не воспринимаемая ситуация, а другой человек, пытающийся вовлечь воспитываемого в ситуацию воображаемую и посредством этого произвести у него желательные мотивационные изменения. Однако важно подчеркнуть, что такой переход мотивационных процессов на новый уровень отражения, свойственный человеческой психике, влечет за собой не только существенное расширение возможностей воспитания и сферы доступных ему явлений, но и определенную потерю. Это касается прежде всего главного элемента обсуждаемого процесса эмоционального переключения — самой эмоции (2), которая из-за отсутствия непосредственных эмоциогенных воздействий перестает быть неминуемой и возникает в зависимости от искусства

воспитателя, готовности воспитываемого вслушиваться в его слова и других изменчивых условий. Ребенок, тайно ожидающий окончания наставлений ему назиданий, едва ли будет испытывать те эмоции, которые взрослый предполагает у него вызывать. Можно думать, что именно затруднения, связанные с актуализацией эмоций, являются главной причиной малой эффективности повседневных воспитательных воздействий и столь характерных попыток компенсировать ее настойчивостью и количеством этих воздействий. Таким образом, несмотря на общую особенность процессов мотивационного обусловливания и опосредствования — осуществляющееся в них переключение эмоций по отражаемым связям на новое содержание, они различаются тем, что проявляются на специфических уровнях психического отражения—в образах фактически воспринимаемой и представляемой на высших формах отражения действительности. Тот факт, что в одном случае мотивацию формируют реально воспринимаемые события жизни, в другом —

ак важно впредь ее слу-

ожидания, обещания, предвосхищения, угро| некоторое создавшееся или специально с| представление о ней, существенно изменяет! возникновения и протекания необходимого д эмоционального процесса. Во-первых, вследствие отсутствия непосредственных эмоциогенных событий мотивационное ог³¹³¹, т. е. вование должно быть, как правило, специальноРЗДзичое зовано другими людьми или различными соци, условия институтами, т. е. имеет особые движущие с]ЛЯ этого вторых, осуществление процессов мотивацион!- средствования на уровне представлений избе^лствек- от свойственной обусловливанию си^"уа^ивwc^{loc?}лс^• крывает перед движущими силами этого проц^ органи- ретически неограниченные возможности перек.зпьяыми существующих мотивационных отношений на¹тм- Во- вые и новые явления разной степени обобщ^{101^} оп0, В-третьих, практическое использование этих зляет их ностей ощутимо затрудняется тем, что пред!тм и от, мая ситуация, особенно когда она касается ^сса тео- ного будущего и поэтому является лишь вероя^{4101^}"^ обладает той эмоциогенностью, которая былг^{всё н0}" свойственна, если она была реальной. Уже о^{6тм00тм}- особенности позволяют, по-видимому, сделать^{803111108^}" чение о том, что мотивационное обусовлиЕ^^ляе- опосредствование представляют собой каче^Дзл⁶¹¹" различные «единицы» развития мотивации, (Тной, не ствующие двум главным линиям этого разв¹бы ей одной стороны, непосредственному, спонтаннДтм эти с другой стороны — социально контролируем заклю- специально организованному, зание и В порядке уточнения данного заключения^36тм0 сделать оговорку о том, что проведенное раз^00тм^- не может абсолютизироваться и что обе «ед"тм^ с развития мотивации являются не протнвопо^{0^} и, стями, а, скорее, двумя крайними точками фак^Щ' и существующего континуума, между которыми быть выделен ряд переходных форм проявлени важно вого для этого развития механизма эмоционг^{11148тм6} переключения. Рассмотрим некоторые из таки^йЦь!» Переходные формы. Выше уже шла речь 'ложно-что в социально развитой психике процессы оС^{114^}тм ливания редко обнаруживаются в натурально может и что для получения классических феноменов, я базо-

1ЛЬНОГО

76

: форм.

о том,

Буслов-

м виде

дающихся у животных, чела ставить в искусственные усл<1 спечиваемые

человеческой п| янтерпретация непосредствен понимание породивших их i
 следствий создают условия , вития процесса, запускаемо?века обычно приходится
 вием, его' распространения звия (см. С. 55—56). Обще-действительности. В
 результ.<ихикой категоризация и вационное значение МОГУТ п^о отражаемых
 явлений, .ные явления, если только о^ричин и возможных по-века, связаны с
 наличной сii'ff-ля внеситуативного раз- Нетрудно видеть, что т;о безусловным
 воздейст-следствия обусловливания ^в план представлений о признаки
 мотивационного '^^е такого развития моти-•ненность процесса эмоцириобрести
 самые различ-представлениям о существук"¹¹. п⁰^ усмотрению чело-шениях, а
 также — поскольку^УЭВДбй-ют общественное происхождакие внеситуативные по-
 минированность. Отметим не/же содержат отдельные чаев такой детер-
 минированнР^средствования: подчи- Иногда при непосредствризльного
 переключения действиях наблюдается фен^Щи^^ явлениях и их отно-ного
 воспитания, проявляюУ эти представления име^человеком всерьез не принятие—
 социальную детер-воздействию впервые получ^лько характерных слу-
 ствие переключения эмоции,⁰⁰тм-(«жаль, не послушался, ..^рииых эмоциогенных
 воз-предварительно сформиров^иб¹¹ своего рода латент-ставление, например о
 том, щийся в том, что ранее от нечестных людей (несов^е назидание при таком
 строя, собственных просчето^т подкрепление и, вслед-ке стягивать и переключал
 мотивационное значение ного, в том числе и безусл^ Другом случае некоторое
 один и тот же объект, анное обобщенное пред- Процессы непосредственн^{чт}
 все беды в жизни — мотивационного развития ей^{6?}тм""¹³ общественного чаях,
 когда воспитываю!^> может подобно ворон-извлечь пользу из реальног? эмоции
 самого различ-пытаясь оказать влияние на¹⁸0^{н3}, происхождения на
 ливание и направить его на мером может служить малого и опосредствованного
 ушибшегося ребенка, вместД⁶ более сближены в слу- можности напомнить ему,
 ^ая сторона стремится о эмоциогенного события, 77
 [внеситуативное обуслов- нужное содержание. При-
 ь, которая, успокаивая е с тем не упускает воз-

шаться и быть осторожным. Воспитатель здесь как бы пользуется тем, что из двух задач, обычно решаемых при мотивационном опосредствовании — вызова эмоции и ее переключения на новое содержание, первая решена случаем и не требует усилий. Итак, проявляясь на высших уровнях психического отражения, процессы обусловливания теряют просто ту традиционного условного рефлекса и приобретают отдельные черты мотивационного опосредствования, рассматривавшегося выше в качестве характерной «единицы» развития мотивации именно на этих уровнях. Аналогичная картина связанности и преемственности этих процессов наблюдается и при ознакомлении с данными о возникновении мотивационного опосредствования в онтогенезе. Словесное мотивационное воздействие, если только своей аргументирующей частью оно действительно заставляет важные ценности человека, обычно производит те или иные изменения в его мотивационных отношениях; во всяком случае ему не свойственно оставлять без внимания, скажем, предупреждение об увольнении или информацию об условиях, способствующих продвижению его дел. Однако такие воздействия, достаточно точные во взаимоотношениях взрослых, часто не оставляют нужных следов у ребенка, для которого предупреждения и нравоучения иногда перестают существовать сразу же после их окончания. Недостаточная эффективность словесных воздействий на ранних этапах онтогенеза хорошо известна практике воспитания, в связи с чем многие педагогические системы подчеркнуто рекомендуют по мере возможности приближать воспитательные воздействия к реальной жизни, обеспечивать их максимальную наглядность, воспитывать примером, образцом, конкретными фактами. Крайнюю в этом отношении позицию занимал Ж.-Ж. Руссо: «Не давайте вашему ученику никаких словесных уроков, он должен получать их лишь из опыта»; «Я не перестану повторять, что мы слишком много значения придаем словам; своим болтливим воспитанием мы создаем лишь болтунов» (1981. С. 94, 206). Рекомендуемый Ж.-Ж. Руссо способ воспитания можно проиллюстрировать одним из его примеров. Воспитатель Эмиля, притворившись, что потерял дорогу, и проблуждав с ним без завтрака

78

весь знойный полдень в лесу, затем подсказками помогает ему отыскать дорогу домой по положению солнца, и все это лишь для того, чтобы мальчик в радости, что вновь видит родной городок, сделал для себя открытие: «Астрономия на что-нибудь да годится» (С. 209). Очевидно, что словесное объяснение ребенку того, как иногда полезно знать страны света, даже с подробным рассказом о страданиях, которые достаются заблудившимся, не может своими воспитательными последствиями сравниться с реально пережитым опытом. Однако следует отметить, что несомненно полезный совет воспитания опытом бывает трудно осуществить на практике; во всяком случае критики упрекали Ж.-Ж. Руссо в том, что «... он приносит в жертву всю личную жизнь воспитателя, которого он превращает в постоянного спутника мальчика. Такое воспитание обходится слишком дорого» (Герbart, 1940. С. 149). Из-за чрезмерной трудоемкости, а порой и невозможности полной организации воспитания на базисе реального опыта и, с другой стороны, малой эффективности значительно

более удобных словесных разъяснений в практике часто используются смешанные виды воспитательных воздействий, в том или ином соотношении сочетающие реально воспринимаемые и воображаемые события. Один из таких видов — переключение на представляемое содержание эмоции, вызванной безусловным воздействием, выше уже упоминался. Здесь можно добавить, что в качестве подаренного случаем удобного основания для оказания воспитательного воздействия используются не только безусловные эмоции. Как уже отмечалось, при мотивационном опосредствовании воспитатель обеспечивает, во-первых, возникновение эмоции, причем явно не безусловнорефлекторного происхождения, во-вторых, ее переключение на нужное содержание. Естественно, что его задача только облегчается, если такая же или подобная эмоция возникает в жизни без его участия. Огорчение ребенка от неуспеха в школе почти автоматически вызывает у родителей слова о его недостаточно серьезном отношении к учебе, радость от достижения успеха — о полезности предшествовавших ему усилий и т. п. Подобное, хотя, по всей видимости, более сложное

соотношение между воспринимаемым и представляемым обнаруживают случаи использования в качестве наглядного воспитательного аргумента примеров других людей. Возникающее желание обладать наблюдаемыми у них качествами, способностями, социальным признанием или боязнь оказаться в положении страдающего, осуждаемого, осмеиваемого тоже могут использоваться в воспитании для переключения на разъясняемые причины воспринимаемых примеров: моральные свойства, трудолюбие и т. п. В данном случае от воспитываемого требуется представление как этих причин и их связи с наблюдаемыми следствиями, так и самого себя на месте воспринимаемого лица. Наряду со случаями, в которых наличная эмоция переключается на представляемое содержание, можно выделить другой вид смешанных воспитательных воздействий, в которых, напротив, воспитатель пытается на воспринимаемое в реальной ситуации содержание направить некоторую специально вызываемую эмоцию. Это имеет место, например, в случае эмоционального закрепления реально обнаруживаемых воспитываемым лицом отношений и действий. Правда, когда за усидчивость в занятиях ребенок хвалится, награждается лаской или лакомством, т. е. подкрепляется по типу инструментального обусловливания, вызываемый таким воздействием эмоциональный процесс осуществляется практически в пределах реально воспринимаемых событий. Но если воспитатель подкрепляет усидчивость образом будущих преимуществ и успехов («скоро ты будешь совсем хорошо читать»), то такое воздействие уже имеет признаки мотивационного опосредствования, только не с представляемым, а указываемым в ситуации явлением, к которому закрепляется нужное отношение. Для наглядности обозначенные виды воспитательного воздействия (и соответствующие варианты процесса эмоционального переключения) можно изобразить схематически. Если оба задействованных в переключении явления: имеющее мотивационное значение, т. е. являющееся основанием воспитания, и приобретающее такое значение, т. е. выступающее в качестве цели воспитания, обозначить прямоугольниками, причем сплошной линией — реально воспринимаемые

80

явления, а пунктирной — представляемые, то получим следующую картину:

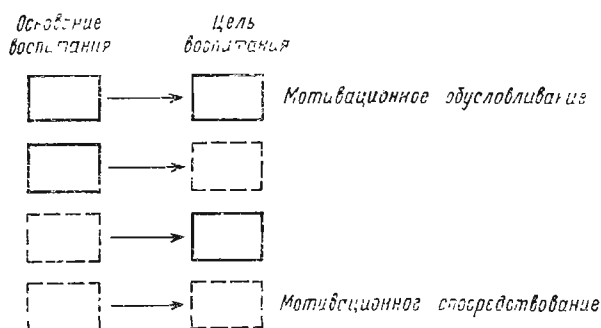

Схема является упрощенной, не отражающей, например, различий в связи между обеими частями воспитательных воздействий, которая тоже может быть как наглядно воспринимаемой, так и словесно разъясняемой. Однако и в таком виде она показывает, что между мотивационным обусловливанием и опосредст-

вованием как двумя крайними формами эмоционального переключения можно обозначить несколько переходных вариантов этого процесса. Существование таких вариантов, а также факты большей эффективности воспитательных воздействий, опирающихся на воспринимаемые события, и сравнительно позднего появления в онтогенезе возможности оказывать эти воздействия на основе представлений, позволяют предположить, что мотивационное опосредствование является следствием развития и качественного преобразования процессов обуславливания в человеческой психике, результатом их перевода из внешнесозерцаемого во внутренний план⁷.

⁷ О возможности такого перевода говорят, в частности, данные об онтогенетическом развитии отдельных исследовавшихся эмоциональных процессов человека «Насколько позволяют судить результаты исследований процесса содействия и сопереживания герою художественного произведения у детей (Запорожец, 1971), эта деятельность первоначально складывается как

&1

Более четкая дифференциация различных форм эмоционального переключения затрудняется тем, что в реальной практике воспитания они часто проявляются одновременно и бывают сложным образом переплетены. Так, лицо, подвергающееся воспитательному воздействию, отражает то, о чем в нем говорится, на уровне представлений, но само воздействие, слова, которые оно слышит, человек, их произносящий, и вся ситуация воспитания являются для него реально воспринимаемыми событиями. Эти события независимо от воздействия могут вызывать свои особые эмоции (скажем, ситуация воспитания при посторонних лицах может казаться унижающей), способные влиять на эмоции, вызываемые воспитательным воздействием (оно может с самого начала восприниматься отрицательно). Однако сложный, многоуровневый состав эмоциональных процессов, обеспечивающих формирование новых мотивационных отношений, осложняет, но не исключает анализ этих процессов. Более того, именно сложный состав реальных феноменов мотивационного развития оправдывает обозначение отдельных «единиц» этого развития, выделяемых в нем при помощи анализа и абстракции. Вышеприведенный материал позволяет утверждать, что в основе таких «единиц» лежит отдельный акт эмоционального переключения, представляющий собой универсальный механизм развития мотивации, общий для биологического и социального ее уровней. Что известно об этом акте, имеющем столь важное функциональное назначение?

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ И СИТУАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ЭМОЦИЙ

Состояние проблемы

Современные взгляды. К сожалению, феномен эмоционального переключения недостаточно отражен в внешней, развернутой и предполагает соучастие в непосредственно воспринимаемых и переживаемых событиях. Лишь затем и лишь на этой основе подобного рода деятельность может приобрести внутренний характер и осуществляться в идеальном плане, в плане "эмоционального воображения"» (Запорожец, Неверович, 1974. С. 67).

82

современной психологии эмоций (Arnold, 1968, 1970; Frijda, 1986; Izard, 1979; Reymert, 1928, 1967), как и многие другие моменты их динамики, интенсивно обсуждавшейся в концепциях прошлого. Будучи явно выраженным, этот феномен не мог, конечно, остаться совершенно не замеченным в современной психологии, однако в ней он, как правило, изображается неотчетливо или в неполном, требующем реконструкции виде. Так, в ряде концепций подчеркивается зависимость возникновения эмоций от познавательной оценки ситуации. Согласно Р. С. Лазарусу (Lazarus, 1968a, 1968b), эмоции возникают в результате взаимодействия двух процессов когнитивной оценки: первичной, оценивающей значение воздействия или ситуации для индивида, например их опасность, и вторичной, определяющей возможности его действий; страх является реакцией на невозможность избегания воспринимаемой опасности. «Информационная» теория П. В. Симонова подчеркивает, что условием возникновения эмоции является

«оценка вероятности (возможности) удовлетворения потребности на основе врожденного и онтогенетического опыта» (1981б. С. 20), что, очевидно, предполагает некоторый познавательный процесс. Согласно концепции С. Шахтера (Schachter, 1964, 1970) эмоции возникают на базе физиологического возбуждения (как это утверждает «периферическая» теория эмоций; см. Джемс, 1984), однако их направленность и характер определяются оценкой ситуации. Указанные авторы по-разному интерпретируют изначальное событие в процессе возникновения эмоций, выделяя в этом качестве первичную оценку ситуации, актуализацию потребности и физиологическое возбуждение. Однако в качестве второго события ими указан сходный момент—та или иная познавательная оценка ситуации. Как можно видеть, в этих концепциях феномен эмоционального переключения фактически не отражен. В них дано объяснение возникновению отдельной эмоции, тогда как феномен переключения охватывает по меньшей мере две эмоции: изначальную и ту, которая возникает в результате ее переключения по отражаемым связям. Однако рассматриваемые взгляды можно считать отражающими итоговое событие в эмоциональном переключении—возникновение эмоции в

зависимости от познавательного процесса. Конечно, такая интерпретация исходит из представления, которое в них не содержится и которое признает, что эмоция возникает в самом начале рассматриваемого процесса, т. е. при первичной оценке ситуации, актуализации потребности, физиологическом возбуждении, а последующий познавательный процесс эту эмоцию не включает, направляет на выявляемые обстоятельства, но не создает. Существуют концепции, поддерживающие данную интерпретацию. Так, согласно «модифицированной периферической теории» Э. Клапареда уже изначальная оценка ситуации (по Р. С. Лазарусу — первичная) осуществляется при помощи умеренных и полезных чувств, вслед за которыми в результате уточнения возможностей действия могут возникнуть эмоции: «Общепринятое мнение о том, что страх часто возникает уже после осознания опасности той ситуации, в которой мы находимся, является верным. Только это осознание не сводится... к чисто интеллектуальному суждению. Согласно нашей теории оно состоит в «чувстве опасности». Поэтому будем говорить, что эмоция страха следует за чувством опасности; это случается тогда, когда мы оказываемся не в состоянии убежать или защитить себя естественным путем» (1984. С. 99). В классификационной схеме У. Макдауголла (1984) эмоции интерпретируются как субъективное выражение целенаправленных инстинктивных устремлений. Чувства как принципиально другой класс эмоциональных явлений, согласно этому автору, производны от эмоций и возникают при столкновении активности с реальными или предвосхищаемыми удачами, затруднениями, препятствиями и т. п. Данная схема, а также взгляды Э. Клапареда, ниже будут рассмотрены подробнее. Сходным образом, хотя в других терминах и традициях, объясняют возникновение эмоций М. Б. Арнольд и Дж. А. Гассон. Согласно этим авторам, эмоции в виде положительного или отрицательного отношения (элементарная любовь или ненависть) тоже являются следствием изначальной оценки ситуации и «возникают каждый раз, когда нечто признается привлекательным или отталкивающим» (Arnold, Gasson,

84

1954. Р. 294). Однако в зависимости от условий, в которых оказываются предметы этих эмоций, из них развиваются другие эмоции: импульсивные, выражающие активное отношение к этим предметам (желание, радость, отвращение), или «преодолевающие», так или иначе связанные с препятствием (надежда, страх, гнев). Таким образом, наряду с теориями, подчеркивающими с чрезвычайным, как представляется, обобщением возникновение эмоций в зависимости от результатов процессов познания, существуют концепции, в которых данная зависимость изображается с большей детализацией, допускающей развитие эмоционального процесса, возникновение одних эмоций в ответ на непосредственно жизненно значимые воздействия и других — при познавательном уточнении условий, в которых эти воздействия воспринимаются. Однако справедливости ради следует отметить, что данная здесь интерпретация этих концепций является несколько натянутой; эмоциональное переключение как феномен переадресовки эмоции по познавательным связям с одного отражаемого явления на другое в них усматривается, но отчетливо не формулируется, во всяком случае не имеет явной

объяснительной нагрузки. Это же можно сказать о теории «дифференциальных эмоций» К. Е. Изарда. В ней взаимодействию эмоций как между собой, так и с побуждениями типа голода, усталости, секса, а также с когнитивными процессами, уделяется сравнительно большое внимание. Утверждается, например, что боль, рассматриваемая как побуждение, «обладающее некоторыми характеристиками эмоций» (1980. С. 70), способна вызвать страх, страдание, гнев, эмоция радости—стыд, вину и т. п. Но взаимодействие эмоций в этой теории освещается скорее в порядке формального комбинирования, чем в плане поиска закономерностей развития мотивации, что не позволяет говорить об отчетливом обозначении в ней феномена эмоционального переключения. Более заметен этот феномен в работах и концепциях, обсуждающих так называемое обусловливание эмоциональных реакций и состояний (см. Strongman, 1978. Р. 108—124). Однако из-за позитивистской направленности этих работ, игнорирования плана субъ-

активных переживаний собственно психологический аспект проблемы в них отражения практически не получает. Так, в двухфакторной концепции научения О. Х. Маурера (Mowrer, 1950, 1960a) эмоции выполняют роль своего рода посредника между озадачивающими индивида процессами обусловливания (problem making, sight learning) и последующим поиском инструментального решения задач (problem solving, solution learning). Приобретение в процессе обусловливания сигнальным раздражителем эмоционального значения можно охарактеризовать как переключение на него эмоции, вызванной первичным подкреплением. В дальнейшем переключающаяся (обусловленная) эмоция служит вторичным подкреплением для приобретения инструментального опыта. В отличие от других рассмотренных взглядов в концепции О. Х. Маурера эмоциональное переключение является не просто констатируемым фактом, а получает определенное объяснительное значение: оно включено в процессы научения, играя в них важную роль. В пределах позитивистских концепций научения более полно отразить значение этого феномена в развитии мотивации едва ли возможно. Процесс эмоционального переключения под названием «переноса чувств» отчетливо обозначен в книге В. С. Дерябина (1974)—наиболее, пожалуй, полной по содержанию попытке в советской литературе рассмотреть психологическую феноменологию эмоций в свете учения о высшей нервной деятельности. Примечательно, что перенос чувства, согласно этому автору, происходит именно при установлении условных связей: «По мере жизненного опыта растет количество временных связей в области чувств. Если вид яблока приятен, а вид надвигающейся осенней тучи вызывает неприятное чувство, то, несомненно, чувства при этом возникают не непосредственно от зрительных ощущений, а от связи, установившейся на основании прошлого опыта между видом яблока и приятным вкусом и неприятным чувством от сырости и холода и видом тучи» (С. 62). Однако надо сказать, что даже в таком виде внешне констатируемой параллели представление о связи условного рефлекса и эмоционального переключения

учении о высшей нервной деятельности не является распространенным. Так, П. В. Симонов, подчеркивая подкрепляющую функцию эмоций при выработке условного рефлекса (1981. С. 31), не связывает данного проявления эмоций с их «переносом» на новое содержание. Выделяемая в данной концепции «переключающая функция эмоций» обозначает прежде всего переключение механизмов поведения, а не самих эмоций. Следы эмоционального переключения обнаруживаются в некоторых частных теориях и исследованиях. Положение о том, что агрессия является одной из характерных реакций индивида на фрустрацию, можно считать общепризнанным (см. Левитов, 1967, 1972; Yates, 1965). Но на языке эмоций позитивистская формулировка «гипотезы фрустрации—агрессии» означает не что иное, как «гипотезу огорчения — гнева», т. е. переключение эмоции, вызванной неудачей или лишением, на предполагаемую их причину. Исследования показали, что вследствие неудачи может возникнуть не только агрессия, но и удивление, вина, стыд, а вследствие успеха—уверенность в себе, расслабление, благодарность, причем возникновение

той или иной эмоции зависит именно от восприятия человеком причин успеха или неудачи (Хекхаузен, 1986. Т. 2. С. 167). Для того чтобы усмотреть в данном исследовании эмоциональное переключение, нужно признать, что успех или неудача сами по себе вызывают эмоцию (радость, огорчение), которая, подчиняясь отражаемым причинным связям, развивается в другие эмоции. Аналогичную интерпретацию допускают исследования, показывающие, что возникновение гнева в ответ на агрессивные действия другого лица зависит от того, в какой мере эти действия воспринимаются преднамеренными или случайными (Epstein, Taylor, 1967; Schantz, VoydanoU, 1973). Итак, при целенаправленном и, возможно, несколько пристрастном поиске можно найти отображение эмоционального переключения и в современной психологии, однако эти данные, накопленные вне соответствующих теоретических схем, носят фрагментарный характер и не всегда могут быть интерпретированы однозначно. Виной такому состоянию проблемы служат

недоступность более тонких нюансов эмоциональной жизни экспериментальному контролю и методология позитивизма, сопротивляющаяся внеэкспериментальному познанию. От этих обстоятельств были свободны авторы прошлого, в учениях которых (см. Gardiner а. о., 1937) динамика эмоций, закономерности их развития одних на основе других освещены более отчетливо и полно (Вилюнас, 1976, 1984). Динамика эмоций в учениях прошлого. Отдельные наблюдения и обобщения авторов прошлого отчетливо перекликаются с современными эмпирическими исследованиями. Так, к указанным выше исследованиям условий возникновения гнева самое прямое отношение имеют следующие утверждения Д. Юма: «Человек, нанесящий нам рану или повреждение случайно, не становится в силу этого нашим врагом, точно так же как мы не считаем себя обязанными лицу, случайно оказавшему нам услугу»; «Человек, который причиняет нам страдание намеренно, но не из-за ненависти и злобы, а ради справедливости и по праву, если только мы до некоторой степени разумны, не возбуждает нашего гнева, несмотря на то что он является причиной, и притом сознательной причиной, наших страданий» (1966. С. 483,485). Согласно одному из обобщений Б. Спинозы: «Если кто воображает, что его кто-либо ненавидит, и при этом не думает, что сам подал ему какой-либо повод к ненависти, то он в свою очередь будет его ненавидеть» (1957. С. 488). Данной формулировке явно созвучны результаты эксперимента, показавшего, что отрицательная оценка друзьями школьника его внешности вызывает ответное ухудшение к ним его отношения (Zielinska, Zabrowski, 1971). Тот факт, что некоторые современные исследования, по существу, переоткрывают на эмпирическом уровне давно сформулированные положения, делает эти положения актуальными и в настоящее время. Познакомимся с ними подробнее. Весьма отчетливо процесс эмоционального переключения обозначен в учении Б. Спинозы, в котором он занимает положение одной из центральных закономерностей, объясняющих возникновение новых эмоциональных отношений. Согласно этой закономерности все, что более или менее опосредствованным путем служит воображаемой «причиной» удовольствия или

неудовольствия субъекта, становится предметом его положительного или отрицательного эмоционального отношения. Эмоциональное переключение лежит в основе, в частности, формального определения любви и ненависти как удовольствия и неудовольствия, «сопровождаемого идеей внешней причины» (1957. С. 510), которое, по существу, означает, что мы начинаем некоторый объект любить или ненавидеть непременно за нечто, что для нас уже мотивационно значимо и вызывает эмоциональное отношение. Речь идет о самом обычном событии в эмоциональной жизни, поскольку в употреблении Б. Спинозы любовь означает любое, не обязательно сильно выраженное положительное эмоциональное отношение, а ненависть — отрицательное. Подобных взглядов на возникновение любви и ненависти придерживался Д. Юм, подчеркивавший несовпадение их объекта и причины⁸: «При рассмотрении причин любви и ненависти мы найдем, что они очень разнообразны и имеют между собой немного общего. Добродетельность, знания, остроумие, здравый смысл,

добродушие, отличающие то или другое лицо, вызывают любовь и уважение; противоположные же качества—ненависть и презрение» (1966. С. 463). Объективные отношения, по которым переключается эмоциональный процесс в случае такого рода «причин», можно обобщенно обозначить как отношение «свойство вещи — вещь». Собственные поступки, свойства и решения способны доставлять человеку такое же непосредственное удовольствие-неудовольствие, как и действия или особенности других людей. Если человек воспринимает причиной этих эмоциональных переживаний самого себя, у него в результате их переключения на такую причину возникают эмоции досады, самодовольства, стыда, гордости, униженности и др. Исчерпывающий

⁸ Правда, «причиной» эти авторы обозначали разные явления: Спиноза говорил о более опосредствованной причине Удовольствия, которая становится предметом любви. Юм такой причиной считал сам фактор, вызывающий удовольствие. Так, по Спинозе, человек, совершивший добрый поступок, является причиной удовольствия, которое он нам этим доставляет, и поэтому к нему возникает отношение любви, тогда как, согласно Юму, причиной любви является сам поступок.

перечень поводов, способных возбудить два последних переживания, приводит Д. Юм: «Всякое ценное душевное качество, относится ли оно к области воображения, рассудка, памяти или темперамента, например: остроумие, здравый смысл, образованность, мужество, справедливость, честность, является причиной гордости; противоположные же свойства являются причиной униженности. Но эти аффекты не ограничиваются духом, а распространяются и на тело. Человек может гордиться своей красотой, силой, ловкостью, привлекательной наружностью, умением танцевать, ездить верхом или фехтовать, своим искусством в ремеслах или ручном труде. Но и это еще не все... Наша родина, семья, наши дети, родственники, наше богатство, наши дома, сады, лошади, собаки, платье— все это может стать причиной как гордости, так и униженности» (1966. С. 407). Представляется, что уже одна эта цитата, касающаяся возникновения двух специфических эмоциональных отношений, признает большее значение эмоционального переключения в жизни человека, чем многие, вместе взятые, современные концепции эмоций. Однако механизм эмоционального переключения обеспечивает возникновение не только отдельных эмоциональных отношений, но и, вместе с другими закономерностями динамики эмоций, дальнейшее их развитие в ситуации. Рассмотрим эмоциональные явления, развивающиеся, согласно Б. Спинозе, из аффекта любви. Человек, испытывающий любовь, сопереживает аффекты любимого лица: «Кто воображает, что предмет его любви получил удовольствие или неудовольствие, тот и сам также будет чувствовать удовольствие или неудовольствие, и каждый из этих аффектов будет в любящем тем больше или меньше, чем больше или меньше он в любимом предмете» (1957. С. 473). Вследствие переключения такой сопереживаемой эмоции любовь может распространиться на третье лицо: того, кого мы воспринимаем в качестве причины, доставившей предмету нашей любви удовольствие, мы станем тоже любить, а того, кто причиняет ему неудовольствие, мы станем ненавидеть. На основе этих же законов эмоциональный процесс может получить дальнейшее продолжение. Так, в от-

90

ношении лица, ненавидимого из-за того, что он причинил любимому нами лицу страдание, могут развиваться подобные процессы сопереживания и последующего переключения, только с противоположным эмоциональным знаком: «Если мы воображаем, что кто-либо причиняет удовольствие предмету, который мы ненавидим, то мы будем и его ненавидеть. Наоборот, если мы воображаем, что он причиняет этому предмету неудовольствие, мы будем любить его» (С. 475). Любовь порождает также ряд желаний, рассматриваемых в учении Б. Спинозы в качестве одного из трех «первоначальных или главных» видов аффекта⁹. Мы желаем предмет своей любви «иметь налицо и сохранять», доставлять ему всякого рода удовольствия, «... и наоборот, отрицать все то, что, по нашему воображению, причиняет нам или любимому нами предмету неудовольствие» (С. 476). Любовь порождает также желание взаимности, которое, будучи неудовлетворенным, вызывает неудовольствие. Такое неудовольствие, как и всякое другое, способно переключиться на свою причину, если, конечно, человек такую находит. Ее он может усмотреть как в самом себе, считая, что его не любят по его

же вине,—в таком случае у него возникнет аффект приниженности, так и в любимом лице, которое вследствие этого станет одновременно ненавидимым: «Эта ненависть к любимому предмету будет тем больше, чем больше было то удовольствие, которое ревнивец обыкновенно получал от взаимной любви любимого им предмета» (С. 484). Если причина усматривается в третьем лице, выступающем в качестве конкурента, к нему возникает особый вид ненависти — зависть. Со стороны любимого лица любовь вызывает ответные аффекты. Это объясняется тем, что приветливое, симпатизирующее отношение другого лица человеку само по себе приятно. В результате переключения этой эмоции на лицо, доставляющее удовольствие своим отношением, к нему возникает ответное положительное отношение: «Если кто воображает, что его кто-либо любит, и при этом не думает, что сам подал к этому какой-либо повод... то и он со своей стороны будет Любить его» (С. 489).⁹ Два других вида — удовольствие и неудовольствие.

Однако только любовь, причина которой усматривается в самом любящем, вызывает ответное отношение. Если же любимый человек считает, что такой причиной является он сам или кто-либо третий, то эмоциональный процесс завершается возникновением отношения, направленного именно на эту причину: «Если он будет думать, что подал справедливый повод для любви, то будет гордиться... и это... случается чаще» (С. 489). Совершенно также, если нас кто-то ненавидит, причем мы считаем, „что сами виноваты в таком отношении к нам и вполне его заслуживаем, вместо ответной ненависти у нас возникает стыд—эмоциональное переживание, направленное на нас самих и представляющее «неудовольствие, сопровождаемое идеей какого-либо нашего действия, которое другие, по нашему воображению, порицают» (С. 515). Однако это, как отмечает Б. Спиноза, случается редко. Как показывает воспроизведенный фрагмент, по динамичности, дифференцированности эмоциональной жизни, ее соответствию реальной феноменологии учение Б. Спинозы значительно превосходит современные концепции. В этом отношении оно несомненно заслуживает оценки Л. С. Выготского, который утверждал, что «Спиноза поэтому самым тесным образом связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций», что «проблемы Спинозы в нерешенном виде ждут своего решения» (1970. С. 130). Одно из достоинств учения, определяющих его жизненную реальность,—надлежащее отражение в нем процесса эмоционального переключения.

Ведущие и производные {ситуативные} эмоции

В 1976 г. мною была изложена концепция, восстанавливающая забытые идеи учений прошлого на базисе представления об эмоциях как о субъективной форме существования мотивации, согласно которому эмоциональные переживания являются единственным представителем мотивационных процессов на уровне психического отражения, той системой сигналов, которой потребности открываются субъекту, указывая на соответствующие им предметы и воздействия. Главный шаг в теоретическом закреплении феномена эмо-

92

„дуального переключения состоял в предложении различать ведущие эмоции, направленные на непосредственно мотивационно значимые явления и возникающие при их восприятии или представлении, и производные эмоции, развивающиеся из ведущих по мере выяснения важных для этих явлений связей и условий в конкретной ситуации. Идея данного классификационного различения, производимого на функциональном основании и поэтому отражающего принципиальное строение мотивационной сферы, имеет свою предысторию развития, свидетельствующую о том, что потеря современной психологией злободневных, по свидетельству Л. С. Выготского, представлений о взаимосвязанности эмоций происходила постепенно. Познакомимся на историческом материале с существенными моментами этой идеи. История функциональной классификации эмоций. Как упоминалось, взаимосвязанное возникновение эмоций отражено в концепциях Э. Клапареда (Claparède, 1928) и У. Макдауголла (1984; McDougall, 1923). При отвлечении от терминологической путаницы, создаваемой тем, что в одной из них чувствами обозначено то, что в

другой называется эмоциями, и наоборот, в обеих концепциях усматривается общая идея: оба автора утверждают, что существуют первичные, исходные эмоции, на основе которых при определенных условиях, например при столкновении с препятствием, возникают вторичные, названные У. Макдауголлом производными. Однако дальнейшее сопоставление решений, предложенных этими авторами, обнаруживает значительные расхождения. Согласно Э. Клапареду, производные эмоции возникают преимущественно в затрудняющих приспособление ситуациях, при невозможности адекватного поведения, т. е. являются по своей природе негативными. Представляется, что в данном отношении более полно отражает динамику эмоций точка зрения У. Макдауголла, согласно которой успех в деятельности служит таким же верным источником производных переживаний, как и неуспех, встречающиеся неудачи. Радость противостоит огорчению, надежда — тревоге, ликование—отчаянию; представление о преимущественно негативном характере производных

переживаний может быть обусловлено тем, что по ситуации своего возникновения такие переживания являются 'более «очевидными» в смысле, указанном Р. У. Липером (1984), а вовсе не тем, что у индивида отсутствует или слабо развит диапазон позитивных производных эмоций. С другой стороны, Э. Клапаред включает в число производных эмоций переживания типа страха или гнева, тогда как У. Макдауголл относит их к первичным, ставя в соответствие с инстинктами бегства и агрессии. Данное расхождение заслуживает особого внимания, поскольку речь идет об отнесении к тому или иному классу весьма многочисленной и важной группы эмоциональных явлений. Существование у животных стереотипных форм поведения, обеспечивающих защиту или нападение, позволяет относить эту активность к проявлениям инстинкта. Желая подчеркнуть унаследованность биологических потребностей, их также можно называть инстинктивными. Неточность У. Макдауголла заключается не в том, что он называл эти мотивационные системы инстинктами, а в том, что в его классификационной схеме они поставлены рядом, а это скрывает их различия. Между тем они весьма существенны. Удовлетворение потребностей необходимо для жизни, тогда как «инстинкт» страха не является ее условием; напротив, идеальной мы должны считать такую жизнь, в которой индивиду не приходится переживать страх и спасаться бегством. Теоретически возможно предположить также существование, которое не было бы связано с переживанием гнева, так как все его потребности всегда удовлетворялись беспрепятственно. Когда животное проявляет агрессию по отношению к конкуренту, покушающемуся на его пищу, эта реакция имеет исключительно ситуативный, производный характер и возникает в результате эмоционального переключения, в основе которого лежит исходное пристрастное отношение к пище. Таким образом, ограничение У. Макдауголлом класса производных эмоций теми переживаниями, которые обобщенно могут быть названы эмоциями успеха-неуспеха (к ним он относит радость, печаль, огорчение, досаду, удивление, сожаление, раскаяние,

94

уверенность, уныние, отчаяние, надежду, тревогу), исходит из недифференцированного подхода к мотивации, из попытки свести ее к однородному множеству инстинктов. В действительности же такие эмоции, как страх или гнев, обычно возникают уже вслед за переживанием неуспеха, т. е. уже на некотором этапе развития производного эмоционального процесса. По этому соглашаясь в целом с оценкой этого автора, который представлял свою классификационную схему «...исчерпывающей, последовательной и в принципе верной, хотя еще сильно нуждающейся в поправке и доработке деталей» (1984. С. 103), следует, однако, отметить, что в результате ее поправки класс производных эмоций значительно расширяется. Организация мотивационной сферы. Проекция идеи о функциональной классификации эмоций, извлеченной из рассмотренных концепций и лишенной какого бы то ни было остатка свойственного им параллелизма, на представление об эмоциях как о субъективном проявлении потребностно-мотивационных процессов показывает, что механизмы мотивации обеспечивают на уровне психического отражения не

только возникновение, но и развитие эмоций; это значит, что в потенциальном виде эмоциональная реакция на некоторое событие является как бы разветвленной, причем каждая из таких ветвей соответствует определенной возможности ее дальнейшего развития, отвечающего тому или иному варианту изменения ситуации. Если состояние потенциальной готовности к переживанию субъектом некоторой эмоции обозначить как мотивационную установку (см. Виллюнас, 1986. С. 94), то данное представление можно сформулировать следующим образом: механизмы мотивации устроены так, чтобы обеспечить возникновение ведущей эмоции в сопровождении ряда связанных с ней мотивационных установок, каждая из которых способна при соответствующих условиях перерасти в реально переживаемую производную эмоцию. Данные о ситуативной динамике эмоций специфически освещают принципиальную организацию мотивационной сферы. Из них следует, что в ней наряду с сравнительно автономными механизмами, специализированными в отношении отдельных потребностей

и обеспечивающими указание при помощи ведущих эмоций на непосредственно отвечающие им предметы, существуют универсальные, как это подчеркивал У. Макдауголл, мотивационные механизмы, способные проявляться в любой деятельности независимо от ее потребностной направленности. Типичный пример такой универсальной мотивационной системы представляют собой механизмы, обеспечивающие возникновение эмоций успеха-неуспеха. Надежда или тревога по поводу цели, предстоящей достижению, лишь интенсивностью зависит от ее мотивационного значения, тогда, как качеством — от хода деятельности и опыта субъекта в данной ситуации: «Надеждой мы называем сложное чувство, возникающее у нас при действии любого сильного желания и при предвосхищении успеха; ...по мере уменьшения благоприятности обстоятельств, чувство, коренящееся в нашем желании, изменяется незаметными градациями от надежды к тревоге и далее — к отчаянию» (Макдауголл, 1984. С. 107). Можно сказать, что механизм эмоций успеха-неуспеха релевантен не потребностям, а деятельности как таковой и организующему ее субъекту. Однако было бы неверно считать, что различие ведущих и производных эмоций соответствует различению специфических и универсальных механизмов мотивации. Дело в том, что ситуативное развитие эмоций может быть предусмотрено и происходить и в пределах механизмов, обеспечивающих удовлетворение специфической потребности или некоторой их системы. Выше были пересказаны многочисленные варианты производного эмоционального процесса, которые, согласно Б. Спинозе, могут развиваться из ведущего отношения любви. Этот материал говорит о том, что мотивационная система, отвечающая за эмоциональную сторону человеческих взаимоотношений, не только обеспечивает формирование и сохранение эмоционального отношения к людям, но и содержит целый реестр потенциальных эмоциональных реакций на их состояние и поведение. Такой тип организации мотивационных систем, регулирующих специфические формы поведения, не является неожиданным и принципиально новым, так как имеет аналоги в механизмах регуляции поведе-

96

ния животных. «Разветвляющийся» тип организации инстинкта (Вилюнас, 1986. С. 133), на основе которого, например, осуществляется насиживание яиц птицами (Baerends, 1959), отличается именно одной временной готовностью отвечать специфическими реакциями на разные стимулы; эти реакции выполняются в любом порядке в зависимости от последовательности поступающих ключевых раздражителей. Со стороны механизмов мотивации такой инстинкт, как и обсуждаемые мотивационные системы, представляет собой совокупность одновременно актуализированных установок. Отличие состоит в том, что в случае мотивационной системы, регулирующей эмоциональные взаимоотношения, такие установки, обозначающие потенциальную готовность к определенным эмоциональным реакциям, отчетливо связаны с центральным образованием системы — ведущим отношением к человеку — и из него развиваются. Впрочем, такое отличие может и не существовать, поскольку субъективная сторона актуализации мотивационных установок в случае инстинкта просто неизвестна. Эмоциональные системы, имеющие

центральное образование, которое служит организующим началом для многочисленных связанных с ним эмоций, были подмечены и обсуждались в психологии начала века. В англоязычной литературе такие системы получили название sentiments (Shand, 1926), которое на русский язык обычно переводится как «чувство»: «Мы видели, что чувство представляет собой организованную систему эмоциональных переживаний, концентрирующихся около идеи о каком-либо объекте» (Мак-Дауголл, 1916. С. 117); «Преобразованные воспитанием эмоции—это эмоции, интегрированные, или организованные, в чувства; они уже не обнаруживаются судорожно, изолированно, приводя к конфликтным последствиям, а скорее ровно и согласованно, видоизменяя и усиливая друг друга в направлении к общей цели» (Philips, 1937. Р. 16). Однако в данном понимании эмоциональных систем их «центральное ядро» обычно трактовалось как образование когнитивной природы: «Как ни назывались бы приобретенные компоненты характера — чувствами, интересами, страстями или комплексами, — все они состроятся из организованной группы эмо-

⁴ В. К. Виллюнас

ций, связанных с мыслью об одном и том же объекте» (Burt, 1945. P. 538). При таком понимании чувства-сентименты означают не отдельные онтологические явления, какими следует считать ведущие эмоции а гносеологические обобщения для обозначения всей системы связанных с некоторым предметом производных эмоций. Подобным образом чувства интерпретируются и рядом советских авторов (Ковалев, 1957; Фортунатов, 1946; Якобсон, 1958), утверждающих, например, что «психический процесс непосредственного переживания какого-либо чувства и является эмоцией» (Смирнов, Трохачев, 1974. С. 31). Такая точка зрения отражает факт организованности эмоций вокруг некоторого ядра, а не механизм их организованности. И если вернуться к тезису о том, что идею о ситуативной динамике эмоций, содержавшуюся в учениях прошлого, современная психология утратила постепенно, то учение о сентиментах можно рассматривать как переходный этап этого процесса, на котором развитие эмоций уже не признавалось, хотя еще отражалось. Во всяком случае феноменологический материал, которым оперировали представители учения, тесно перекликается, а порой прямо совпадает со спинозовским: «Так, Шанд указывает, что когда человек испытывает чувство любви по отношению к какому-нибудь лицу или другому объекту, он переживает нежную эмоцию в его присутствии, страх или тревогу, когда это лицо в опасности; гнев, когда ему угрожают; печаль, когда его теряет; радость, когда объект чувствует себя хорошо или возвращается к нему; благодарность к тому, кто делает добро любимому существу, и т. д.» (Мак-Дауголл, 1916. С. 91). Отличие состоит в том, что Б. Спиноза считал любовь не обходимой предпосылкой развития такого рода эмоций, тогда как представители учения о сентиментах, уже частично подчиняясь позитивистскому запрету углубляться в мир внутренних переживаний, создававшему и закреплявшемуся в то время в психологии, констатируют внешний факт: все эти наблюдаемые эмоции, вместе взятые, способность человека к ним — это и есть любовь. Конечно, признание ситуативного развития эмоций, существования организованных систем, опреде-

ляющих это развитие, не раскрывает всех тайн организации мотивационной сферы отражения; главные открытия несомненно впереди. Однако такое признание, взгляд на эмоциональную жизнь, как на постоянно развивающийся по определенным правилам процесс, представляется обязательным условием приближения к тайнам мотивации. Много неясных проблем возникает при постановке вопроса о совместном проявлении отдельных эмоционально-мотивационных систем, в частности о взаимодействии выделенных выше универсальных и специфических систем. Факты говорят о том, что они регулируют поведение в теснейшей взаимосвязанности. Для появления страха, например, недостаточно того ведущего переживания, с которым воспринимается угрожающий агент. Как правило, в этом процессе участвует еще универсальная производная эмоция, констатирующая или предвосхищающая неуспех в попытке удалиться от угрозы. При других обстоятельствах эта же эмоция может «включить» гнев, более того — направить его, так как его объектом обычно становится именно причина неуспеха. Сравнительно полно

этот процесс развернут в опытах Т. Дембо, в которых повторяющиеся неудачи, неожиданно сменявшие первоначальный многократный успех, приводили к острым вспышкам гнева (Dembo, 1931). Неудача, в попытке убедить в чем-то любимого человека способна вызвать обиду, упреки, хотя в отношении постороннего лица развитие эмоции в аналогичной ситуации может ограничиться простым разочарованием. Такого рода факты свидетельствуют о том, что универсальные эмоции успеха-неуспеха, отражающие реальное продвижение в преследовании целей или возможность такого продвижения, служат в системе производных эмоций своего рода диспетчером, по сигналам которого возникают более специфические переживания. Однако насколько легко констатировать данное функциональное проявление эмоций успеха-неуспеха, настолько трудно дать ему объяснение, так как изученность взаимодействия отдельных механизмов и систем мотивации оставляет желать лучшего. Следует подчеркнуть, что в области мотивации четкое разграничение отдельных компонирующих си-

4*

стем неизбежно является условным из-за их предельной переплетенности и, как можно думать, полевой природы взаимодействий, формирующих итоговые побуждения. Сложность такого разграничения была, в частности, показана в изучении чувств-сентиментов: «Наше исследование подтвердило изначальное предположение об искусственности понятия отдельного чувства. Объектом любого чувства редко оказывается отдельная неизменная сущность или идея; это скорее система, способная как к внутреннему развитию и усложнению, так и к вовлечению новых объектов с присоединением к ним готовых эмоций и установок» (Phillips, 1937. Р. 309). Действительно, спинозовские закономерности развития производных эмоций из отношений любви и ненависти в том или ином сочетании могут проявляться в общении друзей, родителей и детей, супругов, в профессиональной, эстетической деятельности, да и при случайной встрече. Но это значит, что мотивационная система, отвечающая за эмоциональные взаимоотношения людей и специфическая по отношению к этому роду деятельности, оказывается достаточно универсальной, если рассматривать конкретные сферы ее проявления. Поэтому по отношению к складывающимся в онтогенезе системам ведущих эмоций, мотивирующих отдельные виды деятельности, более точным будет различение не специфических и универсальных подсистем производных эмоций, а более и менее универсальных подсистем. Уточнение особенностей организации мотивационной сферы будет продолжено ниже при обсуждении феномена мотивационной фиксации. Функции эмоций успеха-неуспеха. Общее функциональное назначение системы производных эмоций, являясь, можно сказать, одним из лейтмотивов данной работы, было уже неоднократно представлено: это — ситуативное развитие мотивации, обеспечивающее перераспределение мотивационного значения ведущих побуждений на всевозможные значимые для них обстоятельства, промежуточные цели активности и собственные действия, а вместе с тем, при дополнительном условии фиксации возникающих ситуативных отношений,—и онтогенетическое ее развитие. Понятно, что в этом общем назначении отдельными

видами производных эмоций осуществляются более специфические функции. Охарактеризуем некоторые из них на основе прежней публикации (Вилюнас, 1976). Функциональное назначение эмоций успеха-неуспеха в общих чертах подсказывается попыткой осмыслить их эволюционную необходимость. Действительно, деятельность, побуждаемая только выражающей потребность ведущей

эмоцией, при столкновении с непреодолимым препятствием продолжалась бы до полной потери сил. Живому существу необходим механизм, который «выключал» бы фактор, побуждающий деятельность, как только она оказывается бессмысленной или даже просто нерентабельной, т. е. который выполнял бы по отношению к ведущему побуждению стоп-функцию. Такой механизм существует, так как часто можно наблюдать, что активность индивида, воспринимающего предмет своей потребности в недостижимых условиях, с самого начала исчерпывается одним созерцанием. Недостижимость предмета ведущей эмоции как бы обесмысливает его, хотя, убрав фактор, препятствующий его достижению, нетрудно убедиться, что это обесмысливание является ситуативным и условным. По всем признакам именно эмоции успеха-неуспеха служат в качестве того универсального механизма, который подключается к процессу регуляции деятельности и на основе накапливаемого опыта оповещает индивида о достижимости целей и оправданности активности. Такое представление более или менее прямо согласуется как с эмпирическими исследованиями, например уровня притязаний (Lewin а. о., 1946). выученной беспомощности (Хекхаузен, 1986. Гл. 11), так и с теоретическими взглядами. Согласно У. Макдауголлу, функциональное назначение эмоций успеха заключается в том, что они «усиливают и поддерживают» исходное побуждение к цели, эмоций не успеха — что они это побуждение «задерживают и отклоняют» (1984. С. 106). Данное обобщенное представление допускает конкретизацию. Дело в том, что переживания успеха-неуспеха, четко выделяющиеся среди других производных эмоций, в свою очередь распадаются на несколько специфических подгрупп, отличающихся своим

значением в регуляции деятельности. В этом отношении различаются констатирующие, предвосхищающие и обобщенные эмоции успеха-неуспеха. Эмоция, констатирующая фактический успех-неуспех, сопровождает отдельную попытку приближения к цели. Согласно «биологической теории эмоций» П. К. Анохина (1964), рассматривающей, по существу, именно эмоции успеха-неуспеха и изображающей физиологический механизм их возникновения, они являются результатом сличения «обратной афферентации», несущей информацию о реальных достижениях действия, и его «акцептора», т. е. ожидавшегося эффекта, и сигнализируют о совпадении-рассогласовании этих двух — полученной и требующейся — характеристик действия. В функциональном проявлении положительная эмоция, завершающая удавшееся действие, его «санкционирует», закрепляет, тогда как отрицательная — немедленно ведет к поискам «новой комбинации эффекторных возбуждений», т. е., задерживая неоправдавший себя способ достижения цели, она в то же время усиливает поиск новых проб. Таким образом, эмоциональные переживания, констатирующие в деятельности успех-неуспех, отвечают за смену проб в поведении «пробами и ошибками», являясь, по словам П. К. Анохина, тем «своеобразным „пеленгом“, который или прекращает поиски, или вновь и вновь организует их» (1964. С. 356). Что представляла бы собой деятельность, не вооруженная таким «пеленгом», можно видеть в экспериментах по выработке так называемой фиксации (Maier, 1949), где необходимость действовать в условиях полной случайности достижений как бы включает эмоции успеха-неуспеха из сферы регуляции поведения. Даже многократный неуспех не приводит в таких случаях к модификации действий, индивид отчаянно повторяет одну и ту же бессмысленную пробу. Подобно многим другим эмоциональным переживаниям, эмоции, констатирующие реальный успех-неуспех, способны переключаться на свои причины, фиксироваться на них и вновь воспроизводиться при повторном столкновении с ними уже в качестве эмоций, предвосхищающих возможные удачи или затруднения.

Предвосхищающие эмоции успеха-неуспеха, возникая при одном восприятии условий, служивших причиной радостей и огорчений в прошлом, сигнализируют субъекту о вероятном исходе действий до реального их совершения. Такая опережающая информация о безысходности действий в одном направлении и о вероятном успехе в другом существенно облегчает субъекту поиск пути достижения цели, делает этот поиск «эвристическим» (Тихомиров, Виноградов, 1969). Из поведения исчезают слепые, заведомо бессмысленные пробы, оно становится более адекватным, экономным. Именно в «эвристической» функции отчетливо обнаруживается приспособительное значение положительного переживания успеха. Эмоция, констатирующая в деятельности успех, возникает тогда, когда деятельность уже завершена, цель достигнута, и казалось бы, что в этом случае эмоция лишена какого бы то ни было смысла. Однако она образует следы, актуализирующиеся при сходных обстоятельствах в будущем и склоняющие субъекта отдать предпочтение тем пробам, которые ранее завершались успехом. В противоположность предвосхищению неуспеха, лишь суживающему зону проб, ограничивающему поведение, следы прошлых успехов

открывают субъекту конструктивные решения, направляют поведение; так, обезьяна после успешного приближения к себе приманки с помощью палки \в повторных пробах начинает отдавать предпочтение предметам удлиненной формы. Но после успехов в доставании высоко подвешенного плода с помощью ящика, использованного в качестве подставки, обезьяна впоследствии пытается применить этот же предмет и для добывания приманки из-за решетки. Подобные попытки, выделенные Кёлером (1930) в отдельный класс «грубых ошибок», являются хорошей иллюстрацией как самого влияния предвосхищающих эмоций успеха-неуспеха на деятельность, так и меры его совершенства. Показательно, что на такого рода ошибки способен также и человек. Так, испытуемый, добившись успеха в решении шахматной задачи при помощи некоторой фигуры, неосознанно и неоправданно отдает ей предпочтение при решении следующей задачи (Виноградов и др., 1977).

Опыт многочисленных радостей и огорчений в прошлом, актуализирующийся в виде предвосхищающих эмоций, по мере накопления обобщается. За эмоцией отчаяния лежит, как правило, не единичный не успех, а ряд переживаний, следовавших за всевозможными и тем не менее безуспешными попытками приближения к цели. Подобным образом обобщаются переживания, предвосхищающие успех-неуспех на отдельных этапах сложной деятельности; так, переживания спортсмена по поводу отдельных моментов предстоящей игры сливаются в общую тревогу за ее исход в целом. Обобщенная эмоция успеха-неуспеха взаимодействует с ведущим эмоциональным переживанием, побуждающим к деятельности, усиливая его, когда предвосхищается скорый успех, и лишая его побуждающей силы при предвосхищении трудностей и неудач. Таким образом, именно данная разновидность эмоций успеха-неуспеха осуществляет по отношению к ведущему побуждению упоминавшуюся стон-функцию, лабораторный вариант которой изучается под названием выученной беспомощности (Levis, 1976; Maier, Seligman, 1976). Принцип взаимодействия эмоциональных переживаний, возникающих при восприятии предмета потребности в знакомой субъекту ситуации, можно условно сравнить с взаимодействием импульсов центральной и периферической зон в рецептивных полях зрительной системы (см. Сомьен, 1975. С. 229; Hubel, 1963). Предположим, что образ среды тоже состоит из двух зон, продуцирующих два различных эмоциональных «импульса». Центром образа воспринимается предмет потребности, вызывающий ведущее побуждение, периферией — окружающие этот предмет условия, которые успехи-неуспехи в прошлом «разметили» так, что их восприятие сопровождается некоторой предвосхищающей обобщенной эмоцией. «Выход» такого поля, так же как исчетачного, зависит от взаимодействия обоих импульсов: благоприятные условия санкционируют ведущее побуждение, неблагоприятные — налагают вето. Чем сильнее потребность, чем интенсивнее ведущее побуждение — тем более верный неуспех должен предсказываться обобщенной эмоцией, чтобы это побуждение было задержано. Только таким вза-

104

имодействием, как бы решающим вопрос «стоит ли игра свеч», можно объяснить, например, почему кошка не взбирается на каждое дерево, на котором сидит воробей. Для полноты картины следует добавить, что наряду с важнейшими функциями, которые эмоции успеха-неуспеха выполняют в ситуативном развитии мотивации сами по себе (взаимодействие с ведущим побуждением, регуляция его выхода в действие, участие в выборе способа действия), ими еще осуществляется отмеченная несколько выше роль посредника, подключающего к регуляции деятельности другие производные эмоции. В типичном случае такое подключение означает привлечение к регуляции более специфических механизмов мотивации. Произвольное и эмоциональное разрешение ситуаций. По отношению к произвольно субъектом регулируемой активности могут быть выделены три случая совокупного проявления производного эмоционального процесса, которые скорее представляют собой два крайних и промежуточный моменты некоторой непрерывности. В первом из

них этот процесс развивается исключительно или преимущественно под влиянием познавательной активности субъекта, выявляемых ею связей и зависимостей, т. е. управляется субъектом, является им ведомым. Согласие между субъектом и возникающими эмоциями не обязательно должно быть абсолютным, между ними вполне возможны непринципиальные расхождения и компромиссы. Так, человек, уступая эмоции, может с полным внутренним согласием отложить в сторону наскучившую работу, хотя раньше намеревался довести ее до конца; в другой ситуации он может желать рассердиться и даже предпринимать усилия в этом направлении, но потом смириться с тем, что из этих усилий получилось. Такого рода расхождения между инстанцией субъекта и ею не управляемыми, но тем не менее санкционируемыми эмоциями не означают конфронтации между ними и не вызывают раздвоения побуждений. Способ решения задач субъектом в таких условиях трактовался ранее автором интеллектуалистически и выделялся под названием «разумного». Второй случай развития производных эмоций от-

личается относительной автономностью от намерений субъекта и способностью формировать альтернативные побуждения. Обычно это наблюдается при действии сильных ведущих побуждений или в неожиданных, непредвиденных субъектом ситуациях, при его затруднениях в поиске адекватного из них выхода. Специфические мотивационные системы в таких случаях как бы перехватывают инициативу и пытаются навязать субъекту то или иное разрешение ситуации, которое, в противоположность предыдущему, может быть названо эмоциональным. Способность специфических механизмов мотивации навязывать человеку определенные поступки связана с включенностью в цепи развивающихся производных эмоций побуждающих переживаний. Такие эмоции, как страх, гнев, стыд, зависть, ревность, восхищение, благодарность, уважение, симпатия, не представляют собой сугубо оценочных состояний, из них следуют определенные, иногда очень сильные желания. А поскольку желание суть «не что иное, как самое стремление действовать» (Спиноза, 1957. С. 570), возникающие производные эмоции побуждают человека в ситуации к определенным действиям. Каждый пример, когда человек испытывает некоторое желание, в то же время понимая, что реализовать его в данной ситуации не следует или «просто нельзя», когда перед ним возникает дилемма, поступать ли так, как «хочется», или же так, как «надо», можно рассматривать как доказательство способности производных эмоций к проявлению, независимому от планов и намерений субъекта, возможности параллельного развития им санкционированной и несанкционированной ситуативной мотивации. Часто раз двойное развитие ситуативных побуждений выражает противоречие между дальней мотивацией, поддерживаемой и развиваемой субъектом, и непосредственными эмоциональными реакциями на ситуацию. Слова «разрешение ситуации» в случае автономного развития производных эмоций не следует понимать буквально. Разрешает ситуацию действие, реально выполненное субъектом, а не желание — «самое стремление действовать». Производные эмоции в данном случае предлагают субъекту всего лишь свой ва-

106

риант такого разрешения, с которым он имеет возможность и не согласиться. Однако сохранение субъектом общего контроля над выходом производных эмоций в действие не означает их полного отстранения от поведения. Даже когда в случае упомянутой дилеммы человек принимает решение поступать по предписаниям «надо», разнообразные «хотелось бы» продолжают существовать как психические феномены, определяя содержание внутренней жизни, ибо подчинить разумному решению течение мысли значительно труднее, чем внешнее поведение. Воздерживаясь от побуждаемого эмоцией поступка, человек тем не менее может оказаться не способным устоять перед натиском замещающих грез и размышлений, отвлекающих его от выполняемой деятельности и снижающих ее продуктивность. Проблема всевозможных последствий и эффектов данного, отвлекающего влияния производных эмоций на деятельность получила в современной психологической литературе стихийное обособление и обсуждается под названием стресса (Вилюнас, Овчинникова, 1972; Китаев-Смык, 1983; Леви, 1970; Appley, Trumbull, 1967). Третий случай развития

производного эмоционального процесса отличается крайней степенью его независимости от произвольной регуляции деятельности, доминированием «адней, тем, что эмоциональное разрешение ситуации происходит буквально. Речь идет о развитии аффектов, способность которых навязывать человеку определенные действия иногда используется как существенный признак их определения: «Аффект—это стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс .взрывного характера, который может дать не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии»; «Действие в состоянии" аффекта, т. е. аффективное действие, как бы вырывается у человека, а не вполне регулируется им» (Рубинштейн, 1946. С. 495). Такое обнаружение аффекта является, можно сказать, предусмотренным, так как с биологической точки зрения он представляет собой универсальную закрепившуюся в эволюции «аварийную» реакцию на экстремальную ситуацию, не получающую разреше-

ния, а со стороны мотивационной регуляции означает возвращение к инстинктивному поведению в случае, когда механизмы онтогенетически развивающейся мотивации не способны обеспечить более совершенное ее разрешение. Именно этим объясняются признаки аффекта, свидетельствующие об отстранении инстанции субъекта от регуляции активности — торможение других психических процессов, так называемое сужение сознания, предельная концентрация внимания на предмете аффекта и др. Особенно ярко они обнаруживаются в случае патологического аффекта (Калашник, 1941). Способность аффекта навязывать разрешение ситуации получила признание в уголовном законодательстве, предусматривающем меньшую ответственность за преступления, совершенные в этом состоянии (см. Коченов, 1980; Кудрявцев, 1988; Ситковская, 1983). Конечно, разнообразие взаимоотношений между произвольной регуляцией активности и производным эмоциональным процессом нельзя сводить к выделенным случаям идиллического согласия, конкурирующей конфронтации и подавления эмоциями субъекта. Однако эти три варианта взаимоотношений презентуют ключевые моменты той полной динамики, а порой и драматизма состязательности, в условиях которой высшие инстанции регуляции стремятся совладать с механизмами ситуативного развития мотивации и целенаправленно их использовать. Феноменология невротических симптомов (Кемпински, 1975), защитных процессов (Sjoberg, 1973), силы «Я» (Бассин, 1969) большей частью определяется итогами и успешностью этих попыток совладания. Итак, в функциональном аспекте производные эмоции обнаруживаются весьма разнообразно. В самом общем своем назначении они определяют способ деятельности и этим отличаются от ведущих побуждений, которые отвечают за ее направленность, конечные цели. Однако следует сделать оговорку относительно того, что различение этих классов эмоций, как и многие другие различия в области мотивации, не имеет абсолютного характера и является скорее соотносительным, функциональным. Дело в том, что многие ведущие эмоции являются

экспроизводными, по происхождению представляя собой фиксированные и потерявшие связь с ведущим отношением производные эмоции. Но такая потеря связи, приобретение онтогенетически производной эмоцией функциональной автономности, часто не бывает полной. Поэтому некоторая эмоция, проявляющаяся в конкретной ситуации в качестве ведущей и функционально автономной, может оказаться производной как по происхождению, так и в отношении более дальних жизненных планов. Подробнее проблема автономности мотивационных образований будет рассмотрена при обсуждении мотивационной фиксации. Заключение. Ознакомление с феноменом эмоционального переключения и его отражением в психологической литературе, а также последующая попытка обобщить этот материал позволяют заключить, что эмоциональное переключение является одной из главных «единиц» ситуативного развития эмоций — сложнейшего по организующим его механизмам, составу эмоций и выполняемым функциям процесса. В этом процессе эмоциональное переключение способно проявляться многократно и многоступенчато, так как оно задействовано в

организации как универсальных (переключение на причину эмоции успеха-неуспеха), так и более специфических (переключение 'сопереживаемой эмоции любимого или ненавидимого лица) механизмов мотивации; оно, таким образом, является как бы метауниверсальным механизмом ситуативного развития мотивации. В случае проявления эмоционального переключения в составе механизмов специфических мотивационных систем развитие эмоций на его основе может быть описано при помощи достаточно конкретных закономерностей, сформулированных, в частности, в учении Б. Спинозы и допускающих формализацию (ср. Naess, 1971; Naess, Wetlesen, 1967). Дальнейшее уточнение особенностей эмоционального переключения сталкивается с затруднениями, связанными со 'спецификой проявления этого механизма в условиях высших 'форм отражения. Рассмотрим этот вопрос отдельно.

Специфика ситуативного развития эмоций в человеческой психике

Феноменология ситуативного развития эмоций свидетельствует о том, что основой для эмоционального переключения могут служить весьма разнообразные связи, причем не только собственно «причинные», но и соответствующие инспирирующей, кондициональной, функциональной детерминации (Огородников, 1985), т. е. сигнальные, ассоциативные, корреляционные (ср. Wilson, 1972). Важно подчеркнуть их субъективность: эмоциональное переключение подчинено не объективной детерминации, которая может отражаться неполно или неверно, а именно «причинности», усматриваемой субъектом; если при выработке условного рефлекса вся объективная детерминация субъекту открывается только, скажем, в виде систематического предшествования звонка появлению пиши, именно звонок воспринимается им в качестве «причины» кормления и вследствие переключения становится приятным событием-сигналом. Данные о динамике эмоций исключают доминирующее в современной психологии представление об эмоциональной жизни как о последовательности не зависимых эмоциональных реакций на определенные условия и ситуации. Как известно, любое явление (воздействие, предмет, событие), в том числе и значимое с точки зрения актуальных потребностей, отражается субъектом не изолированно, а в контексте целостной ситуации, в образе которой оно неминуемо и разнообразно связано с другими явлениями. Из-за существования таких связей эмоциональный процесс, вызванный потребностью значимым явлением, не исчерпывается возникновением к нему локализованного эмоционального отношения, а распространяется в образе, переключаясь по этим связям на другие явления, выступающие в качестве условий, причин, сигналов исходного эмоциогенного события. Поэтому нас возмущает, например, не только сам по себе безнравственный поступок человека, но и сам человек, те люди, которые его таким воспитали, те, которые его не остановили, даже те, которые не согласны разделять наше возмущение, законы, если мы считаем, что они недостаточно суровы к безнравственности»

110

„ т. п. Эмоция, вызванная некоторым событием, в образе как бы взрывается, окрашивая ряд других связанных с этим событием явлений. Такой «взрыв» составляет ряд отдельных эмоциональных переключений. Очевидно, что масштабы такого «взрыва» определяются когнитивной сложностью образа, в контексте которого отражается эмоциогенное воздействие. Не менее очевидно, что именно в этом отношении обнаруживаются наибольшие и качественные различия между психикой животных и человека, младенца и взрослого. Осознание человеком некоторого события означает его автоматическую локализацию в «образе мира» с присущей ему всеобщей взаимосвязанностью составляющих элементов, что открывает перед эмоцией, вызванной этим событием, неограниченные возможности переключения и развития. Что только не способен перебрать в мыслях человек, застряв на час в лифте и из-за этого пропустив важнейшее дело — от нерадивости аварийных служб до судеб цивилизации, попадающей во все более угрожающую зависимость от техники, причем все это получит ту или иную эмоциональную окраску, ведущую

происхождение от исходного отчаяния и расстройства. Понятно, что сложность этого эмоционального процесса не идет ни в какое 'сравнение с тем, что в аналогичной ситуации произошло бы в психике животного или младенца, для которых вынужденное 'пребывание в тесном про странстве тоже могло бы стать крайне неприятным, но психический образ которых предоставляет возмож ность для переключения этой эмоции только на от ражаемое здесь и теперь, а также несколькими ми нутами раньше. Такого рода сравнения достаточно настойчиво склоняют к выводу о том, что различия в механизмах развития мотивации животных 'и человека опреде ляются прежде всего различиями в познавательном отражении ими действительности, создающими в че ловеческой психике качественно новые условия для проявления этих механизмов, тогда как 'сами меха низмы в обоих случаях остаются в принципе теми же. Подобные взгляды могут быть приписаны школе И. П. Павлова, так как речь в качестве «второй сиг нальной системы», наличие .которой прежде всего

различает высшую нервную деятельность животных и человека, относится к социальным новообразованиям познавательного характера. Достаточно открыто их формулировали представители бихевиоризма (см. Якобсон, 1969. С. 49—53)¹⁰. Данная точка зрения обычно оспаривается, однако скорее на интуитивном уровне, из-за методологических убеждений и естественного нежелания человека уподобляться животным, чем на основе серьезной аргументации. Дело в том, что при 'сегодняшнем уровне знаний получить тщательно проработанный и убедительный ответ 'на этот вопрос очень трудно. Напомним, что проведенное выше сопоставление мотивационного обусловливания и опосредствования как двух крайних вариантов эмоционального переключения обнаружило отличия именно в условиях проявления этого механизма (уровень представлений, целенаправленное использование), но не в самом механизме. Однако это еще не значит, что никаких внутренних отличий нет. Отметим несколько обстоятельств, затрудняющих их выявление. Отражение меры реальности. Одно из отличий касается особенностей развития эмоционального процесса в случае воображаемых событий, в плане представлений. Выше по этому поводу отмечалось, что воображаемые события в типичном случае обладают меньшей эмоциогенностью по сравнению с реально наблюдаемыми событиями: представление 'смерти не поражает человека так сильно, как сама смерть, само живое представление встречи с другим человеком тоже, по-видимому, 'не способно вызвать всех эмоций, которые будут испытаны, если встреча состоится. Как писал Спиноза: «Аффект, причина которого, по нашему воображению, находится перед нами в наличности, сильнее, чем если бы 'мы воображали ее не находящейся перед нами» (1957. С. 531). Но известно, что иногда и представляемые события, например приближающаяся хирургическая опе-

¹⁰ Следует отметить, что признанием сходства механизмов и процессов развития мотивации животных и человека не утверждается сходство у них тех исходных потребностей, развитие которых эти механизмы обеспечивают; поскольку потребности видотипичны, их содержанием животные отличаются не только от человека, но и друг от друга.

112

рация, 'способны вызвать достаточно сильные и действенные эмоциональные переживания. Чем определяются различия в эмоциональности представляемых событий и вместе с тем в выраженности происходящих в этом плане эмоциональных переключений? Достаточно очевидно, что воспринимаемые события 'более эмоциогенны из-за своей реальности, их отражения с качеством (переживанием) действительного существования и что отсутствие этого качества служит главным препятствием для возникновения эмоций: представление самых ужасных условий, в которых может оказаться человек, не вызывает сильных эмоций 'из-за понимания того, что в действительности всего этого нет. Для рассматриваемого вопроса об эмоциональности представляемых событий важнейшее значение имеет то обстоятельство, что они тоже могут переживаться как реальные и что в этом отношении между ними и воспринимаемыми событиями существует скорее плавный переход, чем отчетливая граница. Так, если только

что воспринимавшийся человек на минуту уходит в другую комнату, то его присутствие в ней, с одной стороны, представляется, с другой — переживается как вполне реальное, так же, 'как наличие в ней окон, мебели и других элементов постоянной обстановки. Но если эта комната имеет другую дверь, то с прохождением времени чувство реальности, сопровождающее представление о пребывании в ней человека, может смениться постепенно укрепляющимся сомнением, переходящим в уверенность, что его там нет. Подобно этому и образы будущих, предвосхищаемых событий обычно различаются оттенками переживания, отражающего их вероятность, меру возможной реальности. Такое различие обнаруживают, например, представление о том, что скоро опустится солнце и станет темно, 'имеющее почти ту же степень реальности, как воспринимаемый вид заката, и мысль 'о лотерейном выигрыше или падении не遠деке метеорита. Существование субъективных переживаний, отражающих меру реальности представляемого содержания, недостаточно рефлексруется как в повседневной жизни, так и в психологической теории из-за их Привычности, постоянного и естественного присут-

ствия в актах отражения. Именно поэтому их столь отчетливо высвечивают случаи нарушений и непривычных проявлений, например, когда в психотических состояниях действительность перестает восприниматься реальной или, наоборот, реальными начинают казаться галлюциогенные 'образы'. Каждому человеку известно чувство облегчения после кошмарного сна, когда он убеждается, что 'переживание реальности, столь убедительное в сновидении, было ложным. Не- что подобное — дискредитация чувства уверенности в положении представляемых вещей — происходит на сеансах иллюзионистов, причем характерно, что такое чувство, как и все иллюзии, возникает и при понимании 'его неоправданности. В естественных условиях чувство реальности обычно себя оправдывает и поэтому не привлекает рефлексированного внимания. Данные об отражении меры реальности представляемого содержания свидетельствуют о том, что «объём мира» человека 'наряду с другими структурными особенностями присуща специфическая организация по параметру соответствия этого содержания объективной действительности. В литературе существование такой организации упоминается редко, как правило в виде простого 'противопоставления двух крайних степеней реальности отражаемого содержания; так, по утверждению Р. Г. Натане, «во всех ... проявлениях воображения ... резко различаются две формы его, детерминированные противоположным отношением субъекта, 'целостной личности к представляемому: это переживание воображаемого, с одной стороны, при полной уверенности субъекта в реальной данности представляемого и, с другой стороны, при знании о его нереальности» (1972. С. 7). Более точным, по всей видимости, является 'представление К. Левина, подчеркивавшего существование различий в степени реальности содержания «жиз-

" Ключевую роль чувства реальности в развитии психопатологических симптомов подчеркивал П. Жане: «Какое бы решение ни давать этому вопросу в нормальной психологии, мне кажется бесспорным, что в большинстве психастенических симптомов можно наблюдать расстройства именно этой функции реального» (1911. С. 283).

,114

ценного пространства» ¹²: «Греза, смутная надежда имеет в общем и целом меньше реальности, чем действие; действие иногда имеет больше реальности, чем речь; восприятие — больше, чем воображение; отдаленная «идеальная цель» менее реальна, чем «реальная цель» безотлагательно выполняемого действия» (Lewin, 1936. Р. 196). Такого рода различия, для изображения которых К. Левин ввел в «жизненное пространство» третье измерение, говорят о том, что организация отражения меры реальности в «образе мира» имеет характер градиента, простирающегося от максимально достоверного содержания, в которое входит прежде всего образ воспринимаемой ситуации, до ирреальных, заведомо 'не соответствующих действительности представлений. В градиенте реальности между этими крайними полюсами локализуются все другие отдаленные во времени и пространстве и имеющие различную степень правдоподобия события. В действительности картина является еще более сложной, поскольку этот градиент не однороден. Так, его заметно модифицирует,

как это отражено в «жизненном пространстве» К. Левина, временная перспектива: прошедшее событие — и несомненная бывшая реальность, и, с другой стороны, нечто, чего в реальности нет и никогда не будет. Зависимость силы возникающих эмоций и, стало быть, размеров и характера упоминавшегося выше эмоционального «взрыва» от меры реальности воображаемого содержания отчетливо обозначена еще в учении Б. Спинозы. В нем утверждается, в частности, что «аффект к вещи, которую мы воображаем необходимой, при прочих условиях равных, сильнее, чем к вещи возможной», к вещи возможной — сильнее, чем к вещи случайной, а к последней — чем к прошедшей (1957. С. 533—534). К. Левин эту же зависимость констатировал в терминах своей концепции, объясняющей динамику психических явлений без привлечения эмоциональных процессов: «Эксперименты показали, что степень реальности является весьма

¹² Левиновское «жизненное пространство» может быть охарактеризовано как реально отражаемая в данный момент часть «образа мира».

важной динамической особенностью почти всех психо-логических объектов и процессов. Особенно это об наружили эксперименты, в которых исследовались уровень притязаний, возникновение и проявление за мешающих действий, формирование и изменение це лей, эмоциональные процессы, память, игра» (Lewin 1936. Р. 197). К сожалению, сделать следующий шаг и перейти от феноменологической констатации этой зависимости к некоторому ее пониманию и объяснению пока не возможно. Это связано прежде всего с неизвестностью природы субъективного носителя градиента реальности — чувств существования, неизбежности, возможности, случайности и т. п., собственно которые, по всей видимости, способствуют или препятствуют эмоциональному переключению. Многие современные авторы, стоящие на позициях когнитивной психологии и фактически сводящие регуляторные процессы организма к 'информационным ('см. Аткинсон, 1980; Велличовский, 1982; Найссер, 1981), склонны к одной природной интерпретации 'психического и скорее под держали бы когнитивную трактовку такого рода чувств. Однако существует и другая традиция, трактующая подобные чувства (в частности, уверенности, сомнения, ожидания) как эмоциональные (Васильев и др., 1980; Рибо, 1898; Bain, 1875; Claparede, 1928). Попытки разобраться в вопросе о том, когнитивную, эмоциональную, 'смешанную или какую-то еще природу имеет градиент реальности, иначе говоря, является ли он компонентом когнитивной (в собственном смысле, слова) или эмоциональной сложности, выводят на одну из центральных и вместе с тем про должаящих оставаться таинственными проблем психологии—проблему субъективного переживания (см. гл. 3), в отношении которой в современной литературе отсутствуют даже традиции обсуждения. Очевидно, что данное обстоятельство затрудняет обоснованный ответ на поставленный выше вопрос о природе различий эмоционального переключения у животных и человека. Но это не единственное обстоятельство. Проблема изменения модальности эмоций. Как показала обсуждавшаяся выше феноменология ситуативной динамики эмоций, важнейшая особенность

процессов эмоционального переключения состоит в том, что в них наряду со сменой предмета, на который направляется эмоция, происходит изменение характера эмоционального переживания. Из-за этой особенности одно и то же исходное эмоциональное событие, например физическая 'боль, может привести к развитию различных эмоций: досады, если мы боль причинили себе сами, возмущения — если она была вызвана чьим-то неосторожным движением, гнева — если мы убеждены, что она была доставлена нам по сознательному намерению, и др. Изменения, которые претерпевают эмоции, переключаясь на новый предмет, зависят от особенностей не только связи, по которой происходит переключение, но и предмета, на который оно происходит, его ранее сложившегося мотивационного значения: в условиях, при которых один человек вызовет наше возмущение, другого, скажем пожилого, мы будем склонны простить. Кроме того, эти изменения зависят от предшествовавшего эмоциогенному событию настроения человека, так что в целом они являются следствием весьма сложных взаимодействий. К сожалению, эта важная сторона эмоциональной жизни для

психологии тоже продолжает оставаться малоизвестной. Во всяком случае судить о том, в какой мере сложнейшие превращения переключающихся эмоций обусловлены когнитивной сложностью психики человека, предполагающей неизбежное взаимодействие эмоций, и в какой — принципиальными изменениями в организации его эмоциональной сферы, на основе имеющихся данных нет "возможности. Поэтому обозначим этот вопрос как проблемный, отмечая, что в любом случае механизм эмоционального Переключения в главных своих особенностях сложился в биологической эволюции и что социогенное происхождение может иметь только дальнейшее его совершенствование. «Натуральное» и опосредствованное развитие мотивации. Представление о преемственности и взаимосвязанности механизмов развития биологической и социальной мотивации не выпадает из общей картины развития человеческой психики, соответствуя положению о происхождении высших психических функций, согласно которому они формируются на основе

овладения в культурно-историческом процессе соответствующими натуральными функциями, их подчинения произвольной регуляции (Выготский, 1983а). Правда, поскольку учение о высших психических функциях создавалось на материале познавательных процессов, прямой его перенос в область мотивации едва ли допустим, однако в проведении сравнения и поиске общего ничего предосудительного, по-видимому, нет¹³. Так, произвольное, опосредствованное запоминание можно охарактеризовать как то же самое непосредственное запоминание, только специально направленное и организованное при помощи переструктурирования материала, повторений и других освоенных в онтогенезе приемов и средств. Подобно этому и мотивационное опосредствование представляет собой то же самое эмоциональное переключение, которое обеспечивает «натуральное» развитие мотивации, только специально организованное и направленное при помощи искусственно вызываемых эмоций и представляемых образов, причем любого уровня обобщения и абстракции. Иначе говоря, если «натуральное», непосредственное развитие мотивации происходит на основе реальных событий жизни и в пределах реально отражаемых ситуаций, то опосредствованное развитие -- на основе идеальных моделей событий и ситуаций, что снимает с этого процесса временную и пространственную ограниченность и делает доступной для него сферу обобщенных образов и идей. Идею развития высших форм мотивации на основе естественных потребностей высказывала Л. И. Божович. Рассматривая данные о формировании намерений как «результате опосредствования потребностей

¹³ Приведем слова Л. С. Выготского, правда, не совсем для него типичные, которые говорят о том, что идею «натуральной» основы развития человека он распространял и за пределы познавательных процессов: «Если Дарвин дал биологию видов, то И. П. Павлов дает биологию индивидов, биологию личности. Механизм условного рефлекса раскрывает динамику личности, показывает, что личность возникает на основе организма как сложная надстройка, создаваемая внешними условиями индивидуальной жизни. ...Все в личности построено на родовой, врожденной основе и вместе с тем все в ней надорганично, условно, т. е. социально» (1983б. С. 155).

118

человека его сознанием», она заключает: «Это позволяет, как нам кажется, понять процесс развития побудительных сил человеческого поведения как процесс превращения естественных (натуральных, по терминологии Л. С. Выготского) потребностей в их опосредствованные формы, свойственные только человеку как общественному существу. Такое понимание развития потребностей позволяет рассматривать его как совершающееся по тем же общим (установленным еще Выготским) законам, по которым идет развитие и всех других психических процессов и функций: из непосредственных они становятся опосредствованными, из произвольных — произвольными, из неосознанных — сознательными» (1972. С. 39). Рассмотренные выше данные об эмоциональном переключении подтверждают этот вывод. Эмоциональное переключение как основа психологических механизмов развития мотивации обеспечивает, строго говоря, только

ситуативное ее развитие—возникновение 'новых мотивационных отношений к тем предметам, которые оказались потребностно значимыми в наличной ситуации. Как уже отмечалось, онтогенетическое развитие мотивации имеет место только в том случае, если такие ситуативные мотивационные отношения оставляют следы в опыте индивида, фиксируются в нем и воспроизводятся при отражении этих предметов в будущем. Рассмотрим данные, касающиеся этой важной стороны развития мотивации.

МОТИВАЦИОННАЯ ФИКСАЦИЯ

Содержание и состояние проблемы фиксации мо тивационных отношений можно передать следующими словами К. Д. Ушинского: «Признавая, что в желании есть необходимо воспоминание раз или несколько раз испытанного нами чувствования, мы должны признать, что чувствования, как и представления, вышедшие из нашего сознания, оставляют в нас следы, которые потом возрождаются при воспоминании. Сохранение в нас, 'бессознательно для нас самих, этих следов чувствований, как и следов представлений, одинаково таинственно и одинаково не подлежит

и-имнепию» (LybU. Т. 9. С. 403)¹⁴. Действительно, сам по себе факт онтогенетического развития мотивации, приобретение и сохранение предметами мотивационного значения, которого они раньше не имели, свидетельствуют о неизбежности фиксации в некоторой форме этого значения в опыте индивида, и в этом смысле способность мотивационного события оставлять следы не подлежит сомнению. Что касается таинственности, то этот феномен должен сохранять ее и в настоящее время. Это связано прежде всего со сложностью дифференциации в процессах накопления, сохранения и воспроизведения опыта собственно мотивационных и познавательных моментов. Рассмотрим:?,! это подробнее.

Эмоции и память

Как по формальным признакам, так и по существу фиксация в опыте следов мотивационных воздействий тесно связана с процессами памяти и научения. Богатые традиции экспериментального изучения этих процессов использовались, в частности, и для выявления роли, которую в них играют эмоционально-мотивационные факторы. Согласно одной из обзорных работ «...экспериментальные исследования пока называют, что «эмоциональные факторы» заметно влияют на память. Это влияние проявляется не только в объеме воспроизведения заученного материала, но сказывается также в его опознании и переучивании, равно как в воспроизведении и узнавании собственного опыта, времени реакции при ассоциациях и воспроизведении, последовательности материала при воспроизведении в свободном перечислении, ре-интеграции опыта, ассоциативных реакциях; оно проявляется в ошибках воспроизведения, оговорках

¹⁴ Чувствования К. Д. Ушинским выводились из стремлений (потребностей) живого существа и рассматривались как эмоциональные переживания, показывающие соответствие или несоответствие стремлениям предметов и воздействий: «...Стремлением мы называем неизвестную нам причину деятельности, обнаруживаемую тем или другим существом, и притом такую причину, которую мы предполагаем в самой сущности данного существа»; «Бессознательные стремления превращаются в сознательные желания не иначе, как через посредство чувствований» (там же. С. 60, 64),

120

и п» (Rapaport, 1942. Р. 100; см. также Блонский, 1979- Рейковский, 1979. Гл. 4; Meltzer, 1930; Weiner, 1966a, 1966b). Для усиления этого вывода можно добавить, что в экспериментальном изучении памяти, особенно в случае использования способности человека к произвольному запоминанию, возможен известный разрыв между мотивацией этого процесса (зачем запоминается) и его содержанием?: (что именно запоминается, например, бессмысленные слоги), ослабляющий влияние на него эмоционально-мотивационных факторов. В естественной жизни такое влияние выражено значительно больше, так как в ней по очевидным причинам запоминаться (заучиваться) должно прежде всего то, что имеет отношение к потребностям и процессу их удовлетворения (и в силу этого вызывает эмоции). Об этом свидетельствуют, в частности, описанные З. Фрейдом (1916) факты мотивированного забывания, а также исследования непроизвольной

памяти, в 'проявлениях которой мотивационные факторы, определяя строение и характер активности, играют не просто важную, а главную роль (Зейгар-ник, 1979; Зинченко, 1961; Смирнов, 1966). Однако такого рода исследования, показывая несомненное и разнообразное влияние эмоций на запоминание, сохранение и воспроизведение связанного с ними познавательного содержания, представляют •весьма неопределенные 'и неоднозначные данные о фиксации в опыте индивида самих эмоций, о том, актуализируется ли вместе с воспроизведением познавательного материала его (выражаемое эмоциями) мотивационное значение. Это объясняется прежде всего различиями в возможности объективного контроля в экспериментах обеих составляющих опыта: если сохранение познавательного материала легко устанавливается на основе воспроизведения, то для выводов о сохранении эмоций обычно приходится использовать значительно менее надежные субъективные отчеты. Объективные показатели (мимические, физиологические) позволяют контролировать, как известно, лишь грубые, относительно выраженные и продолжительные эмоциональные состояния. Рассмотрим для примера конкретное утверждение испытуемого: «С. сильно напугал меня ложным из-

вестию о смерти моего сына, и с тех пор мне очень неприятно видеть его, хотя он хороший человек» (Блонский, 1979. С. 157). Какие экспериментальные процедуры в данном случае могли бы помочь восстановить с точностью весь комплекс пережитых испытуемым эмоций—изначальный испуг и отчаяние, последовавшее затем радостное облегчение и, по-видимому, возмущение источником хотя и непреднамеренной, но столь страшной дезинформации—и тем более определить вклад каждой из них в формирование итогового отрицательного отношения к человеку, которого испытуемый считает хорошим? Но это еще не все затруднения. Очевидно, что запах цветка приятен не потому, что мы помним удовольствие, которое этот запах когда-то доставлял. Конечно, человек, увидев цветок издали, может предвосхитить удовольствие, настроиться на него, т. е. некоторое влияние прошлого опыта здесь возможно, однако своим главным составом эмоциональное восприятие запаха происходит каждый раз как бы заново, относительно независимо. Но согласно интеллектуалистическим (когнитивистским) представлениям подобным образом эмоция возникает и в рассматриваемом примере. По этим представлениям имеет место следующая последовательность событий: при виде человека испытуемому сначала чисто познавательно вспоминается история с ложным известием о смерти, а эмоция возникает вторично как реакция на это воспоминание, т. е. в принципе таким же образом, как когда-то на неподтвердившееся страшное известие, на факт и источник дезинформации. Но в таком случае здесь вообще нет «запоминания» эмоций; память воспроизводит когнитивные факты, которые, как и цветок, вызывают эмоции относительно независимо. Так ли это или наоборот — сначала возникают эмоции, а затем вызванные ими воспоминания — определить в каждом конкретном случае трудно, а в реальном потоке сознания, на фоне многих чередующихся образов и переживаний, по-видимому, и невозможно. Согласно Т. Рибо, посвятившему проблеме аффективной памяти специальную работу (1895), эмоции могут воспроизводиться как тем, так и другим спо-

обом; в интроспективных отчетах испытуемых этот «тор» обнаружил как случаи, в которых «аффективное состояние вызывается только через посредство интеллектуальных состояний, с которыми оно связано» (С. 12), так и непосредственное воспроизведение эмоций: «...Настоящая аффективная память, не зависящая от сопутствующих ей интеллектуальных элементов, не есть химера» (С. 16). Кроме того, Т. Рибо выделил «ложную, или отвлеченную» аффективную память, в случае которой субъект вспоминает испытанную эмоцию исключительно интеллектуально, самой эмоции не переживая; это наблюдается, например, при воспоминании давно прошедших увлечений: «Что остается взрослому от воспоминания об его детских играх? ...Во всех случаях подобного рода... припоминаемый аффективный отпечаток узнается, но не чувствуется, не испытывается» (С. 15). Работа об аффективной памяти Т. Рибо положила начало исторической дискуссии, показавшей, в частности, сложность различения эмоциональных и познавательных элементов опыта и, как следствие, зависимость представлений об этом виде памяти от исходных теоретических позиций авторов (см. Блонский, 1979. С. 160—165). Показательна постановка в дискуссии вопроса

о самом существовании аффективной памяти, свидетельствующая о том, что при определенных взглядах оно, вопреки утверждению К. Д. Ушинского, вовсе не очевидно. Следует, однако, отметить, что из-за специфики этих взглядов, в частности, из-за прямого переноса приемов исследования мнемических процессов на «запоминание» эмоций, в дискуссии обсуждалась не аффективная память как таковая, а только произвольная ее форма—способность человека повторно пережить эмоции не в естественной ситуации, а по просьбе экспериментатора и именно «по памяти». Искусственность такого сужения проблемы отмечалась многими авторами и в настоящее время представляется очевидной: «Для большинства людей произвольное воспроизведение эмоциональной памяти ... по своему желанию затруднительно и часто даже не возможно. Лишь у некоторых людей, главным образом музыкантов, художников, артистов, произвольное воспроизведение пережитых ранее эмоциональных

состояний осуществляется легко, что, очевидно, является результатом частой тренировки этого процесса» (Громова, 1980. С. 132); что касается произвольной эмоциональной памяти, то «... ее извлечение происходит постоянно у всех людей, оказывая большое влияние на наше поведение, настроение, ПОСТУПКИ, взаимоотношения, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из нашей обыденной жизни» (там же. С. 134). Данное обстоятельство — произвольный характер фиксации и воспроизведения эмоций — свидетельствует о том, что эмоциональная память несводима к проявлениям собственно мнестических процессов и закономерностей и имеет более сложную детерминацию. Очевидно, что если человек после плотного обеда не способен «вспомнить» приятный вкус хлеба, хотя без затруднений делает это в голодном состоянии, если, будучи обиженным, он легко представляет все недостатки и отрицательные черты обидчика и с трудом — его положительные качества, то такая избирательная направленность воспроизводящихся эмоций определяется состоянием потребностей, а не особенностями памяти. Затруднения, аналогичные отмеченным, возникают и при попытке рассмотреть мотивационную фиксацию по данным исследований в области научения (см. Berlyne, 1964; Mowrer, 1950, 1960b). При обсуждении процессов мотивационного обусловливания мы стали кивались с тем, что скорость и другие особенности возникновения новых мотивационных отношений зависят от познавательного отражения связи между условным и безусловным раздражителем (Miller, Matzel, 1987). В тех случаях, когда связь очевидна, когда индивиду для ее выявления не требуется выработки нового умения, навыка, перцептивного действия, обусловливание, т. е. мотивационное переключение и фиксация, способно произойти очень быстро или сразу. Однако в более сложных случаях, в которых новые мотивационные отношения являются суммарным результатом познавательного выявления связи и переключения по этой связи мотивации, различить оба момента научения бывает трудно. Из-за отмеченных особенностей фиксация в опыте следов эмоций, о которой К. Д. Ушинский писал Р

] 24

„ в прошлом веке как о «самой темной главе в психологии» (1950. Т. 9. С. 407), многими своими особенностями остается таковой и сегодня. Это нужно подчеркнуть для предупреждения о том, что некоторые нижеприводимые выводы и замечания будут более проблемными, чем констатирующими. Интенсивность и глубина эмоций. Положение о том, что способность эмоций оставлять следы в опыте зависит от их интенсивности, является, казалось бы, убедительным и ясным. Оно находит подтверждение в повседневной жизни: наиболее ярко и прочно нам помнятся когда-то сильно нас поразившие радости, огорчения, тревоги и т. д. Зависимость обнаружена и в исследованиях поведения животных и человека (напр., Annau, Kamin, 1961; Kanungo, Dutta, 1966). Она зафиксирована в заключительной части «закона эффекта» Э. Л. Торндайка: «Чем больше удовлетворение или дискомфорт, тем больше усиливаются или ослабляются связи» (Thorndike, 1966. Р. 184). Согласно П. П. Блонскому, «можно считать вполне обоснованным следующий вывод: дольше всего помнится сильно эмоционально возбуждавшее событие» (1979. С. 149). Однако существуют

данные, не позволяющие абсолютизировать это положение. У взрослого человека интенсивность эмоции не всегда является показателем ее важности, серьезности, что отражено, например, в пословице «Милые ссорятся — только тешатся». Согласно В. Штерну, эмоции, независимо от их силы, могут в различной пропорции сочетать признаки «серьезных» и «игровых» переживаний (Stern, 1928). «Ссоры милых» относятся к таким «полусерьезным» эмоциям, так же как и переживания на сцене актера или юношеские увлечения. Человек способен хохотать, прыгать от радости или рыдать и по пустяковой причине, просто выражая свое сиюминутное состояние или заразившись настроением окружающих людей. Ф. Крюгер подчёркнул различие между силой эмоций и такой важной их характеристикой, как глубина, соответствие «ядерным» образованиям душевной структуры: «Глубина эмоционального переживания... существенно отличается от простой интенсивности и ситуативной силы душевного движения» (1984. С. 118; см. также Krueger,.

1928). А. Веллек, продолживший разработку этой проблемы, писал: «Я даже более решительно, чем Крюгер, настаиваю на существовании не только различия, но и фактического антагонизма между интенсивностью и глубиной эмоционального переживания. Эмоции взрывного характера обнаруживают тенденцию быть поверхностными, тогда как глубинные (и поэтому стойкие) эмоции обнаруживают тенденцию к меньшей 'интенсивности» (Weliek, 1970. P. 283). Поэтому исчезновение ссор 'в семье может означать не только улучшение, но и ухудшение отношений, возникновение тихого, внешне малозаметного, но подлинного и прочного разочарования. Очевидно, что в свете данных о несовпадении внешней выраженности и внутренней значимости эмоций¹⁵ положение о лучшем «запоминании» сильных эмоций теряет изначальную ясность. Ведь вполне возможно, что оскорбление, 'выслушанное человеком с подчеркнутой сдержанностью, оставит в опыте более прочные следы, чем, например, обида, усиленно выражавшаяся в общении с маленьким ребенком. Более обобщенно говоря, глубина эмоций, мера их 'проникновения в собственно личностные структуры является, возможно, даже более важной детерминантой их закрепления в опыте, чем их сила (интенсивность), в традиционном понимании характеризующая меру вовлечения а эмоциональные состояния тела, а 'не духа. Но если это так, то возможны случаи, когда, вопреки рассматриваемому положению, лучше запоминаются 'слабые эмоции; оно, следовательно, требует оговорки, указывающей, что речь в нем идет о 'б эмоциях, уравненных в отношении глубины. Данная оговорка, однако, не является достаточной, поскольку фиксация в опыте эмоций зависит не только от их глубины или силы. Модальность эмоций. Процессы накопления эмоционального опыта связаны с модальностью эмоций.

¹⁵ Причин такого несовпадения может быть несколько. Так, при прочих равных условиях внешне более заметными, т. е. более интенсивно выраженными, должны быть эмоции, предназначенные не только для себя, но и для других, т. е. выполняющие коммуникативную функцию, а также, по-видимому, стенические эмоции, побуждающие к активным действиям и требующие мобилизации резервов организма.

126

Проиллюстрируем это данными из исследований П. П. Блонского (1979). Обнаружив, что в воспоминаниях человека из периода раннего детства «максимально хорошо запоминается при прочих равных условиях то, что вызвало страдание, страх и удивление» (С. 154), этот автор отмечает, что сами эти чувства, запоминаются не одинаково; если «боль и страдание довольно часто воспроизводятся в виде страха», то «о запоминании удивления как чувства вообще лучше не говорить: запоминается удивившее впечатление, а чувство удивления по своему характеру не таково, чтобы возбуждаться при однородном стимуле, так как удивление есть своеобразная эмоциональная реакция именно на новое» (С. 156). Из этих утверждений следует вывод о том, что эмоции различаются своей 'предрасположенностью, или, точнее, предназначенностью к фиксации в опыте. Действительно, вызвав и направив на некоторое явление познавательную активность, удивление способствует не только его запоминанию, но и, если эта

активность успешна, собственному устранению, при чем такое устранение явно целесообразно, так как без него в мире удивляло бы и то, в чем мы давно разобрались. Нетрудно видеть и целесообразность воспроизведения боли и страдания в виде страха. Страх в отношении предметов, доставивших боль,, полезен тем, что побуждает в будущем к избеганию этих предметов; переживание же при этом на основе памяти еще и самой боли просто лишало бы активность избегания всякого смысла. Кстати, буквальное значение утверждения о том, что боль и страдание воспроизводятся в виде страха, едва ли верно, поскольку не исключено, что человек в состоянии боли и страдания одновременно испытывает и страх, который из-за упомянутой предназначенности «запоминается»; это значило бы, что боль трансформируется в страх не в памяти, а только вызывает его в момент своего возникновения. Об этом свидетельствуют случаи плохого «запоминания» даже сильных болей, тоже, впрочем, целесообразного. Т. Рибб писал: «Врач родовспомогательного заведения говорил мне, что почти все во время родов высказывают твердое намерение больше этому не подвергаться»

и почти все своему намерению изменяют»; «Одна родившая пять раз, объявила, что немедленно по прекращении болей от них не остается воспоминания» (1895. С. 7). Однако не следует думать, что в области фиксации эмоций все соответствует 'принципу целесообразности. Было бы правильнее, например, если боль испытанная в зубоврачебном кабинете, подобно родовая сразу же забывалась; известно же, что это не так и что она части нецелесообразно фиксируется, вернее — вызывает страх, который фиксируется к воспроизводится в будущем. Неоправданная и не адекватная фиксация эмоций лежит в основе таких патологических симптомов, как мании, фобии, навязчивости (см. Жане, 1911; Залевский, 1976; Кемпински, 1975). Тезис о различной предрасположенности эмоций к фиксации получает поддержку и даже некоторое объяснение в свете данных об эволюционном развитии мотивационных процессов (см. Вилюнас, 1986). Инстинктивный способ удовлетворения потребностей отличается расчлененностью поведения на ряд сравнительно мелких звеньев, каждое из которых побуждается отдельным ключевым раздражителем. Очевидно, что такие раздражители должны восприниматься эмоционально ровно столько, сколько это требуется для совершения необходимых действий, а затем сразу терять свое эмоциональное значение, вернее — передать его другому раздражителю согласно генетической предусмотренности. «Запоминание», фиксация эмоционального значения таких раздражителей только мешало бы осуществлению инстинктивного поведения. Если кукушка, пристроив в чужое гнездо яичко, сразу теряет к нему интерес, то не из-за того, что у нее не развита эмоциональная память, а потому, что дальнейшее сохранение мотивационного отношения к яйцу у данного вида птиц не предусмотрено. Если такое сохранение было бы целесообразным, отношение к яйцу могло бы зафиксироваться на основе импринтинга сразу и прочно. Фиксация эмоций обеспечивает онтогенетическое развитие мотивации — и наблюдается там, где оно происходит; инстинкту процессы фиксации свойственны в той мере, в какой — он содержит элементы этого развития.

128

Природно целесообразные различия в способности эмоций закрепляться в опыте 'специфически осложняются 'в условиях многоуровневого отражения действительности в 'человеческой психике. Самый яркий в этом отношении пример — фрейдовское вытеснение (Фрейд, 1911, 1916). Оно состоит, как известно, в активном отвержении, неосознавании человеком некоторого эмоционально травмирующего содержания. Но, Д-⁷¹⁵¹ того что бы^ травмирующее содержание не допускалось в сознание, необходимо по крайней мере, чтобы осуществляющая это инстанция его в таком качестве воспринимала, т. е. чтобы оно таковым отражалось в бессознательном. Получается, что фиксация эмоционального содержания на 'более низком уровне психики является условием его забывания на более высоком и что это определяется травмирующей «модальностью» эмоций. Существование такого парадоксального «запоминания» эмоций, 'которых человек сознательно не вспоминает и о которых знать ничего не желает, является еще одним источником затруднений в проблеме аффективной памяти, не позволяющим рассчитывать на простые ответы в вопросе об отношении

модальности эмоций и их предрасположенности к фиксации.

Запечатление инстинктивных отношений

Варианты фиксации. Механизм возникновения новых мотивационных отношений был охарактеризован как переключение эмоции, вызванной некоторым событием, на связанные с этим событием причины, условия, сигналы и просто смежные явления. Важнейшая особенность мотивационных отношений, возникающих в результате фиксации эмоций на новом содержании, состоит в том, что они различаются степенью и характером сохраняющейся связи с породившими их эмоциогенными событиями. В обсуждении феноменологических данных мы уже сталкивались с фактом взаимосвязанности и иерархической соподчиненностиTM мотивационных отношений человека, существованием безусловного, непосредственного, относительно независимого мотива-

5 В. К. Вилюнас

ционного значения и, с другой стороны, инструментального, производного, условного (см. С. 28—31). Очевидно, что первоначальным источником безусловных мотивационных значений являются 'базовые потребности, придающие такое значение воздействиям и объектам, которые имеют к ним непосредственное отношение, например, болевым ощущениям, половому партнеру, ребенку. В онтогенезе совокупность 'базовых мотивационных значений служит основой для многоступенчатого и все 'более опосредствованного развития производных мотивационных отношений к самым различным явлениям действительности. Большинство такого рода отношений сохраняет функциональную зависимость от породивших их оснований; в таких случаях человек нечто любит, ненавидит, осуждает, поддерживает и т. т. из-за прошлых событий, ожидаемых последствий, т. е. из-за других, «смыслообразующих» ценностей. Но иногда такая зависимость 'не сохраняется или постепенно исчезает и новое мотивационное отношение приобретает 'большую или меньшую «функциональную автономность» (Allport, 1937), проявляющуюся в том, что некоторый предмет становится значимым «сам . 'по себе». Что можно сказать об этом феномене, представляющем исключительное значение для практики воспитания? Импринтинг как механизм развития безусловной мотивации. Прежде всего отметим, что он действительно является специфически человеческим, так как подобный феномен наблюдается в мотивационном научении животных. Речь идет об импринтинге (см. Понугаева, 1973; Слоним, Плюснина, 1986; Хесс, 1983), ряд особенностей которого позволяет утверждать, что мотивационное значение содержания, запечатляемого при помощи этого механизма, 'приобретает безусловный характер (Вилюнас, 1986. С. 153). Действительно, общее назначение мотивационного обусловливания состоит в том, чтобы придать мотивационное значение как можно более широкому кругу ориентиров и сигналов, позволяющих приближаться к полезным и избегать вредных 'безусловных воздействий, которые в 'процессах обусловливания служат подкреплением, а в основанном на них поведении—конечной целью. Само название раздражителя условным подчеркивает, что он важен индивиду не-

130

сам по себе, а как нечто, ориентирующее в отношении возможных безусловных воздействий и поэтому умеющее переходящее, ситуативное мотивационное значение. Хищник, со всем вниманием прислушиваясь к шорохам 'выслеживаемой жертвы, заинтересован в конечном счете не в звуках, а в пище, поэтому перестает к ним прислушиваться после того, как ее удастся схватить. В мотивационном научении 'по типу импринтинга такой функциональной зависимости возникающего нового отношения от того, что служило основой для его возникновения, нет. Запечатляемые птенцом специфические признаки матери нельзя отделять от иницирующих импринтинг инстинктивно узнаваемых, ключевых свойств (способность к движению, видотипичные звуковые сигналы) и утверждать, например, что образ матери лишь ориентирует птенца в отношении безусловно значимой ее способности к передвижению. Переключение мотивационного отношения от ключевого признака на сопутствующие свойства в

случае импринтинга (ср. Hoffman, Ratner, 1973) служит не расширению круга мотивирующих стимулов (хотя формально такое расширение имеет место), а конкретизации безусловно значимого предмета. В этом, собственно, и заключается назначение импринтинга как механизма онтогенетического развития инстинктивного поведения: «...В раннем постнатальном онтогенезе ... происходит достройка врожденных пусковых механизмов ряда важнейших инстинктивных действий путем включения в них индивидуально приобретаемых компонентов. Именно в этом состоит сущность процесса, получившего название запечатления» (Фабри, 1976. С. 125). Подобным образом импринтинг понимал я В. Г. Торп, утверждавший, что «его функция, как представляется, состоит в том, чтобы быстро достроить и привести в готовность врожденные пусковые механизмы определенных форм врожденного социального поведения» (Thorpe, '1956. P. 124; см. также Вилюнас, 1986. С. 143—154; Hess, 1959). Мотивационное значение условного раздражителя Динамично и меняется в зависимости от последующих подкреплений, что проявляется в феноменах угашения или дифференциации. Мотивационные отношения,

^{5*}

формирующиеся в результате импринтинга, отличаются необратимостью — невозможностью переучивания запечатленного содержания, или, точнее, значительной трудностью такого переучивания, что, очевидно, свидетельствует об их 'безусловном характере. Исследования импринтинга показали упрощенность изначального представления о нем как об особой форме научения, отличающейся 'существованием сензитивного периода для его осуществления, необратимостью, 'быстрым замыканием связи и др. (Lorenz, 1937). Эти и другие его признаки оказались достаточно вариативными, что сделало менее отчетливой границу между ним и процессами обусловливания: «Более детальное ознакомление с феноменом, на который обратил внимание Лоренц, показало, что ни критический период, ни необратимость не являются столь резко очерченными, как это он предполагал •<...>• Сейчас признается, что некоторые признаки, раньше считавшиеся отличительными для импринтинга, в некоторой степени присущи также многим другим случаям научения... То, что сначала казалось контрастом черного и белого, при исследовании обнаружилось как последовательность оттенков серого» (Bowlby, 1987. Р. 167). Действительно, чем отличается импринтинг от обусловливания сильной боли или отвратительных вещей, которое, как известно, тоже способно наступить без повторных сочетаний и образовать стойкие к угашению мотивационные отношения (Gwinn, 1949; Rozin, Kalat, 1971; Solomon, Wynne, 1954)¹⁶. По формальным признакам — отсутствием сензитивного периода, во время которого живые существа обнаружи-

¹⁶ «Некоторые собаки Соломона и Уинна, исследовавшиеся в челночной камере, получив единственный удар током, продолжали безошибочно реагировать на предупреждающий сигнал на протяжении двухсот проб и к моменту прекращения эксперимента* не наблюдались никакие признаки ухудшения ответов. Многие подобные результаты описаны в отношении других видов животных и других форм поведения избегания» (Gray, 1971. Р. 174). Добавим, что большинство собак (получивших, правда, в период научения в среднем 5 наказаний) продолжали прыжки в противоположную сторону камеры даже тогда, когда там получали (100 раз) такой же удар током. В рекордном случае животное отучилось от прыжков после 647 проб, среди которых 150 сопровождалось наказанием (Solomon и др., 1953).

132

ают готовность к запечатлению специфического содержания, а вне которого — не обнаруживают. Но с точки зрения биологической целесообразности данное отличие не является существенным, 'более того, это вполне естественно: к запечатлению предметов, серьезно угрожающих жизни, животные должны быть готовы на всем ее протяжении, тогда как к запечатлению, скажем, детенышей или брачных партнеров — только в определенные ее периоды. По той же логике естественной является вариативность необратимости, продолжительности и прочности мотивационных отношений, образованных на основе импринтинга. Когда-то прочная привязанность к матери у подросшего и способного к самостоятельной жизни детеныша перестает быть целесообразной и, как известно, в зависимости от особенностей вида раньше или позже, спонтанно или под

влиянием ее «отучающего» поведения исчезает. Такого рода данные свидетельствуют о том, что различие процессов научения по эмпирически и в известной мере случайно нащупанным признакам при помощи искусственных экспериментальных процедур не учитывает главного — биологического назначения этих процессов, определявшего их эволюционное развитие и приобретение ими тех или иных особенностей. С приспособительной точки зрения индивиду необходима способность к формированию как условных, инструментальных, так и безусловных, значимых самих по себе мотивационных отношений к новому, генетически незапрограммированному содержанию (именно отношений, поскольку двигательные реакции должны обнаруживать изменчивость). В основе такого научения лежит акт мотивационного (эмоционального) переключения, только в первом случае сохраняющего функциональную зависимость от подкрепляющего фактора, во втором — придающего новому содержанию функциональную автономность. Когда и каким образом произойдет то или иное научение, что его вызовет, как долго оно сохранится и т. д. — зависит, как это показывают исследования этологов (Мак-Фарленд, 1988; Хайнд, 1975), от видовых особенностей животных, и бесполезно надеяться уложить эти изменчивые данные в строгие рамки искусственно выделяемых форм научения.

Именно видотипичность особенностей импринтинга, объясняемая его тесной связью с механизмами инстинктивного поведения, исключает перенос конкретных данных, полученных при исследовании животных, в область развития мотивации человека. Однако возможны отвлеченные от конкретных деталей выводы, и самый общий из них утверждает, что процессы, обеспечивающие возникновение у человека устойчивых, «функционально автономных» мотивационных отношений, имеют продолжительную и сложную предысторию филогенетического развития. Из нее следует, что такие процессы могут иметь, но могут и не иметь сензитивный период для своего осуществления и что объяснение этой неопределенности следует искать не в особенностях механизмов научения, а в целесообразности существования таких периодов в истории развития вида. Особенно следует подчеркнуть вывод о том, что глущающие безусловные мотивационные отношения могут обнаруживать определенную изменчивость — угасать с истечением времени, допускать переучивание. Такие изменения могут происходить как спонтанно, так и под влиянием особых условий, например, при исчезновении объекта привязанности, вынужденной смене места обитания и т. л. Абсолютная неизменчивость фиксированных мотивационных отношений была бы в таких случаях неоправданной. Данные о формировании безусловных мотивационных отношений у человека в общем и целом находятся в согласии с этими выводами. Рассмотрим их, сделав предварительно оговорку, что они являются еще более эпизодическими, плохо систематизированными, а порой, возможно, и спорными, чем обсуждавшиеся выше данные об аналогичных процессах у животных. Обстоятельства, затрудняющие освещение этой проблемы, достаточно очевидны; это, с одной стороны, связанность процессов мотивационного запечатления с механизмом инстинкта, проявления которого у человека мало изучены, с другой — осуществление этих процессов в условиях сознания и при наличии сложнейшей системы уже сложившейся мотивации, неизбежно их маскирующей и видоизменяющей. Запечатление во взаимоотношениях матери и

ребенка. Определенные параллели между мотивационным запечатлением у человека и животных были получены в исследованиях младенцев, у которых факторы социального развития еще не затмевают природные процессы. Обобщая большое число наблюдений и исследований развития у них привязанности к взрослому, Дж. Боулби пишет: «Насколько сегодня известно, способ, которым поведение привязанности развивается и фокусируется на некотором лице у младенца, достаточно подобен способу развития этого поведения у других млекопитающих и у птиц, что определенно позволяет отнести его к явлениям, обозначаемым понятием импринтинга, во всяком случае в современном более широком значении этого термина. Действительно, признать иное означало бы создать ничем не оправданный разрыв между случаями развития этого поведения у человека и у других видов» (Bowlby, 1987. Р. 223). Следует добавить, что согласно этому автору более широкое понимание импринтинга выделяет следующие его признаки: «(а) развитие вполне определенного предпочтения, (б) предпочтения,

развивающегося очень быстро и обычно во время ограниченного периода жизненного цикла, и (с) предпочтения, которое будучи сформированным остается сравнительно устойчивым» (там же. С. 168). Зависимость представлений о существовании у человека механизмов импринтинга от строгости принимаемых критериев этого феномена показало также обсуждение процессов запечатления младенцем лиц, вызывающих реакцию улыбки (Ambrose, 1963; Gray, 1958). Действительно, если такое запечатление оценивать по критериям, выделенным в исследованиях зреловылупляющихся птиц, то из-за видовых особенностей (например, из-за того, что как представитель живущего сообщества вида младенец не должен быть предрасположен к запечатлению только одной особи) неизбежна констатация расхождений. При отвлечении же от видовой специфики авторы по-разному решают вопрос о мере такого отвлечения, что, собственно, и определяет их выводы о проявлении у человека процессов импринтинга. Неперспективность такого рода споров подчеркнул участвовавший в обсуждении Р. А. Хайнд, по словам которого «нет

пользы в вопросе о том, ...является или не является импринтингом научение, сопряженное с реакцией улыбки» (Hinde, 1963. P. 229). Хотя это трудно убедительно аргументировать, но главное представляется в том, что те впечатления от внимания, заботы и ласки, к положительному восприятию которых младенец предрасположен природно, но присущей ему потребностью в эмоциональном контакте (Обуховский, 1971)¹⁷, запечатляются, опредмечиваются на образ матери или других взрослых так, что он приобретает безусловное, функционально автономное мотивационное значение. Само по себе присутствие рядом матери радует, успокаивает, от отсутствия — повышает тревогу (Bowlby, 1975). Начиная с 3 месяцев у младенца можно наблюдать характерные адресованные к матери попытки поделиться с ней своим эмоциональным состоянием (Мещерякова, 1982). В этом же возрасте он становится чувствительным к порицающей или одобряющей интонации ее голоса и обнаруживает первые признаки обучения на основе такого подкрепления (Авдеева, 1982). В первом полугодии младенец порицающее отношение матери предпочитает безразличному, реагируя на последнее более негативно (Лисина, 1986. С. 78). Наконец, хорошо известны факты, что в вызывающих тревогу ситуациях он, как, впрочем, и детеныши животных (Harlow, 1961), ищет мать и стремится к контакту с ней (Maccoby, Jacklin, 1973). Представляется, что в совокупности такого рода факты (см. Ainsworth, 1973; Uzgis, 1979) говорят о том, что младенец природно настроен на появление в его опыте матери и что вследствие этого она получает для него не только автономное, но и наделенное определенным содержанием значение, не выводимое из

¹⁷ В советской психологии распространена несколько иная трактовка этой потребности. Так, согласно М. И. Лисиной, потребность в непосредственно-эмоциональном общении со взрослыми «возникает постепенно и формируется прижизненно» (1974. С. 18). Однако обе точки зрения не являются взаимоисключающими. Все зависит от того, что обозначать термином потребность: природные механизмы, обеспечивающие готовность младенца включиться в общение, или объективные проявления этих механизмов, которые возможны лишь при наличии создаваемых взрослым условий.

136

получаемых от нее «подкреплений» и функционально от них независимое. Нет необходимости доказывать, что не только взрослый для младенца, но в большинстве случаев и младенец для родителей приобретает исключительное и, конечно, «функционально автономное» мотивационное значение. Труднее разобраться в происхождении и составляющих такого значения. Отношение к ребенку — одно из самых священных для человека, и эта ценность бывает, как правило, отчетливо, интенсивно и, что редко, непротиворечиво выражена в формирующей человека воспитательной атмосфере. Но несомненная культурная детерминированность отношения к родившемуся ребенку полностью реально возникающего отношения, как представляется, не объясняет. Ведь называя по распространенному выражению материнскую любовь слепой, мы снисходительно допускаем возможность ее чрезмерности и именно культурной невыверенности. С другой стороны, когда такая любовь по каким-то не всегда ясным причинам не

просыпается, то практически нет шансов ее в полноценном виде разбудить даже у желающих этого родителей. Дело в том, что «большая часть навыков материнского ухода... обычно проявляется автоматически и без планирования в ответ на сигналы, которые мать не вербализует и которые ею даже могут не осознаваться» (Schaffer, 1977. Р. 98). Примером таких навыков могут служить специфические интонации, используемые при общении с младенцем—«baby talk», различные способы ловить и удерживать его взгляд, например, способствующее контакту глаз при кормлении положение головы матери «en face»—параллельное голове младенца (Klaus а. о., 1972), или навык держать его на левой Руке для того, как предполагается, чтобы он мог слышать успокаивающие звуки сердцебиения матери (Раншбург, Поппер, 1983. С. 16). Поразительна способность младенца улавливать этот тонкий язык адресованных ему обращений и на него отзываться. Так, характер и динамика взглядов между матерью и младенцем сильно напоминает об мен репликами в беседе (Jaffe а. о., 1973), а согласованность движений их голов, как утверждают ис-

следователи,—совместно танцуемый «вальс» (Stern 1971. P. 513). Эмоциональная насыщенность навыков материнского ухода, явная готовность младенца на них откликаться, затруднения при попытках их произвольной задержки (когда, например, мать пытается не реагировать на плач младенца), а также затруднения при попытках их усвоить без проснувшейся материнской любви, при которой «мать идентифицируется с младенцем, воспринимает его как часть самой себя и переживает его радости и огорчения как собственные» (Schaffer, 1977. P. 86),—говорят об их связанности с механизмами инстинкта. Действительно, не существовало оснований (а также и резервов времени), по которым бесспорно полезные элементы инстинкта в родительском поведении высших животных, в частности процессы запечатления ими своих детенышей, должны были исчезнуть в антропогенезе. Природные предпосылки характерной материнской «сензитивности» (Ainsworth, 1973. P. 82) к ребенку, повышенной чувствительности к его улыбке, желанию, плачу, взгляду и т. л. ничем не препятствовали социальному развитию человека, а только способствовали самозабвенной отдаче наших праматерей в выполнении того, что современные матери сверяют по книгам Б. Спока. Однако, рассматривая вопрос об инстинктивной обусловленности отдельных элементов материнского ухода, важно иметь в виду, что уже у животных эта тонкая система «сложных невыученных ответов» (Harlow, Mears, 1978) не имеет характера фатальной неминуемости, обнаруживая запутанную зависимость от условий онтогенеза, состояния организма, взаимовлияний матери и детеныша и др. (Harlow, Harlow, 1965; Rosenblum, 1978). Тем более нельзя ожидать отчетливых обнаружений инстинктов в условиях человеческого сознания. Известно, что проявлению материнского инстинкта препятствуют такие факторы, как психотическая конституция, исключительные условия жизни, нелюбимый партнер, послеродовая депрессия. К наиболее поразительным относятся случаи массовой атрофии родительского инстинкта в отдельных племенах, в которых ребенок очень рано (в африканском племени Ик—буквально с трехлет-

1«8

Q возраста) вынужден начать самостоятельную борьбу за выживание (Mead, 1935; Turnbull, 1972). Отдельные исследования как будто свидетельствуют о существовании процессов запечатления матерью ребенка. Так, матери, которые в родильном доме имели удлиненный контакт с младенцем на один час сразу после родов и на 5 часов в каждый из трех первых дней жизни, при обследовании через месяц и затем через год обнаружили более выраженную к ним привязанность по сравнению с контрольной группой (правда, только по отдельным показателям, например, они больше стремились оставаться дома, во время кормления чаще поворачивали голову в положение, удобное для контакта глаз и др.) (Kennell а. о., 1974; Klaus а. о., 1972). Аналогичные исследования показали, что впервые рожаящие матери, у которых младенца после появления на свет отнимали на 24 или более часов, в отличие от матерей, которым ребенка отдавали сразу после родов, а также ранее рожавших матерей независимо от условий контакта с младенцем, не обнаруживали привычки держать его на левой руке: «...На какую руку получила мать ребенка, на такую же она брала младенца и

впоследствии. Из результатов наблюдений заключили, что в формировании материнского чувства также существует определенный критический период, и первые 24 часа после рождения ребенка являются его очень важной частью» (Раншбург, Поппер, 1983. С. 17). Однако отметим, что такого рода данные в принципе не могут быть четкими. Для человеческого сознания младенец существует еще до родов, а когда он находится в соседнем помещении, то его существование переживается фактически с тем же чувством реальности, как если бы он был рядом. Поскольку чувство реальности, как отмечалось выше, обеспечивает полноценные эмоциональные переключения в плане представлений, исследования, контролирующие физический контакт, не могут выявить процесс¹⁸ в запечатления матерью младенца и сензитивный период этих процессов даже если они существуют¹⁸.

¹⁸ У некоторых животных такой период ограничен весьма жестко. Коза, например, по истечении часа после родов козлен-

Половое запечатление. При попытках разобраться в других сферах проявления инстинктов у человека возникают такие же затруднения, как и при выяснении детерминант материнского поведения. Так существуют основания полагать, что и у человека проявляются механизмы сексуального запечатления способного придать отношению к партнеру исключительную эмоциональную насыщенность, инстинктивную безоглядность и рациональную необъяснимость. Но как этот, обычно обнаруживающий склонность к убыванию, аспект отношений выделить из других составляющих влюбленности, а тем более любви, оказывающихся впоследствии решающими, как отыскать его следы в итогах большой и порой, как известно, весьма творческой работы сознания по осмыслению столь неординарного своего состояния? Ответ на такие вопросы не найден, и любовь остается, по утверждению специалистов, «исключительно сложным объектом для психологического анализа» (Гозман, 1987. С. 110). Тем не менее ряд фактов достаточно убедительно говорит о проявлении в половом поведении человека инстинктов. Чем, например, объяснить разнообразие и стойкость половых извращений, обнаруживающихся, как правило, в условиях сильнейшего и бескомпромиссного их осуждения со стороны общественной морали, прибегающей даже к такому крайнему средству, как уголовное преследование? Почему иногда единичный опыт удовлетворения сексуальной потребности оставляет следы, придавая, например, безусловное мотивационное значение запаху рыбной лавки или какому-нибудь предмету одежды, от которого впоследствии не способна избавить вся система воспитывающих человека сил, в том числе специальные усилия психотерапевтов? Признание того, что эта потребность человека природно вооружена инстинктом, обеспечивающим интенсивное эмоциональное восприятие сложной системы — «ключевых», а также за-
ка к себе не подпускает (Klopfer и др., 1964). Кстати, существование у человека сензитивных периодов для специфического научения подтверждается многими данными и широко признается (Лейтес, 1978; Connolly, 1972; Thorpe, 1961), однако эти данные больше касаются развития познавательной сферы, чем собственно мотивационного научения.

140

запечатляемых механизмом импринтинга воздействий из ситуаций, явно облегчает интерпретацию такого рода фактов. Феноменология отклонений в половом поведении человека (см. Кон, 1988; Imielinski, 1974) показывает, что основной их источник — закодированность в генах как мужского, так и женского вариантов его развития, создающая возможность при неблагоприятных условиях возникновения самых причудливых сочетаний обоих полов как в отношении морфофизиологии (гермафродизм; см. Савченко, 1974), так и по линии актуализирующихся инстинктов. Тот факт, например, что не все трансвестисты — люди, наряжающиеся в одежду и другие атрибуты противоположного пола, являются гомосексуалистами, свидетельствует об относительной автономности механизмов, обеспечивающих запечатление половой и сексуальной принадлежности. Но действительно ли такого рода запечатления обусловлены инстинктом? Некоторые данные как будто свидетельствуют о решающей роли приобре-

тенного опыта. Так, подавляющее большинство гермафродитов независимо от доминирующих объективных признаков пола идентифицируются с тем полом, который прививался им в раннем детстве (Money а. о., 1957). С этим согласуются и другие данные: «Огромное большинство трансвестистов утверждает, что в раннем детстве их одевали в одежду противоположного пола» (Imielinski, 1974. S. 290). Но надо обратить внимание на то, что отнюдь не все дети, одевавшиеся в платье противоположного пола, впоследствии страдают трансвестизмом, что нет распространенного извращения облачаться в ползунки, ф.артучки или школьную форму—во что дети одеваются несравненно чаще, что, наконец, 5 из 105 гермафродитов, наблюдавшихся в упомянутом исследовании, предпочли половую идентификацию, противоположную той, которую намечали родители. Все это говорит о том, что жизненные обстоятельства создают лишь более или менее благоприятные условия для инстинктивных тенденций, вплоть до полного их подавления, но также и о том, что эти тенденции являются активными силами, обостренно выжидающими благоприятных условий и готовыми воспользо-

ваться первой возможностью для соответствующих необратимых запечатлений¹⁹. В целом данные об отклонениях в половом поведении человека свидетельствуют о сложности полового инстинкта и о его генетической незавершенности, допускающей многовариантное онтогенетическое развитие и проявляющейся в повышенной готовности к запечатлению не только партнера, но и множества специфических условий удовлетворения половой потребности, которые вследствие этого приобретают безусловное мотивационное значение. Заключение. Итак, если изначально не относиться к инстинкту как к чему-то презрительно-животному, исключаящему социальное развитие человека (Гальперин, 1976)²⁰, то тезис об их обнаружении у человека приобретает правдоподобное звучание. Не вникая далее в подробности, отметим, что их следы достаточно отчетливо обнаруживаются в том «обмене эмоциями», который происходит при общении, установлении взаимоотношений между людьми (Гозман, 1987), в развитии просоциального поведения (Reykowski, 1979), в проявлениях эмпатической способности, которая продолжает оставаться «не уловимым феноменом» (Hickson, 1985). Даже в когнитивной психологии иногда признается, что «подобно другим животным, мы рождаемся в какой-то мере готовыми к сбору экспрессивных сигналов, поступающих от других представителей нашего биологического вида» (Найссер, 1981. С. 201). В поиске следов инстинкта полезно обратиться к данным психиатрической клиники, поскольку в ряде случаев болезнь

¹⁹ Можно думать, что появление у человека плана представлений, допускающего такое запечатление на основе дообображения реальных ситуаций или вообще к ним безотносительно, расширило возможность неестественного развития полового инстинкта. Если это так, то бесспорное межвидовое лидерство человека по части половых извращений является платой за способность к произвольности, позволяющей представлять в «образе мира» то, что в реальном мире едва ли могло бы случиться.²⁰ Показательно, что тема инстинктов «религиозно избегалась» (Harlow, Mears, 1978. Р. 257) и в позитивистской психологии, не страдавшей фобией природного у человека. В гуманистической психологии «инстинктойдную» природу базовых потребностей человека подчеркивал А. Г. Маслоу (Maslow, 1954).

142

приводит к нарушениям именно в сфере унаследованного. Что касается импринтинга как механизма, обеспечивающего онтогенетическое уточнение объектов инстинктивных отношений, то одна из самых заметных областей его проявления—фиксация страхов (см. Эберлейн, 1981; Jones, 1924; Valentine, 1930). Можно думать, что расстроенное, неадекватное действие механизма мотивационного запечатления приводит к возникновению не только фобий, но и других навязчивых состояний, сверхценных идей и т. п. (Залевский, 1976; Озерецковский, 1950; Kepinski, 1974). Правда, в области патологии, как отмечается, «явления фиксации больше описаны в познавательной сфере в виде различных инертных стереотипов. Значительно менее изучены фиксации в аффективной сфере» (Лебединский, 1985. С. 25). Напомним, что исключительное значение ранним онтогенетическим запечатлениям придавалось

в психоанализе (Sutherland, 1963). Для рассматриваемого вопроса о мотивационной, фиксации признание того, что потребности человека полностью не лишены механизмов инстинктивного удовлетворения, важно прежде всего в двух отношениях: Во-первых, из него следует вывод о значительно большем, чем обычно предполагается, разнообразии природно, безусловно значимых для человека явлений — взглядов и движений, предметов и отношений, воздействий и ситуаций (см. Симонов, 1987. Гл. 1). Следует подчеркнуть, что мотивационное значение таких явлений не обязательно должно быть явно выражено. Так, в исследовании Ч. У. Валентайна у годовалой девочки на основе подкрепления резким звуком свистка реакция страха в отношении бинокля не возникала, а при замене бинокля мохнатой гусеницей, изначально вызвавшей реакцию тревоги,—возникла (Valentine, 1930). На основе подобных наблюдений автор делает вывод о существовании врожденных тенденций к возникновению страха в отношении определенных предметов, о «затаившемся инстинкте, готовом проявиться при возникновении условий» (Р. 404). На такое предположение наталкивают не только наблюдения над детьми. Почему в

фольклоре бабочки, вылупливающиеся из гусениц, обычно наделяются более положительными чертами, чем сами гусеницы? И только ли под влиянием фольклора среднестатистический человек, поставленный перед выбором, согласился бы взять в рот скорее бабочку, чем гусеницу? Во-вторых, поскольку в филогенетически развитых формах инстинкты предполагают, как часто отмечается (Джеме, 1911; Мак-Дауголл, 1916; Хаютин, 1983; Хейлмен, 1983), онтогенетическое развитие (в том числе и на основе механизма импринтинга), можно ожидать, что и в развитии мотивации человека достаточно часто должны происходить запечатления, уточняющие предметы инстинктивных отношений и придающие им безусловное значение. Выше мы пытались показать, что такие запечатления у человека не могут и не должны происходить по типу неотвратимо и однообразно захлопывающегося капкана. Так, если в упомянутом опыте бинокль был предъявлен ребенку в отсутствие родителей, то реакция страха, возможно, возникла бы и по отношению к этому предмету: «...Присутствие или отсутствие матери может определить, будет ли вызван чем-либо страх» (Valentine, 1930. Р. 417).

Подражание и эмоциональное заражение

До сих пор обсуждались механизмы, обеспечивающие (при всех оговорках) мотивационное развитие человека в природно заданном направлении. Однако существуют и специальные природные механизмы, которые такой заданности не имеют и которые поэтому оставляют силам воспитания возможность развития мотивации в свободно выбираемом направлении. Речь идет о механизме подражания и тесно с ним связанной способности к эмоциональному заражению. Как известно, различные формы подражания обнаруживаются у животных (см. Биологические..., 1965; Фабри, 1974; Фирсов, 1972), причем в некоторых из них отчетливо наблюдается возникновение новых мотивационных отношений. По роли, которую

144

подражание играет в развитии этих отношений, можно выделить по крайней мере два случая. В первом из них подражание обеспечивает только повторение действия. Этому случаю соответствует классический пример синиц, умение которых вскрывать оставляемые у дома молокопродукты распространилось в Англии со скоростью, исключаящей индивидуальное научение (Хайнд, 1975. С. 621). В такого рода случаях собственно подражание лишь создает условия для мотивационного научения, которое происходит на основе самого обычного обусловливания: действуя по наблюдаемому образцу, птица получает пищевое подкрепление, которое придает мотивационное значение виду молочных бутылок и другим условным сигналам. Более специфическими являются случаи, когда подражание охватывает и подкрепление, т. е. когда мотивационное научение целиком определяется поведением других особей. Примером такого подражания могут служить молодые мартышки, которые начинают избегать ящика после того, как воспринимали своих матерей, испуганных этим предметом, хотя того, что вызвало испуг, сами не видели (Дьюсбери, 1981. С. 127). В таких случаях наблюдается своего рода доверие мотивационному опыту сородичей и готовность на этой основе обучаться. Самая простая и естественная

интерпретация таких данных предполагает признание того, что эмоциональное состояние других представителей вида (иногда—и представителей других видов) небезразлично конкретному индивиду и действует на него как подкрепление. Конечно, такое эмоциональное заражение факты возникновения на основе подражания новых мотивационных отношений полностью не объясняет: этим процессом не охватывается таинственный момент переадресовки сопереживаемого эмоционального состояния на предметы, вызвавшие эмоции у других особей²¹. Тем не менее эмоциональное

²¹ Можно думать, что именно этот таинственный момент «схватывания отношений», обнаруживающийся в различных видах подражания, стал основой для отнесения в классификационной схеме В. Г. Торпа как подражания, так и импринтинга к особой форме научения, осуществляющегося по типу инсайта (Thorpe, 1963).

заражение представляется необходимым условием для случаев подражания, обеспечивающего возникновение мотивационных отношений к предметам, подкрепляющие свойства которых не были выявлены самим индивидом. Не может быть сомнений в том, что явно в филогенезе прогрессирующую способность к эмоциональному заражению и подражанию унаследовал и человек (см. Ладыгина-Коте, 1965; Поршнев, 1974. Гл. 5; Miller, Dollard, 1962). Об этом говорят, в частности, сравнительные исследования, обнаружившие, например, что «способность к подражанию у трехлетнего шимпанзе, выращенного в человеческом окружении, в множестве ситуаций обнаруживается весьма подобно тому, как и у трехлетнего ребенка» (Hayes, Hayes, 1952. Р. 458). Значительная часть того, чему взрослые обучают ребенка в период, когда он еще не способен понять объяснений и действовать по словесным указаниям, формируется с использованием именно его готовности к подражанию. Не посредственно-эмоциональное общение младенца и матери уже на первом полугодии жизни не сводится к двухполюсному обмену эмоциями; в качестве третьего звена в него вклинивается мир предметов, и мать не пропускает случая указать, что в этом мире интересно, хорошо, страшно. Очевидно, что без способности младенца к эмоциональному заражению ее усилия были бы напрасными. Во втором полугодии «третье звено» становится необходимым компонентом общения (Hubley, Trevarthen, 1979), младенец активно стремится к обмену эмоциями по поводу мира предметов, что зафиксировано в выделении нового этапа его взаимодействия с матерью—ситуативно-делового общения (Лисина, 1986). Подражание остается важнейшим фактором, определяющим содержание активности ребенка и на последующих этапах его развития. Конечно, более типично и заметно проявление подражания в первом из выделенных выше вариантов—в качестве механизма, обеспечивающего повторение действий. Так, по мере развития предметно-манипулятивной деятельности, которая сначала подчиняется «логике» руки и объекта манипуляции, ребенок начинает увлеченно воспроизводить все более тонкие действия

с предметами по «логике образца», показываемого другими людьми или у них подсмотренного (Эльконин, 1978). Не менее активно подражание проявляется в деятельности по усвоению речи: «Единственным механизмом, подключающим ребенка к языковой среде, является подражание» (Поршнев, 1974. С. 319); а также в игре: «Для самых маленьких детей подражание является правилом игры. Это единственное приемлемое для них правило, поскольку в начале они не могут выйти за пределы конкретной живой модели и руководствоваться абстрактными правилами» (Баллон, 1967. С. 71). Подражание-повторение служит развитию прежде всего познавательной сферы ребенка, обеспечивая формирование новых навыков, умений, знаний. Как отмечалось, оно способствует также и формированию мотивации: действуя и играя по образцу, ребенок открывает новые стороны и отношения вещей, правила и тайны человеческих взаимоотношений, которые могут затрагивать его потребности и вследствие этого стать интересными, приятными, страшными, полезными и т. п. Однако в данном случае подражание как механизм и другой человек как копируемый образец создают лишь условия и

возможности для определенного развития мотивации, тогда как само развитие происходит благодаря механизмам специфических потребностей. Мотивационное подражание. Более ответственна роль другого человека в подражании, основанном на эмоциональном заражении. В случае такого собственно мотивационного подражания развитие мотивации целиком определяется копируемым образцом, глазами, а точнее—эмоциями которого ребенок начинает воспринимать окружающий мир. Сразу отметим, что четкое различие в фактах реальной жизни мотивационных отношений, возникающих, с одной стороны, вследствие естественного развития потребностей, с другой—на основе эмоционального заражения, затруднено из-за совместного проявления этих механизмов. Как, например, различать вклад игровой и материнской потребностей, а также сопереживающего участия матери в развитии увлечения некоторой девочки куклами? Тем не менее представляется очевидным, что не

только ребенка, но потом и подростка, юношу, взрослого многое в мире волнует, интересует, устрашает и т. п. не на основе соответствующего личного опыта, а потому, что это так воспринимается другими людьми. Такой вывод был, в частности, сделан в скрупулезном исследовании подробных автобиографических отчетов 275 испытуемых: «Обобщенные чувства к предметам внешнего мира могут возникать либо (а) благодаря посредничающей роли других лиц, либо (б) как результат прямого контакта с самими предметами» (Phillips, 1937. Р. 299). Самое, пожалуй, убедительное свидетельство роли подражания в развитии мотивационных отношений—данные о так называемом конформном типе психопатических отклонений, которые будут приведены ниже. От эмоционального заражения следует отличать внешне подобный и часто параллельно протекающий процесс эмоционального сопереживания (см. Виллюнас, 1976. С. 72—73), на основе которого тоже возникают новые мотивационные отношения. Поясним это отличие на примере. Если мать, неожиданно получившая сильный удар током, с криком и другими признаками страдания и испуга откинется от себя как какой-нибудь бытовой электроприбор, то видевший это ребенок станет в будущем скорее всего этого прибора избегать, как и молодые мартышки в упомянутом выше исследовании. Сопоставим этот случай с другим, в котором та же мать, застав ребенка с испорченной семейной реликвией в руках, не менее искренне и бурно, даже, допустим, заплакав, выражает огорчение из-за невозможности потери. Сопереживая матери, ребенок, возможно, как и в первом случае, станет в будущем избегать изучения подобных предметов, но мотивационное отношение к ним будет иным. В первом случае предмет запечатлится как сам по себе страшный, «плохой», во втором— может быть даже останется интересным, только в случае игры с ним огорчающим мать. Главное отличие состоит в том, что в случае эмоционального заражения формируются безусловные, непосредственные мотивационные отношения, тогда как в случае сопереживания—условные, опосредствованные отношением к другому человеку. Конечно, в реальной жизни оба процесса могут происходить одновременно

но; так, и во втором примере возможно частичное эмоциональное заражение, вследствие которого у ребенка останется чувство таинственной, пока ему непонятной ценности некоторых вещей. Обозначенное различие имеет не только теоретическое значение. Для практики воспитания весьма полезно было бы знать, при каких условиях возникает непосредственное или опосредствованное мотивационное отношение, например, отношение к ленивости как к позорной и абсолютно недопустимой черте и как к черте, недопустимой из-за осуждения ее другими, но внутренне особенно не возмущающей. К сожалению, возможность освещения этой проблемы невелика. Отметим один момент, влияющий на характер воспитываемых отношений, который вместе с тем покажет ее сложность. При обсуждении зависимости мотивационной фиксации от особенностей эмоций качеству их интенсивности была противопоставлена глубина— качество, по которому эмоции образуют континуум с полюсами «серьезных» и «игровых» переживаний (Stern, 1928). Представляется, что именно мера глубины, «серьезности» является фактором,

способствующим эмоциональному заражению и, следовательно, формированию безусловных мотивационных отношений. Если ребенок грубо вырывает из рук младшего ножницы, а в другом случае угрожает и машет этим острым предметом в области глаз, то эмоциональная реакция матери иногда может быть сильной и в первом случае, но во втором она будет всегда более «серьезной». Разной меры глубины будет также осуждение девочки за то, что она показывает сверстнику язык, а в другом случае — более интимную часть тела, возмущение по поводу совершенной ребенком кражи таким отцом, который считает это общечеловеческой, свойственной и ему слабостью, и отцом, никогда такой слабости даже в мыслях не допускавшим. Признаки подлинности эмоций интуитивно улавливаются ребенком, отличающим очередные бурные упреки по поводу его неправильного поведения от указания на нечто абсолютно недопустимое, табуированное, святое. Заражение «серьезными» эмоциями, стабильно и непротиворечиво обнаруживаемыми

лицами из ближайшего окружения, является важной основой фиксации безусловных мотивационных отношений и, по всей видимости, онтогенетически ранним механизмом иррационального принятия тех социальных запретов и норм, которые в психоанализе обособляются в отдельную инстанцию «сверх-Я». Всякое подражание, в том числе и мотивационное, не представляет собой простого копирования случайно увиденных примеров, обнаруживая зависимость от сложившихся эмоциональных отношений «Подражание у ребенка не есть подражание чему угодно, оно очень избирательно. Ребенок подражает людям, пользующимся у него наибольшим авторитетом, тем, которые затрагивают его чувства, привлекают к себе, к которым он привязан» (Баллон, 1967. С. 71). Данное утверждение справедливо как для устойчивых эмоциональных отношений, так и для складывающихся в конкретных ситуациях (см. Bandura, Huston, 1961). Исследования показали, например, что 6-летние дети детально копировали поведение экспериментатора только в том случае, если он предварительно устанавливал с ними очень теплые отношения, тогда как без этого условия отдельные действия они повторяли в противоположном направлении, как бы подражая наоборот (Раншбург, Поппер, 1983. С. 88). Случаи, когда некоторое лицо становится устойчивым образцом для мотивационного подражания, преобладающим источником для заимствования ценностей, вкусов, увлечений, взглядов, в литературе обсуждаются под названием идентификации или интроекции (Lazowick, 1955; Sanford, 1955). Естественно, что первым объектом для идентификации обычно служат родители. Данной стадии проявления мотивационного подражания исключительное значение придавал психоанализ, предложивший, правда, весьма специфическую трактовку движущих сил этого процесса, согласно которой ребенок идентифицируется не просто с родителем, а с потерянным объектом любви или с доминирующим половым конкурентом и агрессором (см. Freud, 1977. Ch. 9). Однако по мере приобретения ребенком самостоятельности и естественного смещения его интересов на более широкий, чем семья, мир объектом эмоци-

150

ональной привязанности становятся также другие люди и сверстники (Phillips, 1937. P. 299). На данной стадии развития мотивационного подражания более типичными, по всей видимости, являются случаи, когда источником для эмоционального заражения служит не отдельное лицо, а некоторая группировка людей, обычно из ближайшего окружения, идентифицируясь с которой человек безоговорочно принимает распространенные в ней культурные ценности и нормы. Такая склонность человека подчиняться мнению и вкусам окружающих людей выделяется в виде особой характерологической черты—конформности (Чудновский, 1971; Asch, 1956; Crutchfield, 1955). Конформность. Весьма показателен факт конституциональной обусловленности этой черты, о чем свидетельствует существование соответствующего типа психопатических отклонений (в форме так называемой акцентуации характера). Напомним основные его особенности: «Представители конформного типа—это люди своей среды. Их главное качество, главное жизненное правило—жить «как все», думать, поступать «как все», стараться, чтобы все у них было «как у всех»—от

одежды и домашней обстановки до мировоззрения и суждений по животрепещущим вопросам. Но под «всеми» всегда подразумевается привычное непосредственное окружение. От него они не хотят ни в чем отстать, но и не любят выделяться. ...В хорошем окружении — это неплохие люди и исполнительные работники. Но, попав в дурную среду, они постепенно усваивают все ее обычаи и привычки, манеры и поведение, как бы это ни противоречило всему предыдущему в их жизни и как бы пагубно ни было. <....> Конформность сочетается с поразительной некритичностью. Все, что говорится в привычном для них окружении, все, что они узнают через привычный для них канал информации,—это для них и есть истина. И если через этот же канал начинают поступать сведения, явно не соответствующие действительности, они по-прежнему долго принимают их за чистую монету» (Личко, 1983. С. 178—179). Конформный тип психопатической конституции не относится к числу широко признаваемых в литера-

туре (см. Гурьева, Гиндикин, 1980; Леонгард, 1981), однако это имеет простое объяснение. Поскольку по своей сути конформные люди—продукт своей среды, без взвешивания и переоценки принимающие обычные для нее культурные нормы и ценности, они (за исключением, конечно, крайних случаев) не привлекают к себе внимания, ничем особым не выделяясь среди окружающих²²; более того, в варианте «неплохих людей и исполнительных работников» они, можно думать, составляют костяк того, что называется «нормой». В отличие от других типов психопатических отклонений конформные люди производят впечатление исключительно социальной, а не природной детерминированности их развития, причем если иметь в виду содержательную сторону их ценностей, а не механизмы, на основе которых эти ценности формируются, то такое впечатление является совершенно верным. Свидетельствуя о природном происхождении механизма мотивационного подражания, данные о конформном типе акцентуации характера говорят также о больших различиях между людьми по выраженности у них этой особенности, которая зависит как от конституциональной предрасположенности, так и от условий воспитания, сглаживающих или заостряющих акцентуированные черты. Конформный тип представляет собой крайний полюс распределения людей по этой особенности. Противоположному полюсу наиболее соответствует шизоидный тип психопатий, у которого, например, «реакция эмансипации может легко оборачиваться социальной неконформностью—негодованием по поводу существующих правил и порядка, насмешками над распространенными идеалами, интересами, злопыхательством по поводу „отсутствия свободы“» (Личко, 1983. С. 138). В умеренной выраженности конформность представляет собой естественное условие для мотивационного развития людей, обеспечивающее, в частности, взаи-

²² «Этот тип относительно редко попадает в поле зрения психиатра. Видимо, если жизнь не требует большой гибкости, личной инициативы, умения быстро ориентироваться в стремительно меняющейся обстановке, адаптация бывает вполне удовлетворительной» (Личко, 1981. С. 88).

152

мозвязанность и синхронизацию этого процесса у отдельных лиц. Проявлению и закреплению конформных черт может способствовать общая невротизация человека, его боязнь быть самобытным, непохожим на других, принять ответственность за свободное самоопределение. Данная защитная функция конформизма, избавляющая от тревоги одиночества благодаря предпочтению стандартных ценностей и выбору такой же, как у многих, судьбы, особенно подчеркивалась Э. Фроммом: «...Человек перестает быть самим собой, он полностью усваивает тот тип личности, который ему предлагают модели культуры, и полностью становится таким, как другие, и каким они его ожидают увидеть. ...Человек, который уничтожил свое индивидуальное «Я» и стал автоматом, идентичным с миллионами других автоматов вокруг него, не испытывает больше чувства одиночества и тревожности. Однако цена, которую он платит, велика— это потеря самого себя» (1986. С. 173). Исследования показали, что страх увеличивает ситуативную конформность: испытуемые, которые находились под угрозой удара током, обнаруживали в эксперименте

большую готовность некритично разделять мнение группы по сравнению с людьми, удара током не ожидавшими (Darley, 1966). Возможно, что хронический страх способствует увеличению конформности как свойства человека и даже целой популяции. Эмоциональные процессы, лежащие в основе мимикрионного подражания, отчетливо рефлексированы в учении Б. Спинозы. Следующие его теоремы говорят о всеобщей эмоциональной связанности людей: ^Воображая, что подобный нам предмет, к которому мы не питали никакого аффекта, подвергается какому-либо аффекту, мы тем самым подвергаемся подобному же аффекту» (1917. С. 477); «Мы будем также стремиться делать все то, на что люди, по нашему воображению, смотрят с удовольствием, [наоборот—будем избегать делать то, от чего, по нашему воображению, люди отворачиваются» С. 479). Конечно, люди взаимозаражаются не только действиями, но и отношениями: «Если мы воображаем, что кто-либо любит, желает или ненавидит что-либо такое, что мы сами любим, желаем или нена-

видим, то тем постояннее мы будем это любить и т. д. Если же воображаем, что он отвращается от того, что мы любим, или наоборот, то будем испытывать душевное колебание» (С. 481). Хотя эти положения, описывающие эмоциональный процесс при наличии плана 'воображения, более подходят для характеристики динамики эмоций на уровне сознания, представляется, что в плане непосредственного отражения такие процессы происходят и у ребенка. Со времен формулировки Б. Спинозой этих теорем большого прогресса в постижении эмоциональных процессов, лежащих в основе мотивационного подражания, не произошло. Это приходится констатировать с сожалением, так как речь идет о процессах, играющих в жизни немаловажную роль. Если всеобщая эмоциональная связанность людей мало заметна в их взаимоотношениях, то только потому, что эмоции, в отношении тех, «к которым мы не питаем никакого аффекта», просто затеваются более выраженными эмоциями в отношении значимых лиц. Но такая связанность существует и, интегрируясь, вносит явный вклад в развитие ряда общественных явлений. Наиболее яркое социальное последствие механизма мотивационного подражания—это, конечно, явление моды, а также модоподобной, основанной на эмоциональном заражении, веры.

Высшие формы фиксации

Мотивационные «сдвиги». Обсуждавшийся материал позволяет заключить, что фиксация мотивационных отношений человека обеспечивается, в частности, природными механизмами, которые, проявляясь в условиях собственно человеческой психики, приобретают, разумеется, специфику, активно используются воспитывающими его силами, но ими не создаются. Особенно наглядно социальное применение природных механизмов выступает в случае мотивационного подражания; иногда такое применение принимает характер, можно сказать, эксплуатации, способной направить человека на службу любой, даже сумасбродной идее посредством организации ее истеричного приветствия среди окружающих людей.

154

факты использования общественными силами природных механизмов служат хорошей иллюстрацией тому, что категоричное противопоставление биологического и социального, «низшего» и «высшего» в развитии человека не соответствует действительности и что существуют как переходные, так и смешанные формы проявления этих выделяемых при помощи абстракции «факторов». Однако в дидактических целях, для обозначения полюсов, между которыми удобно располагать различные промежуточные формы, такое противопоставление может оказаться оправданным и полезным. Рассмотрим с учетом данной оговорки вопрос о «высших», социально детерминированных формах мотивационной фиксации. Активность, с которой в советской психологии подчеркивается социальное происхождение мотивации человека (Асеев, 1976; Ковалев, 1988; Якобсон, 1969), не привела к заметным результатам в описании конкретных механизмов и процессов, такую мотивацию формирующих. На общем скромном фоне внимание привлекает обозначенный А. Н. Леонтьевым процесс «сдвига мотива на цель», обеспечивающий развитие собственно

человеческой мотивации: «Рождение новых, высших мотивов и формирование соответствующих им новых специфических человеческих потребностей представляет собой весьма сложный процесс. Этот процесс и происходит в форме сдвига мотивов на цели и их осознания» (1972. С. 304). Возникновение данного процесса в антропогенезе связано с общественным разделением труда, потребовавшим выполнения действий, результаты которых сами по себе человеку не нужны и которые, следовательно, должны побуждаться мотивацией, происходящей от ценности совместно производимого и распределяемого продукта. Необходимость приобретения Целями трудовых действий устойчивого мотивационного значения от ситуативно не заданного и, как правило, значительно отсроченного конечного вознаграждения и определила возникновение механизма «сдвига мотива на цель», превращающего цели в «функционально автономные» мотивы. «Подобные 'сдвиги мотивов постоянно наблюдаются и на высших ступенях развития. Это те обычные случаи, когда

человек под влиянием определенного мотива принимается за выполнение каких-либо действий, а затем выполняет их ради них самих, в силу того, что мотив как бы сместился на их цель» (С. 302). Напомним, что в концепции А. Н. Леонтьева мотиву придается значение конечной цели деятельности, в приближении к которой человеку необходимо достичь ряда промежуточных целей, составляющих порой весьма сложную, иерархически организованную систему. Промежуточные цели приобретают мотивационное значение вследствие специальных процессов смыслообразования; такое значение, получаемое ими от мотивов, называется смыслом. Нетрудно видеть, что в контексте этих концептуальных представлений «сдвиг мотива на цель» не является особым процессом, это то же самое смыслообразование, только фиксирующееся, порождающее устойчивые, «функционально автономные» смыслы. К сожалению, положение о происходящих в иерархической организации целей мотивационных «сдвигах», означающих, по существу, переход от ситуативного к онтогенетическому развитию мотивации, не получило в обсуждаемой концепции (см. также Братусь, 1988. Гл. 4.1) более подробной разработки и конкретизации, что затрудняет, как отмечалось выше (см. с. 30), его приложение к фактам реальной жизни. Не уточнены отличительные признаки таких «сдвигов», позволяющие опознавать их среди подобных явлений. Покажем это на используемом А. Н. Леонтьевым примере. Первоклассник, изначально усаживаемый за приготовление уроков условием «не сделаешь уроки — не пойдешь играть», через неделю-другую начинает садиться за занятия по собственной инициативе, обнаруживая заинтересованность в получении хороших отметок. Формально, по внешним признакам этот пример как бы соответствует феномену «сдвига мотива на цель»: приготовление уроков как цель, навязанная взрослым в качестве условия для реализации игрового мотива, через некоторое время приобретает независимое от него мотивационное значение. Но в действительности такой «сдвиг» здесь не происходит, а пример иллюстрирует обычное развитие учебной мотивации, в котором игровой мотив вы-

156

полняет явно случайную роль: взрослый мог с таким же успехом усадить ребенка за уроки, используя любое другое вознаграждение или наказание. Кажется, что именно так этот пример, изначально приводимый для иллюстрации «сдвига», в итоге интерпретирует и сам автор: «Ребенок начинает с того, что добросовестно готовит уроки, имея в виду скорее пойти играть. В результате же это приводит к гораздо большему: не только к тому, что он получает возможность пойти играть, но и к хорошей отметке. Происходит новое «опредмечивание» его потребностей» (1972. С. 513). Очевидно, что в выполнении любой деятельности, независимо от того, каким именно потребностям она отвечает, человек может столкнуться с условиями, затрагивающими другие его потребности: одно может задевать нравственные или эстетические чувства, другое — потребность в безопасности, достижениях, самоутверждении и т. п. Такие столкновения способны оставить самые значимые следы в мотивационном развитии человека, причем безотносительно к мотивам изначальной деятельности. Она, как и упоминавшееся выше подражание-повторение, лишь создает возможность для такого развития, но

целиком его не определяет, как не определяет, например, музыка или спорт выбора спутника жизни даже если встреча с ним состоялась благодаря этим занятиям. Случаи такого побочного развития в деятельности мотивации, предполагающего актуализацию и подключение «внешних» для нее потребностей, принципиально отличаются от случаев внутридеятельност-ных мотивационных «сдвигов», означающих передачу мотивом своего значения промежуточной цели и приобретение ею относительной функциональной автономности. Такую автономность могут приобрести, например, определенные показатели мастерства в той же музыке или спорте, достижение которых требует многолетних систематических усилий. Представляется, что выражением «сдвиг мотива на цель» целесообразно обозначить только последние случаи, более соответствующие буквальному его значению. Конечно, в реальной жизни одно другого не исключает, поэтому стремление к некоторому уровню мастерства может определяться и «сдвигом» соб-

ственно профессиональной мотивации, и затрагиваю щей «побочные» потребности перспективой получения почетного квалификационного звания. Эмоциональные «смещения». Идея мотивационных «сдвигов», происходящих в иерархии достигаемых человеком целей, получила дальнейшее развитие в книге В. С. Магуна (1983; см. также 1985), став основой для оригинального описания организации человеческих потребностей²³. Явление «сдвига мотива на цель», имеющее в концепции А. Н. Леонтьева статус скорее частного феномена, в данной работе под названием «смещения эмоциональных переживаний в сторону ценностей более высоких порядка?» (1983. С. 35) возводится в универсальный принцип, определяющий не только онто-, но и филогенетическое развитие мотивационной сферы. В результате многоступенчатых и постоянных мотивационных «смещений» с конечной на все более отдаленные в иерархии условия, средства, промежуточные цели формируется система инструментально соподчиненных по зитивных ценностей или благ, опосредствованность которых может быть «в принципе сколь угодно высоких порядков» (С. 34). Поскольку 'понятия блага и потребности сопряжены, согласно В. С. Магуну, так, что наличие/отсутствие блага означает отсутствие/наличие потребности, соответствующую иерархическую организацию в результате эмоциональных «смещений» приобретает и система человеческих потребностей: «Отсутствие блага первого порядка—хлеба... будет потребностью первого порядка, отсутствие благ второго порядка — муки, приспособлений для выпечки хлеба и труда пекаря—потребностью второго порядка, отсутствие \ благ, производящих блага второго порядка—мельницы, пшеницы, труда, нужного для производства МУКИ,—потребностью третьего порядка и т. д.» (С. 9). Положение о постоянно происходящих масштабных эмоциональных «смещениях» находится в согласии с фактом всеобщей мотивационной значимости явлений, с которым мы сталкивались, обсуждая фе-

²³ Более развернутая рецензия книги дана в работе: Врф-люнас, 1985.

номенологию человеческой мотивации. Рассматриваемый со стороны своего происхождения этот факт ставит вопрос о процессах, придающих мотивационное значение отражаемым явлениям. Признание обычности и универсальности мотивационных «сдвигов-смещений» частично освещает этот вопрос. Однако такое признание требует уточнения. Так как пищевые вещества, необходимые человеку, содержатся и в хлебе, и в муке, и в пшенице, легко согласиться, что эти предметы, а также соль, дрожжи, вода приобретают для него мотивационное значение. Но происходят ли дальнейшие эмоциональные «смещения» от ожидаемого хлеба на спички, которыми нужно разжечь печку, на лавку, в которой их можно купить, на соседа, который обещал завезти дрова, и т. п.? Таким образом, при признании многоступенчатых мотивационных «смещений» по цепочке условий и предметов, опосредствующих удовлетворение потребности, принципиальным становится вопрос о границах этого процесса. Означает ли возможность опосредствования «сколь угодно высоких порядков» существование потребностей, например, затачивать карандаши, застегивать пальто, поднимать для этого руку и т. п.? Существование таких границ в работе В. С. Магуна явно

предполагается и объясняется интенсивно используемым принципом автоматического возникновения эмоций: «Эмоциональные переживания человека, которые отражают его потребности и блага, могут возникать автоматически или же в результате специальных познавательных усилий субъекта» (1983. С. 26—27); «В процессе повторных восприятии одной и той же последовательности событий ценности более низкого порядка начинают пропускаться сознанием, как бы проговариваться скороговоркой, и в конце концов в сознании остаются только ценности более высокого порядка, которые теперь непосредственно порождают эмоциональное переживание. Это чрезвычайно расширяет круг потребностей и благ, ценность которых отражается субъектом автоматически, без специальных познавательных усилий» (С. 34). Представляется, что для констатации факта происшедшего мотивационного «смещения» критерий

«автоматики эмоциональных оценок» терминологически не самый удачный, вместо него более верно подчеркивать непосредственное возникновение эмоций. Дело в том, что автоматически, именно без специальных усилий субъекта могут возникать как эмоции в отношении непосредственно мотивационно значимых явлений, так и развивающиеся из них ситуативные эмоции >в отношении связанных с этими явлениями обстоятельств. Благодарность оказавшему помощь лицу, злость, с которой человек отшвыривает поранивший его предмет, возникают столь же автоматически, как и породившие эти переживания не посредственные эмоции—радость по поводу разрешения затруднения, боль. Такие автоматические эмоциональные переключения еще не означают мотивационного «сдвига». Серьезно поранивший себя человек может долго помнить опасность предмета, осторожно с ним обращаться, прятать от детей, но может, считая причиной неприятного события исключительно собственную небрежность, остаться в прежнем к нему отношении. Наиболее существенный момент эмоциональных «смещений» — в обсуждаемом феномене мотивационной фиксации, в том, произошла она или нет, так как именно фиксация обеспечивает непосредственное эмоциональное восприятие предмета в будущем. Подводя итоги, отметим, что рассмотренные представления о специфических для человека механизмах онтогенетического развития мотивации скорее констатируют, чем объясняют, такое развитие. Будучи переведенными на применяемые нами термины, как мотивационные «сдвиги», так и эмоциональные «смещения» означают не что иное, как фиксирующиеся эмоциональные переключения, происходящие в условиях собственно человеческого «образа мира». В концепции А. Н. Леонтьева такие переключения, по существу, только обозначены, причем внимание в ней уделяется только переключению на промежуточные цели. В работе В. С. Магуна, как отмечалось, признаются значительно более многочисленные и многоступенчатые эмоциональные переключения и фиксации не только на активно достигаемые цели, но и на средства и условия деятельности. Данное отличие объясняется тем, что механизм «сдвига мотива на цель» обеспечивает по предположению возникновение безусловных, «функционально автономных» мотивационных отношений, т. е. предназначен для описания особых событий в развитии мотивации человека, тогда как эмоциональные «смещения» охватывают также и значительно более обычные и повсеместные случаи формирования условных, производных отношений. Действительно, ситуативное переключение эмоций происходит постоянно как под влиянием воспитательных воздействий, так и в результате выявления самим человеком новых условий и обстоятельств, имеющих отношение к его потребностям. Каждый раз, когда такое переключение оставляет след, имеет место эмоциональное «смещение». Отметим, что ключевой момент этого процесса— само образование эмоционального следа, или мотивационная фиксация, условия, при которой она совершается либо не совершается,—в рассмотренных работах не освещается. Фиксация намерений. Любопытные выводы, показывающие условность противопоставления устойчивых и ситуативных мотивационных отношений, могут быть сделаны из развивавшихся в школе К. Левина представлений о квазипотребностях и тесно с ними связанных феноменах

принятия намерений (Lewin, 1951). Квазипотребности в данной концепции понимались как производные от «истинных» потребностей динамичные напряжения отдельных областей в системе личности, стремящиеся к разрядке путем побуждения к достижению определенных целей. Поскольку достижением цели или, если цель недостижима, путем диффузии или совершением замещающих действий напряженная система разряжается, квазипотребности имеют преходящий, ситуативный характер. По существу квазипотребности представляют собой актуализировавшиеся в отношении некоторой частной цели истинные потребности: «Левин предпочитал говорить о действиях и поступках, побуждаемых квазипотребностями, так как именно они и являются механизмами нашей повседневной деятельности и потому, что они иерархически связаны с истинными (по терминологии Левина, между обоими видами потребностей существует коммуникация)» (Зепгарник, 1981. С. 19—20).

160

В К Внлюнас

161

Учение о квазипотребностях и намерениях создавалось на начальном этапе разработки концепции К. Левина и не заняло важного места в последующем ее развитии, чем, по-видимому, объясняется некая неопределенность этих понятий и расхождение в их трактовке разными авторами. Так, Л. И. Божович, рассматривая намерение в виде «качественно новых по своему строению психологических образований, выполняющих функцию побудителей поведения, ...специфичных только для человека» (1972. С. 34), утверждает, что К. Левин «назвал намерения квазипотребностями» (С. 35), т. е. фактически оба понятия не различает. Х. Хекхаузен же их различает, утверждая, что квазипотребности «часто возникают из намерения», но «могут, однако, образовываться и без акта намерения» (1986. Т. 1. С. 185). В качестве примера последнему случаю приводится подчинение испытуемого указаниям экспериментатора, которые принимаются без предварительного намерения. Однако Б. В. Зейгарник отмечает, что «само намерение - «быть испытуемым» является механизмом, порождающим квазипотребность» (1981. С. 20). Согласно К. Левину, «динамически намерение определяется как формирование квазипотребности» (Lewin, 1951. Р. 152). Очевидно, что эти слова не позволяют отождествлять оба понятия. Они, несомненно, тесно связаны, относятся к одному и тому же феномену, однако описывают разные его аспекты. Различия в понимании квазипотребностей и намерений могут определяться, в частности, тем, как широко трактуются эти явления, какое место им отводится в планах, составляемых человеком на будущее. Фактическое использование этих понятий в исследованиях, проводившихся в школе К. Левина, создает впечатление, что принятие намерения представляет собой распространенное явление в жизни человека, имеющее место, например, при каждом согласии выполнить чью-то отсроченную во времени просьбу. Однако К. Левин утверждает: «К своему удивлению мы обнаруживаем, что акты принятия намерений не являются очень частыми» (Р. 144). Это объясняется тем, что те решения, выполнение которых в будущем способно произойти без особых усилий субъекта, на основе законов полевого поведения,

К. Левин к намерениям не относит: «Намерение... возникает только при условии некоторого предвидения... причем когда, предвидимая ситуация не содержит такие валентности, которые могли бы сами вызвать желаемое действие в виде собственно полевого поведения. Намерение возникает также в условиях, когда предвидимая ситуация способна привести к полемому поведению, противоположному к желаемому» (Р. 149). Таким образом, решения, касающиеся всевозможных произвольных, импульсивных, побуждаемых непосредственно потребностями или ситуацией действий, к намерениям отношения не имеют. Однако надо сказать, что различить такие решения и собственно намерения в реальных фактах жизни не всегда легко, поскольку отчетливой границы между ними, как мы увидим дальше, не существует. Что касается собственно намерений, то среди них важно различать по крайней мере два вида, которые по принятой терминологии могут быть обозначены как произвольные и волевые: такие, которые возникают спонтанно, естественно, без внутреннего сопротивления (например, сообщить что-то при встрече человеку, купить нечто при

случае и т. п.), и такие, которые возникают как следствие борьбы различных побуждений, вытекают из понимания необходимости ^ некоторого поведения (посвятить целый день непри влекательному делу). В концепции К. Левина данному различению соответствует выделяемый параметр интенсивности акта намерения: «/< акту принятия намерения вынуждены прибегать лишь тогда, когда нет естественной потребности для данного действия или даже налицо естественная потребность противоложного характера. Если акт намерения не вытекает из настоящей потребности, то он обещает мало Успеха. Но именно в этом случае, когда нет настоящей потребности, ее обычно пытаются заменить «интенсивным актом намерения». Несколько заострив, Можно сказать, что либо нет нужды образовывать Особое'намерение, либо же оно обещает-мало успеха» (1979. С. 142—143). Отсутствие необходимости в «особом намерении» не означает, по всей видимости, отсутствия намерения вообще, а относится к ^учаю спонтанного его возникновения, обычного

«функционирования намерения в рамках... естественных потребностей» (там же). Следует особенно подчеркнуть, что от реально действующих ситуативных побуждений намерения' отличаются прежде всего направленностью на отсутствующие, перспективные цели: «Каждое намерение связано с будущим, это означает, что речь идет о собственно намерении только тогда, когда что-то на мечается сделать позднее. ...Между актом принятия намерения и выполнением намерения существует временный интервал, в течение которого напряженная система существует, но временно не проявляет себя» (Биренбаум, 1979. С. 136). Учитывая это, намерение можно охарактеризовать как сохраняющееся на протяжении определенного времени ситуативное мотивационное побуждение. Именно данной своей особенностью—сохранением во времени мотивационного значения перспективной цели—намерение примыкает к обсуждаемой проблеме мотивационной фиксации как особый случай ограниченной во времени, преходящей фиксации.' В школе К. Левина был разработан ряд методических приемов для экспериментального изучения динамики намерений, получивших широкую известность и применявшихся в многочисленных исследованиях и за пределами этой школы (см. Зейгарник' 1981; Славина, 1972; Хекхаузен, 1986. Гл. 5). Намерения в экспериментах создавались при помощи обычной инструкции испытуемому сделать нечто,'н не сразу, а через некоторое время. Более специфический прием экспериментального формирования намерения состоял в неожиданном прерывании начатых испытуемым действий; было обнаружено, что созданная инструкцией квазипотребность достичь не которой цели, несмотря на последующую ее «отмену» экспериментатором, некоторое время сохраняется и проявляется в виде стремления завершить действия при появлении возможности (исследования М. Овсянкиной; см. Lewin, 1951; Nowlis, 1941). Прямым показателем сохранения намерений служило их выполнение испытуемым или забывание (Биренбаум, 1979; Левин, 1979). Косвенным—запоминание испытуемым особенностей прерванного действия (Зейгарник, 1979). Большое внимание уделялось выявлению

условий, сказывающихся на сохранении намерений, в частности способности квазипотребностей разрядиться вследствие совершения так называемых замещающих действий, направленных на цели, которые в том или ином отношении' сходны с целью изначального намерения. Проведенные экспериментальные исследования вскрыли большое число конкретных фактов и зависимостей, характеризующих проявление намерений и квазипотребностей. Не вникая в частности, отметим, что в целом они кроме убедительной демонстрации существования этих ситуативных мотивационных образований показали прежде всего их исключительную динамичность, способность взаимодействовать (.ком.муницировать) между собой, терять силу и восстанавливаться в зависимости от множества условий, часто испытуемым не осознаваемых. В совокупности эти данные свидетельствуют о полевой регуляции поведения человека в конкретной ситуации, о том, что его поступки являются итогом взаимодействия целой системы побуждающих в данный момент сил а что каждая новая деталь,

появившаяся в окружении, способна изменить баланс этих сил, придать действию дополнительную привлекательность или лишить ее. Один из главных источников, вносящих изменения во взаимодействие ситуативных побуждений,—это, бесспорно', принятые раньше намерения. Так, появление в ситуации знакомого человека может актуализировать намерение что-то ему рассказать, которое способно усилить побуждение быстрее освободиться от выполняемой деятельности или перевести его в намерение завершить ее в будущем. В контексте проблемы мотивационной фиксации центральная особенность намерения состоит в его способности сохраняться, причем не в виде длящегося состояния сознания, а с переходом из плана актуального субъективного переживания в план памяти, мотивационных установок, и обратно. В более подробном описании сохранение намерения означает, что то мотивационное значение, которое приобретает в ситуации некоторая цель, способно фиксироваться и через некоторое время в подходящей или заранее Нѐмеченной ситуации актуализироваться, побуждая человека к ее достижению.

Подчеркнем, что речь идет именно об отсроченном и сохраняющемся побуждении, а не о когнитивном припоминании принятого намерения. Последнее имеет место в случае, когда человек, например, с удивлением вспоминает свое вчерашнее намерение с кем-то решительно объясниться, понимая, что был разгорячен и что ни к чему такое объяснение не приведет; если же решительность сохраняется при каждой мысли о предстоящем разговоре, если эти мысли возникают очень часто и без видимого повода, то это означает наличие напряженной и ищущей разрядки квазипотребности, необъяснимой, очевидно, припоминанием принятого намерения. Однако в реализации собственно волевых намерений такое припоминание может использоваться для создания дополнительного побуждения к недостаточно привлекательной цели; человек в таких случаях убеждает себя: «Раз решил—придется сделать», тем переключая на цель желание быть хозяином своего слова, относящееся к «эго» мотивации. Проблема «дальних» намерений. Данные о динамике ситуативных намерений и рассмотренные выше представления об онтогенетических мотивационных «сдвигах» могут быть сближены и даже объединены постановкой вопроса о пределах сохранения намерений во времени. В школе К. Левина экспериментально изучались преимущественно намерения ближней перспективы, ограниченные пределами создаваемых ситуаций. Однако, согласно концепции этого автора в «жизненном пространстве» представлены не только ближайшие, но и самые отдаленные моменты представляемого будущего, составляющие единую «временную перспективу» (Анцыферова, 1960; Зейгарник, 1981). Правда, К. Левин был склонен к феноменологическому описанию этой перспективы, при котором прошлое и будущее выступают «как части психологического поля в данный момент»: «Важно осознать, что психологическое прошлое и психологическое будущее являются одновременными частями психологического поля, существующего в данное время t Согласно теории поля, поведение любого типа зависит от всего поля данного момента, включая временную перспективу, но не зависит от какого-либо прошлого или будущего-

166

го поля с его временной перспективой» (1980. С. 139). Такое понимание временной перспективы вполне правомерно. Нельзя не согласиться с тем, что любое событие прошлого и будущего способно влиять на поведение, только являясь в какой-то форме представленным в образе настоящего. Однако, это понимание не исчерпывает всей проблемы: при более отстраненном взгляде, сопоставляющем прошлое поле с полем прошлого в данный момент, нельзя не видеть сохраняющиеся связи, которые, собственно, и обеспечивают представленность прошлого в настоящем. В стремлении не выходить за пределы феноменологического поля в «не психологическую» проблему фиксации и сохранения следов, К. Левин с этим затруднением боролся топологическим растяжением «ситуативных единиц». Однако более простым, по-видимому, является решение, которое наряду с изменчивой феноменологической временной перспективой «в данный момент» выделяет более устойчивую жизненную перспективу как параметр «образа мира», сохраняющую планы и ожидания человека и тогда, когда он о них не вспоминает, т. е. субъективно

переживаемую по мере необходимости. Данный параметр является предметом многочисленных эмпирических исследований (см. Головаха, Кроник, 1984; Van Calster a. o., 1987). Поставленный выше вопрос о пределах сохранения намерений касается весьма ответственной активности человека по формированию дальних жизненных планов. С точки зрения обычного, значения слов вполне допустимо утверждать, что такие планы состоят из ряда принятых конкретных намерений, но эквивалентны ли они психологически намерениям на ближайшее время? Что отличает, например, намерение заняться вечером иностранным языком и намерение изучить его к определенному сроку вообще, если оба они одинаково действенны и тверды? Отличия количественного порядка очевидны, но являются ли они также качественными, принципиальными? Сравним условия, при которых принимаются намерения ближней и дальней ориентации. Как предстоящий день, так и предстоящий месяц или год существуют для человека в плане представлений. Чем

с психологической точки зрения отличаются представления о более и менее отдаленной будущей жизни в «образе мира»? Отличия есть, но многие из них являются относительными, допускающими исключения, перемешивающимися. Так, более близкие события обычно отличаются большей определенностью и могут более точно предвосхищаться, но это не абсолютное правило; для человека на военной службе ближайший месяц может быть более определен, чем завтрашний день для человека, ощущающего себя заболевающим. То же самое можно сказать о большей сложности, многовариантности отдаленного будущего; юноша от предстоящего года может ждать многих поворотов судьбы, для пожилого человека этот отрезок времени может означать только очередной шаг в избранном направлении жизни. Ближняя и дальняя временная перспектива находятся скорее всего в разных областях упоминавшегося градиента реальности, что проявляется в большей эмоциональности, непосредственной побуждаемости близких событий (Горфункель, 1967), однако из-за неизученности этого градиента утверждать что-либо определенное в его отношении трудно. Более важным представляется сходство условий, определяющих принятие человеком близких и дальних намерений. Действительно, независимо от того, обдумывает ли человек предстоящий день, неделю или год, он неизбежно воспринимает себя находящимся в определенной жизненной ситуации, отражаемой в «образе мира». Его потребности проецируются в такую ситуацию в виде многочисленных сложившихся к тому моменту конкретных мотивационных отношений, открывающих ценность, желательность не только наличных предметов и явлений, но и возможных их изменений. Образ будущего представляет собой такое же мотивационное поле со своими валентностями, барьерами, более или менее привлекательными целями, как и образ настоящего. Взаимодействие образующих это поле сил ранжирует по степени желательности те или иные поступки, события, выборы, решения, возможные на любой точке жизненной перспективы. Однако само по себе взаимодействие мотивационных отношений решает судьбу человека разве только

168

в случае сильной, подавляющей разум страсти. К. Левин недооценивал значения активности субъекта, процессов, названных Ж. Р. Нюттенем когнитивной разработкой потребностей (Nuttin, 1964)²⁴. Между тем эта активность порой, особенно перед важными жизненными выборами, бывает весьма интенсивной и сложной. Принимая решение в отношении некоторой отдаленной цели, человек должен выяснить и оценить как объективные возможности и условия ее достижения, так и собственные возможности—способности, умения, трудолюбие и т. п.²⁵ Готовность других людей помочь или возможные препятствия с их стороны, энергетические, временные, финансовые потери, которые повлечет достижение цели, и много других обстоятельств должны быть по мере возможности безошибочно учтены перед принятием решения. Намерение достигать определенную цель, возникающее в результате принятого решения, является, таким образом, следствием не только расклада и соотношения мотивационных сил во временной перспективе «образа мира», но и познавательного уточнения и осмысления целостной жизненной ситуации,

охватывающей то, что есть, и то, во что оно должно превратиться, наличное и возможное. В обобщенном виде деятельность человека по планированию своей жизни можно изобразить как про-сматривание время от времени различных как более, так и менее отдаленных зон жизненной перспективы и многократное решение в разных масштабах, однако одной и той же задачи—каким образом при минимальных усилиях максимально продвинуться в Удовлетворении своих потребностей. Мотивация открывает в «образе мира» желательное, интеллект, знания, опыт — возможное. Согласовывая одно с дру-

²⁴ «Интеграция потребностей в целостном проявлении личности означает, что они существуют у человека и влияют на его поведение не в форме обезличенных энергетических качеств, а в виде «персонализированных» планов и задач» (Nuttin, 1957. P. 195). ²⁵ «...Одно из условий нормального функционирования человека — это правильное распознавание своих объективных потребностей и формулировка соответствующих задач на основе знания ситуации и собственных возможностей» (Obuchowski, 1985. S. 109).

гим, человек может принимать и перепринимать решения расчетливо или интуитивно, с большим или меньшим риском, самостоятельно или обращаясь за советами, жестко или альтернативно, однако в любом случае принятие решения означает формирование намерения, т. е. направленного на будущее побуждения, имеющего производное от целостной жизненной ситуации мотивационное значение. Как следствие целостной ситуации возникают не только частные намерения — прочитать книгу, нанести кому-то визит, но и фундаментальные — написать книгу, объехать мир, приобрести определенную профессию, иметь много детей. Важно подчеркнуть, что по условиям, движущим силам и механизмам формирования намерения разной фундаментальности и временной отнесенности возникают сходным образом. Действительно, где в цепочке или иерархии принятых намерений, составляющих, по сути, план жизни, может быть проставлена черта, разделяющая их на разные классы? На какое количество суток вперед от настоящего момента должно быть направлено намерение для того, что бы отнести его к ближним или дальним? Ни формальных, ни принципиальных оснований для такого критерия нет, и фактически намерения разной удаленности составляют однородный континуум. Но это значит, что намерение посвятить ребенку, живописи или продвижению некоторой идеи ближайшее воскресенье, летний отпуск или всю оставшуюся жизнь — явления при всей разномасштабности психологически эквивалентные. Исключительную роль сознательно принимаемых намерений в жизни человека подчеркивает К. Обуховский, в концепции которого эти психологические образования называются задачами и характеризуются как «основа теории дальней мотивации»; по словам этого автора, «одна из важнейших, если только не самая важная детерминанта функционирования человека — это его задачи, то положение вещей, достижение которого он принимает как свое, вытекающее из собственных намерений» (Obuchowski, 1980. S. 109). В работах польского психолога разрабатываются вопросы об организации системы задач-намерений (в исследованиях взрослый человек обычно

170

указывает от 8 до 30 таких задач; там же. С. 259), типах связи между ними, роли системы задач в развитии личности и др. Отметим, что К. Обуховский резко противопоставляет дальние и ближние задачи как «основанные на совершенно различных механизмах» (С. 251). Однако данная точка зрения не противоречит тому, что утверждалось о сходстве дальних и ближних намерений выше, поскольку исходит из представления «...о существовании по крайней мере двух отдельных мотивационных систем: ближней и дальней мотивации; ближней мотивации, основанной на принципе редукции физиологических напряжений, которые вызываются определенными состояниями, навязываемыми индивиду ситуациями, состоянием организма или содержанием внутреннего опыта, и дальней мотивации, основанной на принципе регуляции активности задачами» (С. 257—258). Не может быть сомнений в том, что намерения, возникающие на основе голода, боли, усталости, страха, т. е. относящиеся к органической мотивации, принципиально отличаются от намерений, связанных с дальними жизненными планами. Однако, говоря о сходстве дальних и ближних намерений,

под последними мы имели в виду не «задачи», создаваемые непосредственным проявлением биологических потребностей («физиологические напряжения»), а намерения, более опосредствованные и явно не физиологического происхождения, такие как намерение помочь человеку, навести порядок в квартире, дочитать учебник, несмотря на то что хочется спать и болит голова. Какой бы дальней ни была бы мотивация, в конкретных ситуациях и в реальной деятельности она реализуется через такого рода ближние намерения, производные от нее, но ей принципиально не противопоставимые. Намерения в общей картине мотивации человека. Чем вооружает предположение о родственности дальних и ближних намерений, что оно добавляет в понимание собственно человеческой мотивации? Прежде всего оно означает, что представления К. Левина о квазипотребностях и намерениях имеют более широкое значение и применение, чем то, которое им традиционно отводится в литературе. Квазипотребность в качестве целенаправленно стремящегося к

разрядке и коммуницирующего напряжения является феноменом не только собственно ситуативного раз вития мотивации, сохраняющимся как бы по инерции и влияющим на поведение в пределах ближайших дней. Проявляясь в образе будущего, такие напряжения, возникающие в результате принятых намерений, способны сохраняться любое намеченное время, побуждая человека к достижению крупномасштаб ных целей и, по всей видимости, тоже коммуницируя сложным образом. По утверждению Б. В. Зейгарник, «если «перевести» терминологию Левина на современный язык, то с некоторой натяжкой можно сказать, что Левин предвосхитил идею об иерархическом построении квазипотребностей» (1981. С. 34). Можно 'добавить, что эта иерархия не исчерпывается намерениями на ближайшее время, а охватывает всю жизненную ^ перспективу «образа мира». Согласно К. Обуховскому, индивидуальная система задач-на мерений кроме собственно иерархической может иметь еще разрозненную, линейную, неполную и псевдоиерархическую организацию (Obuchowski, 1985. S. 264). Рассматриваемая со стороны механизма фиксации квазипотребность отличается особым, динамич ным и преходящим, характером закрепляющегося мотивационного значения. Уловить и описать все тонкости этой специфики трудно, 'поскольку психо логическую природу намерения нельзя считать яс ной²⁶. Однако различия между устойчиво фиксированным мотивационным значением, которое для человека имеют, например, природа, болезнь, любимый человек или даже его фотография, и квазилотреб-ностной фиксацией буквально целевого назначения, часто привязанной не только к 'самой цели, но и к определенному сроку или ситуации, представляются достаточно заметными. Мотивационное значение уче-

²⁶ Левиновское напряжение областей в системе личности представляет собой, по существу, схематизирующую аллегорию: сам К. Левин дал следующую характеристику своему подходу: «Теорию поля, следовательно, нельзя назвать правильной или неправильной как теорию в обычном смысле слова. Возможно, лучше всего теорию поля можно характеризовать как метод, а именно метод анализа причинных, соотношений и построения научных конструкций» (1980. С. 133).

172

бы, заманчивой поездки или ремонта квартиры может сохраняться очень долго и резко измениться после достижения этих целей. Своеобразие мотива-ционной фиксации в случае квазипотребности состоит в том, что она придает предметам мотивационное значение, промежуточное между собственно устойчивым и ситуативным: оно устойчиво, но в течение некоторого времени, готово как разрядиться, исчезнуть, так и неограниченно сохраняться. Представление о существовании квазипотребностей и намерений любой продолжительности позволяет сделать несколько выводов, уточняющих особенности человеческой мотивации. Во-первых, из него следует, что наряду с обсуждавшимся выше «сдвигом мотива на цель» для человека весьма характерны процессы, которые могут быть по аналогии обозначены как «сдвиг мотивации на щель», что означает переключение на цель значения целой системы мотивирующих факторов. Речь идет о случаях, 'когда намерение принимается на основе осмысления целостной

жизненной ситуации, например при выборе профессии. Очевидно, что за решением человека в такого рода выборах стоит не «сдвиг» некоторого единичного мотива, а сопоставление и взвешивание множества положительных и отрицательных мотивационных последствий решения, совокупное значение которых и фиксируется на квазипотребностной цели. Случаю собственно «сдвига мотива на цель» более соответствует дальнейшее развитие 'квазипотребности, возникновение в ее пределах иерархически подчиненных намерений, например, выучить иностранный язык, необходимый для выбранной профессии. Однако нужно отметить, что и в таких случаях «сдвигающийся» мотив является главным, в терминологии А. Н. Леонтьева—смыслообразую-Щвм, но 'не единственным, поскольку 'принятие намерения происходит в конкретных жизненных ситуациях и испытывает уточняющее влияние со стороны внешних для квазипотребности мотивирующих факторов; от таких факторов может зависеть, будет ли человек изучать язык самостоятельно или же примет намерение воспользоваться специальными курсами.

Во-вторых, представление о квазипотребностях и намерениях в отношении дальней жизненной перспективы создает возможность обозначить в системе разввиваемых взглядов на мотивацию понятия потребности и мотива. Формирование квазипотребности, обеспечивающей сохраняющееся стремление к достижению жизненной цели, собственно и представляет собой случай возникновения «вышей», или социогенной потребности. Действительно, в отличие от базовых, природно присущих человеку потребностей, онтогенетическое развитие которых состоит в своего рода экспансии в «образе мира» и охвате все более опосредствованного предметного содержания, квазипотребности как итог сопоставления и взвешивания множества идущих от базовых потребностей побуждений и когнитивной оценки возможности их реализации являются следствием концентрации мотивации на реально достижимые цели и имеют исключительно онтогенетическое происхождение. В отношении к базовым потребностям они имеют производный, субъектно-санкционированный, поливалентный характер. Ключевую роль в возникновении «выших» потребностей играют процессы мотивационной фиксации; можно думать, что фиксация и сохранение активного мотивационного отношения к некоторой жизненной цели составляет их главную конституирующую особенность. Намерения, принимаемые в результате поиска способов оптимального удовлетворения базовых потребностей, спроецированных на образ жизненной ситуации в виде многочисленных мотивационных отношений к явлениям действительности, наиболее соответствуют традиционному значению понятия мотива. Поведение человека определяется не только такими мотивами, но и побуждениями, вызываемыми внешними факторами. Однако на фоне более или менее развернутых и важных жестов, действий, разговоров и поступков, которые постоянно совершаются человеком в складывающихся ситуациях под влиянием экзогенно актуализируемой мотивации, явно выделяется генеральная линия его деятельности, направленная на последовательность заблаговременно намеченных и активно преследуемых целей. Поэтому конечные цели этой последовательности, а также приобретающие автономность промежуточные цели

являются мотивационными образованиями, заслуживающими особого выделения под названием мотивов. В-третьих, специфика квазипотребностной фиксации состоит в том, что «сдвиг», или, вернее, концентрация, фокусировка мотивации на некотором мотиве, даже очень важном, может иметь временный характер. Это значит, что сильнейшая поглощенность человека некоторым делом ничего не говорит о том, как долго и в каком виде она сохранится в будущем, поскольку это сохранение определяется не закономерностями аффективной памяти, закреплением и угашением в ней следов, а особенностями принятого намерения. В типичном случае резкое изменение побуждающего значения мотива наступает после его достижения или вследствие убеждения в его недостижимости, однако это не единственные детерминанты. Человек, твердо решивший ждать ответа от колеблющейся невесты не больше года или, например, выходить, дождавшись определенного возраста, на пенсию, тем заранее и произвольно

намечает срок изменения своих мотивационных отношений. Настоящий переворот в этих отношениях может произвести болезнь или другие события, существенно изменяющие жизненную перспективу. Таким образом, в отличие от абсолютно устойчивых мотивационных значений предметов базовых потребностей мотивы имеют значение, которое устойчиво, 'но при определенных условиях: до момента их достижения, в течение некоторого срока и др. Это объясняется их производным характером, тем, что в конкретных мотивах мотивация как бы кристаллизуется, «сгущается» в условиях определенной жизненной ситуации; изменение этой ситуации способно обесмыслить мотив, повлечь своего рода «сдвиг обратно» и придать мотивационное значение альтернативному мотиву. И в-четвертых, производность возникающих высших потребностей от целостной жизненной ситуации позволяет уточнить представление о функциональной автономности мотивов человека. Мотив как предмет квазипотребности, приобретающий мотивационное значение [В 'момент формирования намерения и сохраняющий его до ее разрядки, несомненно обладает этим 'качеством. Фиксация мотивационного значения

таких предметов обеспечивает автоматическое побуждение к ним человека без раскрытия мотивации определившей эту фиксацию в онтогенезе; студент не начинает каждый новый день с осознания того, для чего ему нужна учеба, конечно, если в учебное заведение его привела реально переключившаяся на учебу 'мотивация, а не волевое намерение, требующее мотивационной поддержки. Однако важно подчеркнуть, что функциональная автономность мотивов является относительной и не означает их полной автономности, так как генетическая связь с породившей их мотивацией обычно сохраняется. Человек, со всей отдачей и поглощенностью строящий дом, едва ли останется 'в этом состоянии, если изменившаяся жизненная ситуация сделает дом для него больше ненужным. Он может продолжать «болеть» за стройку, стараться передать ее в руки, которые с такой же старательностью доведут ее до конца, но это говорит о том, что прошлые увлечения могут остаться дорогими человеку как факты биографии, о некоторой инертности, самостоятельной динамике высших потребностей, но не об их полном отделении от породившей мотивации. Отметим, что в отношении мотивов, выделившихся из целостной жизненной ситуации, в принципе не существует конкретных вышестоящих мотивационных образований, которым они были бы иерархически подчинены. Представляется, что данное обстоятельство—подчиненность таких мотивов не конкретному образованию, а неопределенной и трудно выявляемой целостной мотивации — усиливает впечатление их «функциональной автономности», а может быть даже 'создает 'иллюзию такой автономности.

Таковы результаты ознакомления со специфически человеческими формами мотивационной фиксации. Подведем общий итог обсуждению этой проблемы.

Резюме

Широкий, хотя нами еще не полностью охваченный круг вопросов, с которым оказалась связанной проблема мотивационной фиксации, говорит о ее

176

сложности и многоплановости. Это естественно, так как в специфическом аспекте, в виде вопроса о закреплении и сохранении следов значимых воздействий, проблема мотивационной фиксации фактически дублирует проблему онтогенетического развития мотивации. Во всяком случае представление о том, что эмоционально-мотивационный опыт является просто одним из видов приобретаемого индивидуального опыта, накапливаемого по более или менее общим законам, следует считать весьма упрощенным.

Формально *эмоциональную память* можно, конечно, определить как «способность организма воспроизводить пережитое ранее эмоциональное состояние в комплексе с воспоминанием о вызвавшей его ситуации и субъективным отношением к ней» (Громова, 1980. С. 131). Однако данное определение, как представляется, не отражает всей сложности проблемы, предопределенности и избирательности эмоциональной памяти, ее подчиненности потребностям, того, например, что «можно иметь плохую память, быть очень забывчивым и в то же время чрезвычайно злопамятным» (Левин, 1979. С. 139).

Известно, что при широком анализирующем взгляде непосредственно понятный феномен памяти существенно осложняется и теряет изначальную определенность

(Роговин, 1977; Середа, 1985). Можно думать, что основные затруднения в понимании этого феномена обусловлены не его информативным содержанием, сложностью осмысления процессов запечатления, сохранения и воспроизведения когнитивной информации, а именно мотивационной регуляцией этих процессов, в частности разнообразием и изменчивостью условий, определяющих мотивационную фиксацию.

В исследованиях процессов научения и памяти накоплен огромный фактический материал, раскрывающий условия и закономерности приобретения индивидуальным жизненным опытом. Как мы пытались показать, извлечению из этих данных выводов о мотивационной фиксации препятствует прежде всего сложность различения в них когнитивного и собственно мотивационного содержания. Из-за этих затруднений, например, продолжают сохраняться основания для выводов о том, что главная нагрузка в накоплении жыз-

ненного опыта лежит на познавательных процессах и что «эмоциональная память не нуждается в многократном предъявлении материала для запоминания и часто формируется с первого раза. Ребенок, однажды обжегшийся на огне, запоминает этот опыт практически на всю жизнь» (Громова, 1980. С. 132).

Выше приводились данные, как подтверждающие такое представление, так и свидетельствующие о чрезмерной его обобщенности. С одной стороны, в ряде случаев, в частности при импринтингоподобном развитии мотивации, можно наблюдать мгновенную фиксацию мотивационного опыта, способность-эмоции переключаться и закрепляться сразу и прочно. Такого рода неугасающие следы могут оставить как сильная боль, т. е. событие безусловнорефлекторного происхождения, так и эмоции, вызванные помощью другого человека, оскорблением, изменой и т. п. С другой стороны, эмоции, бурно и многократно переживаемые и -выражаемые в семейной ссоре, могут быть на следующий день забыты, перечеркнуты самим человеком оценкой «погорячился».

Существуют естественные причины различий в предрасположенности эмоций к слеδοобразованию. Так, предвосхищающие эмоции при прочих равных условиях являются менее поучительными для извлечения опыта, чем констатирующие эмоции, вызываемые свершившимися событиями. Для будущего более важно сохранять следы не надежды, какой сильной и продолжительной она ни была бы, а, например, последовавшего за ней огорчения, констатировавшего ее неоправданность и обучающего избеганию неверных ожиданий в сходных ситуациях. Выше были рассмотрены представления о «глубине» эмоций—параметре, противопоставляемом их внешней выраженности и связанном, как можно думать, с их предрасположенностью к фиксации. Такого рода различия свидетельствуют о сложности феномена эмоциональной памяти, отсутствии возможности описать его законами и положениями, подобными тем, которыми характеризуется приобретение познавательного опыта.

Различная предрасположенность мотивационных воздействий к фиксации отчетливо обнаруживается в области проявлений *инстинкта*. Конечно, инстинкт как механизм, обеспечивающий удовлетворение по-

178

требностей на основе генетически фиксированных программ, которые открываются субъекту в виде пристрастного восприятия целой системы взаимосвязанных ключевых раздражителей и побуждения совершить по отношению к ним определенные действия, по своей сути не предполагает мотивационного научения. Однако надо учесть, что данное понимание инстинкта представляет собой только полезную теоретическую абстракцию. В реальной жизни, особенно у высших животных, инстинкт обычно проявляется в сложном переплетении с более совершенными, предполагающими научение, механизмами мотивации. Импринтинг, как сейчас широко признается, представляет собой специальный механизм онтогенетической «достройки» инстинкта, прижизненного уточнения соответствующих ему предметов и воздействий. Из-за генетической предусмотренности мотивационная фиксация на основе импринтинга происходит, как правило, сразу, образует стойкие к угашению следы и придает запечатляемому содержанию безусловное мотивационное значение.

Нерешенность вопроса о проявлениях инстинкта у человека, более того — неподготовленность современной психологии 'по целому ряду причин к его решению, не позволяет рассчитывать на то, что проблема участия механизмов инстинкта в мотивацион-ном развитии человека получит в ближайшее время надлежащее освещение. Выше была сделана 'попытка показать, что постановка этого вопроса законна, оправдана и обещает продвижение в поисках сил, определяющих поведение и развитие человека. Представляется, что ни трактовка человека как исключительно социального существа, ни признание в нем природных начал в виде некоторого количества примитивных драйвов-побуждений не способны дать удовлетворительное объяснение той пестрой картине его страстей и увлечений, слабостей и пороков, которая наблюдается в жизни—его фанатизму и внушаемости, жестокости и сладострастию и другим подобным фактам.

Конечно, сама по себе ссылка на инстинкты такого рода факты тоже не объясняет, однако из нее следует признание изначальной сложности и разнес образия той природной пристрастности человека, ко-

торая является основой его дальнейшего развития в процессе социализации и воспитания, определяет условия такого развития и сказывается, подчас неожиданным образом, на его результатах. Пытаться объяснять эти результаты без знания природной пристрастности человека—то же самое, что, если воспользоваться сравнением У. Макдауголла, давать «описание паровых машин без знания действия огня и других источников горения» (1916. С. 12). Ведь несомненное социальное происхождение паровых машин не отменяет того факта, что законы горения тоже определяют их конструкцию и что плохое знание этих законов неизбежно отражается в несовершенстве машин.

С точки зрения проблемы мотивационной фиксации обнаружение инстинктов у человека имеет двоякие последствия. Во-первых, эмоции, возникающие в сферах проявления инстинкта в большом количестве и разнообразии, могут получить ситуативное развитие по типу обычного эмоционального переключения и оставить в результате этого развития соответствующие следы; так, радости и огорчения ребенка могут сделать значимыми в глазах матери предметы, вызвавшие эти эмоции. Второй, более специфический способ мотивационной фиксации связан с выраженной незавершенностью человеческих инстинктов, необходимостью определенных условий для их содержательной «достройки». Речь идет о фиксациях по типу импринтинга, в результате которых запечатляемые предметы приобретают абсолютное, функционально независимое мотивационное значение. Поскольку на фоне постоянно происходящих процессов мотивационного опосредствования формирование непосредственно значимых ценностей является в мотивационном развитии человека, по всей видимости, сравнительно редким событием, случаи и механизмы их возникновения заслуживают особого внимания.

Непосредственные, относительно независимые мотивационные отношения способны формироваться также вследствие *подражания* и лежащего в его основе эмоционального заражения. Не всякое подражание приводит к мотивационному развитию; в этом плане различаются ситуативное подражание-повторение, обеспечивающее временное заражение интере-

180

сами наблюдаемого лица и простое воспроизведение его действий, и собственно мотивационное подражание, в результате которого происходит изменение отношений индивида к явлениям мира.

По сравнению со сложными, потребно специализированными и трудноуловимыми обнаружениями инстинкта механизм мотивационного подражания является более простым и легким для понимания. Он предполагает небезразличие к эмоциональным отношениям других людей и готовность эти отношения заимствовать, разделять, заражаться ими безотносительно к собственным потребностям. Однако сравнительная простота механизма эмоционального заражения не означает ни однообразия его проявлений в онтогенезе, ни малой значимости мотивационного подражания в жизни. Многие неясные моменты обнаруживаются при постановке вопроса о том, при каких условиях и кому осуществляется мотивационное подражание.

Исследования конформизма свидетельствуют о существовании заметных

индивидуальных различий между людьми по склонности разделять мнения и оценки окружающих лиц, в частности по готовности эту склонность обнаруживать в различных ситуациях: не все испытуемые, проявившие конформность в лабораторных условиях, впоследствии обнаружили ее в реальной жизненной ситуации (Steiner, Vannoy, 1966). Данные о конформном типе психопатоподобных отклонений, а также о родственном мотивационному подражанию феномене внушения и внушаемости говорят о возможной конституциональной обусловленности такой склонности.

Развитие и фиксация на основе подражания новых мотивационных отношений человека занимают промежуточное положение между случаями биологической и социальной детерминации этого развития:

оставаясь по форме процессом, сложившимся по основным параметрам в биологической эволюции, по содержанию подражание целиком определяется наблюдаемыми в жизни примерами. От примеров зависит и качество возникающих мотивационных отношений, так как на основе подражания могут сформироваться как устойчивые, относительно независимые Ценности, связанные с принятыми в непосредственном

окружении культурными традициями и нормами, так и преходящие ситуативные побуждения, вроде тех которые лежат в основе эффекта толпы. Значение процессов подражания для развития мотивации человека в психологии, особенно в советской, по всей видимости, недооценивается.

Анализ отдельных представлений о «высших» собственно человеческих формах возникновения но-¹вых мотивационных отношений показал, что в тех или иных терминах и масштабах они констатируют тот способ развития мотивации, который выше обсуждался под названием мотивационного опосредствования, т. е. переключение и фиксацию эмоций в условиях высших форм отражения. К сожалению, такая констатация практически ничего не говорит об условиях,[^] силу которых происходит или не происходит мотивационная фиксация.

Впрочем, этот неутешительный вывод должен быть сделан и в отношении других рассмотренных форм развития мотивации. Данные о запечатлении инстинктивных отношений и особенно о мотивационном подражании имеют прежде всего констатирующий характер, показывая, что развитие мотивации на основе этих механизмов несомненно происходит, но не раскрывая конкретных условий, при которых оно происходит необходимо. В этом центральном для психологии воспитания вопросе решающее значение имеют скорее всего качественные особенности, модальность переживаемых эмоций. Современная психология не вооружена ни подходящими методическими средствами, ни соответствующими методологическими установками для адекватного контроля данного фактора.

Любопытная и в полном смысле «высшая» разновидность мотивационной фиксации задействована в процессах выбора человеком целей и планирования своей будущей деятельности. Исследования данной проблемы в школе К. Левина показали, что *номере-[^]ни*в, принятое в отношении некоторой отсроченной цели, способно приобрести признаки потребности, существовать определенное время в виде «напряжения» внутренних структурных образований личности и сохранять мотивационное значение цели в отдельных случаях даже тогда, когда она перестает быть объ-

.182

ективно необходимой. Таким образом, данная разновидность мотивационной фиксации отличается высокой степенью своей 'подконтрольности субъекту, отчетливо выраженной произвольной санкционированностью, а также временным, преходящим характером.

Большое значение имеет выдвинутое К. Левином положение, подтверждаемое многочисленными исследованиями ситуативных детерминант мотивации, об обусловленности возникающих побуждений, в том числе и отсроченных намерений, целостной ситуацией, множеством выражающих актуальные потребности валентностей, барьеров, сил. Оно подчеркивает, что мотивационное значение, фиксирующееся вследствие принятия намерения, обычно имеет полипотребностное происхождение, в котором, конечно, некоторая потребность может играть доминирующую роль.

Систематизирующая ценность учения о намерениях зависит от масштаба его распространения на сходные явления. Расширение трактовки намерений возможно в двух направлениях: в отношении процессов ситуативного целеобразования и в

отношении дальних жизненных планов.

Процесс выбора человеком целей интенсивно изучается в контексте проблем принятия решений (Ко-зелецкий, 1979; Проблемы..., 1976), целеобразования (Бибрих, 1987; Тихомиров, 1977), ситуативного развития мотивации (Хекхаузен, 1986), однако из-за специфической направленности этих исследований, сосредоточенных прежде всего на выявлении факторов, которые определяют выбор целей, вопрос о фиксации мотивационного значения выбранных целей в случае отсроченности их достижения, т. е. о сохранении принятых решений во времени, в них, как правило, не рассматривается. Постановке такого вопроса препятствует также традиция преимущественно когнитивной интерпретации процессов разработки и сохранения планов (Миллер и др., 1964).

К. Левин показал, что некоторые цели, а именно принимаемые актом намерения, фиксируются и приобретают черты потребности, что проявляется в их способности автономно, частично независимо от субъекта сохраняться и актуализироваться в сложной ди-йамике. Представляется, что подобная мотивацион-

ная фиксация имеет место и в других случаях. Так К- Левин отличал намерения от решений, осуществляющихся в будущей ситуации на основе законов полевого поведения. Оба явления заметно различаются мерой вовлеченности субъекта и, по-видимому, подключения к ним дополнительной мотивации, однако в отношении проблемы мотивационной фиксации резко противопоставляться не могут.

Если понимать целеобразование как переключение под управлением познавательных процессов мотивационного значения конечных и более общих целей на более частные, то в случае отсроченных частных целей переключившееся значение может фиксироваться или не фиксироваться независимо от полевых условий достижения этих целей в будущем. Такие условия определяют степень участия субъекта в закреплении мотивационного значения цели, но не само закрепление, которое может произойти спонтанно.

Действительно, не происходит ли мотивационная фиксация в случае решения человека рассказать завтра другу приятную новость при полной уверенности, что встреча с ним сама и сразу об этом решении напомнит? Человек может остаться настроенным на встречу, предвкушать радость друга, расстроиться, если встреча не состоится, и разрядить свое состояние, вполне отвечающее признакам квазипотребности, рассказом всей этой истории третьему лицу. Таким образом, наряду с обозначенным выше различием волевых (по К. Левину, «интенсивные акты намерения») и произвольных намерений, которые объединяет необходимость участия субъекта в их образовании и будущей реализации, а различает мера этого участия, можно выделить еще одну разновидность намерений — спонтанно фиксирующиеся и непосредственно осуществляющиеся, но тем не менее субъектом контролируемые и санкционированные.

Возможно и дальнейшее выделение различных случаев мотивационной фиксации в процессах целеобразования. Так, исследования показали, что закрепление эмоционального значения шахматной фигуры, при помощи которой удалось решить задачу, может происходить неосознанно и проявляться при решении другой задачи (Виноградов и др., 1977). Однако

184

этот случай выходит за рамки проблемы сознаваемого целеобразования и произвольно принимаемых намерений,

Общий вывод состоит в том, что закрепление и сохранение мотивационного значения целей является необходимым и важным компонентом процессов целеобразования, разнообразно обнаруживающимся в случаях, когда достижение намеченной цели по тем или иным причинам невозможно и получает отсрочку. При перерыве в решении человеком задачи в его памяти сохраняются не только выявленные к тому моменту условия и связи когнитивного характера, но и те мотивационные переключения, которые произошли по выявленным связям; при возвращении к задаче даже после продолжительного перерыва может автоматически восстановиться, например, надежда, связанная с каким-нибудь условием или ходом мысли. Такого рода следы мотивационных переключений в прошлом конечно определяют направление и характер дальнейших поисков решения.

Любопытные выводы следуют из распространения учения о намерениях на процессы формирования дальних жизненных планов человека. В основе данной интерпретации намерений лежит допущение того, что представление человеком отдаленной жизненной перспективы психологически эквивалентно образу ближней перспективы, например предстоящего дня, и что процесс принятия намерений в отношении будущего независимо от его удаленности имеет сходный состав и характер движущих сил и происходит принципиально тем же способом. В любом случае образ, на основе которого принимаются намерения, представляет собой сложное мотивационное поле с множеством отражаемых ценностей, привлекательных и отталкивающих валентностей. Намерения возникают как итог активности субъекта, взвешивающей эти Ценности и определяющей на основе познавательных процессов возможность и оправданность их достижения.

Данное представление приближает к пониманию конкретно-психологического механизма возникновения мотивов человека, традиционной характеристике которых соответствуют дальние намерения. Такое понимание происхождения мотивов человека показы-

васть способ их опосредствования интеллектом и подчеркивает их производность от целостной жизненной ситуации, а также связанную с этим относительную устойчивость и «функциональную автономность», потенциальную заменяемость альтернативными жизненными целями. Квазипотребности, образуемые принятием дальних намерений, продолжительное сохранение соответствующего им «метанапряжения» (Obuchowski, 1985. S. 252), обеспечивающего устойчивое стремление к мотивам, частично совпадают с тем, что в литературе называется социогенными потребностями (см. Чхартишвили, 1974; Чхартишвили, Сарджвеладзе, 1974).

В завершение обсуждения проблемы мотивационной фиксации необходимо сделать оговорку, что оно велось здесь в специфическом направлении—с преимущественным вниманием к случаям и механизмам, обеспечивающим формирование безусловных, непосредственно значимых мотивационных отношений. Богатая феноменология фиксации условного, функционально зависимого мотивационного значения, которое приобретают всевозможные сигналы, промежуточные результаты, средства, способы действия и другие значимые для удовлетворения потребностей моменты, была затронута эпизодично и в значительно меньшей степени.

Правда, противопоставление непосредственных и опосредствованных, независимых и зависимых мотивационных отношений человека, как об этом свидетельствуют, в частности, рассмотренные данные о намерениях, не имеет той отчетливости, которую обнаруживает сравнение мотивационного значения безусловного и условного раздражителя в элементарном примере обусловливания. Частично это объясняется тем, что явления действительности могут иметь отношение ко многим потребностям человека и получать от них одновременно различное мотивационное значение, в том числе и по степени опосредствованности,

Приобретение одним и тем же предметом различных мотивационных значений весьма характерно для развития мотивации человека. Очевидно, что для понимания того, какое предмет приобретает совокупное значение, важно знать, как сочетаются и взаимодей-

186

ствуют его составляющие. Ниже этот вопрос будет рассмотрен отдельно.

МОТИВАЦИОННАЯ СУММАЦИЯ

Уже у животных, например в конфликтных ситуациях, отчетливо наблюдается и изучается в специальных исследованиях (Broadhurst, 1964; Elder и др., 1961; Murray, Berkun, 1955) зависимость поведения от нескольких взаимодействующих побуждений, ведущих происхождение от разных потребностей. У человека одновременное проявление и действие мотивационных факторов различного происхождения представляет собой практически постоянный фон жизни. Поэтому актуальной является не сама по себе констатация полимотивированности человеческой деятельности, а проблема ее форм и механизмов. Литература по этому вопросу содержит достаточно разнообразный материал.

Феномен полимотивации

Проблема полимотивации только своим названием является современной;

примером того, в каких терминах она обсуждалась в концепциях прошлого, могут служить следующие слова К. Д. Ушинского:

«...Большинство желаний в человеке—не простые желания, возникшие из одного какого-либо стремления, но желания сложные, возникшие из разных стремлений, которые соединились вместе каким-нибудь одним обширным представлением или обширную системой представлений именно потому, что разные стороны этого представления, или разные члены этой системы представлений удовлетворяют нескольким, различным стремлением человека» (1950. Т. 9. С. 507).

В современной терминологии эти слова означают, что «...поведение чаще всего бывает полимотивированным. ...Любое поведение обнаруживает тенденцию к детерминированности скорее несколькими или *всеми* базовыми потребностями одновременно, чем единственной из них» (Maslow, 1943. Р. 390). Согласно Л. И. Божович, «...не только одна и та же потреб-

ность может воплощаться в различных объектах, но и в одном и том же объекте могут воплощаться самые разнообразные взаимодействующие, переплетающиеся, а иногда и противоречащие друг другу потребности. Например, отметка в качестве мотива учебной деятельности может воплощать в себе и потребность в одобрении учителя, и потребность быть на уровне своей собственной самооценки, и стремление завоевать авторитет товарищей, и желание облегчить себе поступление в высшее учебное заведение, и многие другие потребности» (1972. С. 27). Сходных представлений придерживаются М. М. Филиппов (1968)²⁷, Ш. Н. Чхартишвили (1974), В. И. Ковалев (1981)²⁸, В. С. Магун (1983), И. В. Имедадзе (1984)²⁹ и др.

Однако нельзя не согласиться с выводом И. В. Имедадзе, согласно которому «...хотя утверждения о полимотивированности деятельности встречаются очень часто, они, как правило, имеют декларативный характер» (С. 89). Речь идет о том, что принцип полимотивации, с одной стороны, не оспаривается, с другой — последовательно не реализуется: «В советской психологии до последнего времени наблюдалась следующая картина: большинство исследователей, признавая полимотивированность человеческой деятельности (Леонтьев, 1975; Рубинштейн, 1946), изучали эту деятельность так, как если бы имелся один, отдельно взятый, доминирующий в данной ситуации мотив; иными словами, при проведении эмпирических и экспериментальных исследований психологи предпочитали работать с однозначными мотивами» (Калмыкова, Радзиховский, 1988. С. 37).

Действительно, принципу полимотивации более отвечало бы понимание в концепции А. Н. Леонтьева процесса формирования мотива как опредмечивания в нем ряда потребностей, а не отдельной потребности, я

²⁷ «...Та или иная потребность образуется не на базе какой-либо нужды, а на базе сложного переплетения уже имеющихся у человека потребностей» (С. 20).

²⁸ «Множественность мотивов заключается не только в том, что реализация одной и той же потребности связана обычно (целой совокупностью однородных мотивов, но и в том, что поведению и деятельности побуждаются, направляются и регулируются обычно разнородными мотивами» (С. 36).

²⁹ «...Многие формы поведения человека имеют сложный, полипотребностный состав» (С. 92).

188

соответственно определение мотива не как «предмета потребности»³⁰, а как «предмета потребностей». Это несколько изменило бы изображаемую в данной концепции общую картину мотивации, исключая, в частности, прямолинейность соотнесения потребностей и деятельности (ср. Имедадзе, 1984а), содержащуюся, например, в словах: «Реально же мы всегда имеем дело с *особенными* деятельностью, каждая из которых отвечает определенной потребности субъекта, стремится к предмету этой потребности, угасает в результате ее удовлетворения» (Леонтьев, 1975. С. 102).

Впрочем, представление об однозначном соответствии между деятельностью и потребностью возможно, но при условии, если признать, что формирование нового полипотребностного мотивационного отношения означает возникновение новой потребности:

«...не потребности находят свой предмет, а возникновение предмета потребности и есть происхождение самой потребности» (Имедадзе, 1984а. С. 37). Такое признание фактически лежит в основе выделения так называемых социогенных потребностей — в учебе, труде, художественном творчестве и т. п.

Однако это значит, что в основе «особенных деятельностей» лежат не те же самые потребности, которые опредметились в их мотивах, иными словами, что опредмечиваются в мотивы одни потребности — исходные, уже существующие, рождаются же в результате этого «чрезвычайного акта», другие—вторичные (или более высоких порядков), производные. В таком понимании тезис А. Н. Леонтьева «развитие потребностей происходит через развитие их объектов» (1971. С. 6) характеризует развитие не только отдельных потребностей (усвоение новых видов пищи означает развитие самой пищевой потребности), но и всей их системы: пищевая потребность вместе со многими другими вносит свой вклад в развитие мотивационного отношения к труду, так как он является условием их удовлетворения.

³⁰ «Предмет потребности — материальный или идеальный, Явственно воспринимаемый или данный только в представлении, ^в мысленном плане — мы называем *мотивом деятельности*» (1971. С. 13).

Недостаточный учет принципа полимотивации характерен для исследований мотивации в рамках «факторного» (см. Бибрих, Орлов, 1977), «когнитивного» (см. Магомед-Эминов, Васильев, 1986) подходов к этой проблеме, и так называемого ситуационизма в исследованиях личности (Bowers, 1973; Michel, 1968, 1973). Одна из типичных экспериментальных схем, используемых в этих исследованиях, состоит в том, что некоторое поведение, побуждаемое специфическим мотивом, регистрируется в различных ситуациях, неминуемо вносящих в поведение свои порой существенные коррективы. Результаты таких исследований излагаются в форме, определяемой схемой эксперимента: наряду с описанием поведения, побуждаемого некоторым мотивом (достижения, помощи, агрессии и др.), прилагается перечень «ситуационных факторов», влияющих на проявление мотива; в теоретическом плане обсуждается вопрос о взаимодействии личностных (мотивы, «диспозиции») и ситуативных факторов (см. Хекхаузен, 1986; Atkinson, Birch, 1978).

Однако поведение побуждают не факторы, а мотивационные процессы, и если эксперименты фиксируют изменение поведения в определенных ситуациях, то это значит, что в них актуализируются специфические мотивационные отношения, которые, взаимодействуя с изучаемым мотивом, вносят коррективы в поведение.

Способность ситуации активизировать мотивацию не представляет собой 'ничего необычного. Ряд потребностей по своей сути являются экзогенными, по терминологии Г. А. Меррея (Murray, 1964)—реактивными, предполагающими актуализацию именно внешними факторами. К экзогенной относится мотивация избегания, возбуждаемая восприятием угрозы, а также не привлекающая к себе внимания исследователей, хотя не менее важная мотивация сохранения. С мотивационным «вектором» сохранения (Г. А. Меррей) человек относится к весьма широкому кругу разнообразных явлений—от общественного строя до освещенности рабочего места, от здоровья до нужного количества пуговиц на одежде, общая особенность которых состоит в том, что активность обычно вызывается констатацией их изменения, от-

190

клонения от сохраняемого состояния. На актуализацию мотивации влияют также появляющиеся новые возможности действия, изменения ^в вероятности достижения целей, в 'восприятии причинности и другие моменты, зависящие от ситуации. Поэтому естественно, что любое преобразование ситуации влечет сдвиги в актуализированной мотивации и способно влиять на поведение. Такого рода влияния и фиксируются в конкретных экспериментальных исследованиях в качестве «ситуационных факторов».

Особенно отчетливо феномен полимотивации проявляется в многочисленных исследованиях выбора целей, проведенных в рамках проблем «ожидаемой ценности», уровня притязаний, мотивации достижений и др. (см. Хекхаузен, 1986. Гл. 5, 9). Мотивационное взаимодействие, лежащее в основе такого рода выборов, зафиксировано, например, в таком термине, как «результатирующая валентность», отражающем тот факт, что итоговое побуждение к цели является суммарным, возникающим на основе ее мотивационного значения, вероятности ожидания успеха и отдельно неуспеха (Lewin a. o., 1946). Выделено много других

моментов, показывающих сложность ситуативного мотивационного взаимодействия. Так, Дж. О. Рейнором (Raynor, 1969) была разработана модель, согласно которой человек при выработке отношения к цели учитывает не только непосредственные, но и отдаленные последствия ее достижения, что, впрочем, очевидно и наблюдается, например, в различном отношении студентов к отдельным изучаемым предметам.

Однако и эти исследования по мере возможности избегают солимотивационной трактовки получаемых фактов, обнаруживая тенденцию обсуждать их в рамках изолированных тем, в частности такого мотивационного конгломерата, какой представляет собой мотив достижений (Atkinson, Raynor, 1974, 1978). Ведь цели, достигаемые человеком, могут иметь самое различное мотивационное значение. Конечно, они, особенно успехи-неуспехи в их достижении, значимы. Для человека не только сами по себе, но и как затрагивающие его амбиции, вовлекающие «эго» (Costello, 1964; Ferguson, 1962), поэтому в формировании отношения к целям кроме специфической задействи-

вана и неспецифическая по отношению к ним «я»-мотивация (как это было показано в пионерских исследованиях уровня притязаний Ф. Хоппе). Взаимодействие обоих видов мотивации — одна из характерных причин, делающих реальные акты достижения полимотивированными³¹.

Таким образом, прямо не развивая идею о поли-мотивированности поведения, исследования взаимодействия внутренних и ситуативных детерминант активности фактически, притом убедительно, ее поддерживают и предоставляют факты для ее развития. Если представлять мотивационную сферу не как набор «гипотетических конструкторов», формально взаимодействующих с ситуативными факторами, а как психологическое образование, предполагающее субъективное отражение и проявляющееся в виде эмоциональных отношений к явлениям действительности, то психический образ, отражающий и ситуацию, и актуальную мотивацию, получает значение инстанции, в которой такое взаимодействие происходит, а эмоции — самих действующих сил этого процесса.

Разумеется, для развития принципа полимотивации необходима конкретизация данного обобщенного представления. Но возможна ли такая конкретизация? Упомянутая декларативность признания этого принципа скорее всего не случайна и обусловлена объективной сложностью вопроса. Так, Е. С. Калмыкова и Л. А. Радзиховский обсуждают проблему «амбивалентности мотивов» на материале произведений Ф. М. Достоевского, утверждая, что «...у современной психологической науки... нет пока аппарата для объяснения (или хотя бы четкого научного описания) соответствующих феноменов» (1988. С. 41). Однако рассмотрим, что в психологии в этом отношении есть, а также могло бы быть.

³¹ В определении Х. Хекхаузена, согласно которому мотив достижений представляет собой «...стремление повышать свои способности и умения или поддерживать их на возможно более высоком уровне в тех видах деятельности, по отношению к которым достижения считаются обязательными, так что их выполнение может либо удался, либо не удался» (1986. Т. 1 С. 229), другие мотивы кроются за констатируемым различием отношений субъекта к достижениям в отдельных видах деятельности.

192

Виды полимотивации. Взаимодействие и сочетание различных побудительных сил в определении поведения не происходит однообразно, распадаясь на ряд характерных видов и форм. Так, уже из сделанных выше ссылок можно заключить, что указания на полимотивированность активности охватывают по меньшей мере два различных случая.

Во-первых, онтогенетическую фокусировку потребностей и непосредственно развивающихся на их основе мотивационных отношений в новые мотивационные образования, приобретающие в результате фиксированное, стабильное полимотивационное, или поливалентное (В. С. Магун)³², значение. Это — случай сложившейся в прошлом опыте и привносимой из него полимотивации, не требующей ситуативных взаимодействий. Ярким примером таких сложившихся комплексных мотивационных образований могут служить обсуждавшиеся выше дальние намерения, производные, как подчеркивалось, от целостной жизненной ситуации. Однако надо сказать, что на комплексной потребностной основе,

конечно более или менее широкой, у человека формируются практически все опосредствованные мотивационные отношения, стало быть онтогенетически они являются поливалентными, а побуждаемая ими деятельность—полимотивированной.

Во-вторых, складывающуюся в конкретной ситуации полимотивацию, создаваемую тем, что человек одновременно испытывает ряд взаимодействующих или противоречивых побуждений и поэтому вынужден их согласовать, задерживать, найти компромисс и т. п. Данный случай полимотивации от предыдущего отличает то обстоятельство, что поведение является следствием реального 'взаимодействия побуж-

³² «Большинство инструментальных ценностей поливалентны. Если взять в качестве простейшего примера пиджак, то он и согревает, и служит для хранения мелких предметов, и украшает человека (Коломийцев, 1975. С. 16). ...Здоровье является благом для человека и само по себе, и как средство для мно-тх видов деятельности»; «Ценности, лидирующие (по данным ^лирических исследований) в сознании респондентов, как правило, имеют поливалентный характер. Таковы «мир», «хорошая обстановка в стране», «дети», «друзья», «работа», «семейная жизнь», «деньги» и т. п.» (1983. С. 46—47).

⁷ В К Вилюнас

дений и активного участия в этом процессе субъекта, сопоставляющего, взвешивающего возможности и варианты поведения и принимающего решения. Оба случая полимотивации конечно взаимосвязаны. С одной стороны, сложившееся в онтогенезе поливалентное мотивационное отношение является следствием ситуативного взаимодействия, сложения к фиксации побуждений в прошлом; так, одновременное восприятие человеком некоторой цели как привлекательной и труднодоступной может быть итогом разочарований при прежних попытках ее достижения. С другой стороны, в ситуации актуализируются уже поливалентные, комплексные мотивационные отношения, поэтому случай ситуативного взаимодействия побуждений по существу означает не изначальное установление, а дальнейшее развитие полимотивации. Из-за взаимосвязанности онтогенетической и ситуативной суммации и сочетания побуждений классификационные схемы, выделяющие виды и формы полимотивации, могут касаться обоих процессов.

Так, сходное различие проводит И. В. Имедадзе (1984б), отдельно обсуждая «случаи взаимодействия потребностей» (С. 90) к полимотивацию в строгом смысле слова, с которой <<-мы имеем дело только тогда, когда одновременно действуют несколько мотивов, в состав каждого из которых могут входить множество потребностей» (С. 93). Отнестись к данному различию трудно из-за его привязанности не столько к фактам, сколько к терминам (потребности к мотива), крайне неоднозначно трактуемым в психологии (см. Имедадзе, 1984а, 1986; Манукян, 1984; Со-сновский, 1988; Тгасу, 1986; и др.). Однако приводимые автором примеры говорят о том, что оба 'вида взаимодействия могут иметь как онтогенетический, так и ситуативный характер. К последнему случаю относится, например, дополнительное присоединение к потребностям, побуждающим некоторое поведение, других потребностей (познавательной, самоутверждения) по ходу его совершения.

С другой стороны, «одновременное действие нескольких мотивов» может иметь ранее сложившийся и не требующий ситуативного взаимодействия характер. Данный тип полимотивации связан с существованием в мотивационной сфере человека образова-

194

ний, отличающихся мерой конкретности и общности. Различение конкретных, финально направленных мотивов, таких как приобрести определенную профессию, научиться играть на скрипке, заботиться о домашнем животном, и стоящих за ними более общих, например повышать свое образование, побольше в жизни увидеть, помогать слабым, не имеет в психологии, за немногочисленными исключениями (Братусь, 1981; Додонов, 1984, Murray, 1964), широкого признания из-за, как можно думать, фактически существующего континуума мотивационных образований по признаку конкретности-общности. Тем не менее в неявном виде данное различие, как бы выделяющее уровни стратегической и тактической мотивации, подразумевается в ряде концепций (Патяева, 1983).

Противопоставление мотивов разной общности оправдывается тем фактом, что между ними нет прямого соответствия, так как в процессе конкретизации более общие мотивы переплетаются, делая деятельность, отвечающую конкретным

мотивам, полимотивированной. Так, забота о своей собаке может отвечать обобщенному мотиву «любви к животным» и вместе с тем задаче воспитания детей, охраны квартиры, необходимости совершать полезные для здоровья прогулки и др. Б. И. Додонов, предложивший различать непосредственно побуждающие деятельность предельные и стоящие за ними запредельные мотивы, связанные с ее социальным значением, писал: «Запредельные мотивы связывают отдельные, часто очень разные конкретные деятельности в определенные комплексы... В то же время каждая конкретная деятельность и со стороны общества, и со стороны личности мотивируется не одним запредельным мотивом, а опять-таки целой их „связкой“» (1984. С. 127).

Таким образом, при конкретизации обобщенных мотивационных отношений происходит как их своего рода дивергенция, рассеивание по разным мотивам, так и обратный процесс их конвергенции, фокусировки. Материал, который обсуждался в рамках проблем мотивационного опосредствования и формирования дальних намерений, позволяет утверждать, что такое переплетение представляет собой самый обыч-

7 *

ный и естественный процесс в развитии мотивационной сферы человека. Одна из классификационных схем, различающая виды полимотивации при *конкурирующих* мотивах следует из получившей широкую известность классификации конфликтных ситуаций К. Левина, выделяющей три типа одновременного действия противоположных побуждений (Lewin, 1935. Ch. 4; Miller, 1946). В ситуации типа «приближение—избегание», когда, например, человек решает вопрос, обращаться ли за помощью к неприятному для него лицу, одна и та же цель обладает для субъекта и позитивной, и негативной ценностью, другими словами—имеет амбивалентное мотивационное значение. В двух других случаях субъект оказывается перед выбором между несколькими целями, имеющими позитивное (ситуация «приближение—приближение») или негативное (ситуация «избегание—избегание») значение, т. е. когда он должен выбрать одно из альтернативных благ или зол. Важно подчеркнуть, что полимотивированным в этих случаях является не только акт выбора, но и последующее поведение, цель которого кроме собственного мотивационного значения приобретает его и от отвергнутой альтернативы. Особенно отчетливо это видно в случае конфликта «избегание—избегание», в котором выбранное меньшее зло имеет значение избавления от большего зла.

Выделяется четвертый тип конфликтной ситуации («двойного приближения—избегания»), в которой перед субъектом стоит выбор между амбивалентными, т. е. одновременно и позитивными и негативными, целями, например, приобретать ли хороший, но дорогой или плохой, зато дешевый товар. Он, очевидно, является более сложным и сочетающим в себе особенности трех предыдущих типов.

Для понимания взаимодействия конкурирующих или конфликтных побуждений важным является выдвинутое В. С. Магуном (1983) положение о *цене* деятельности—тех потерях и затратах энергии, времени, средств и других ресурсов, которых требует ее выполнение. Речь идет о феномене, с которым «...мы сталкиваемся постоянно: если деньги потрачены на одно из благ, то их не хватает на покупку других;

если время потрачено на одну группу дел, то его не

196

хватает на другие; если вы недавно обращались к не очень близкому человеку с одной просьбой, то к нему нельзя сразу же снова обращаться за помощью; если много сил и энергии потрачено на работе, то дома уже не удастся трудиться с полной отдачей» (С. 63). Таким образом, потребности человека находятся в конкурирующем отношении не только в буквально конфликтных ситуациях, при одновременной актуализации противоречащих побуждений, но также из-за того, что «...объем большинства ресурсов, которым располагает человек для деятельности, меньше, чем суммарный объем потребностей в этих ресурсах» (С. 62—63). Из-за этого обстоятельства решение удовлетворить некоторую потребность означает автоматический отказ от удовлетворения ряда других.

Следует подчеркнуть, что мотивационное значение затрат, которых требует удовлетворение потребности, представляет собой не теоретический конструкт, а

реальный психический феномен, активно участвующий как в процессах принятия решений, так и в последующей деятельности. Даже ненужная цель может получить побудительное значение при осознании, что она достается практически даром, а радость от нужного приобретения может серьезно омрачаться мыслью о том, во что оно обошлось. Распространенность и специфичность взаимодействия мотивацион-ных побуждений по линии фактора цены деятельности позволяет рассматривать его в качестве особой формы полимотивации. В отношении деятельности человека это значит, что она «...в общем случае является не только поливалентным, но и амбивалентным процессом, сочетающим полезные и вредные аспекты,, качества блага и цены за него» (С. 66). Одно из последствий данного представления состоит в различении мотивов-побудителей и мотивов-тормозов деятельности (Беляева и др., 1988).

В вопросе о полимотивации при *взаимосодествующих* мотивах в советской психологии широкое признание получило выделение особого класса мотивов-стимулов (Леонтьев, 1975. С. 202), подключающихся к отдельным звеньям (действиям) выполняемой деятельности и обеспечивающих дополнительное побуждение именно этих звеньев. В роли мотивов-стимулов выступают любые поощрения или наказа-

ния, связанные с промежуточными целями и результатами деятельности, например отметки в учебе. Представление о мотивах-стимулах изображает сложные виды человеческой деятельности как процесс, мотивируемый одновременно конечной целью {так называемыми смыслообразующими мотивами) и многочисленными побочными источниками побуждения, дополнительно подталкивающими отдельные шаги в ее направлении.

Более полная схема соотношения различных мотивов в побуждении сложных видов деятельности была предложена Б. И. Додоновым (1978. Гл. 2.1; 1984). Согласно этой схеме деятельность побуждается следующим составом «предельных» мотивов:

«...!)) удовольствие от самого *процесса* деятельности—П... ; 2) прямой *результат* деятельности (создаваемый продукт, усваиваемые знания и т. д.) —Р;

3) *вознаграждение* за деятельность (зарплата, повышение по должности, слава и т. д.) —В; 4) избежание санкции, которая грозит в случае уклонения от деятельности или недобросовестного ее исполнения;

депривация страха наказания—Д» (1984. С. 127). Каждый из этих мотивов, представляющих, по существу, различные формы мотивации, может вносить разный удельный вклад в суммарную мотивацию деятельности, причем как позитивный, так и негативный. Обозначив количественную меру такого вклада при помощи условных цифровых индексов, можно получить формализованное выражение мотивационной структуры конкретной деятельности. Например, формула П2Р0ВзД1-2 в отношении трудовой деятельности означает, что рабочему процесс труда доставляет заметное неудовольствие, к результатам труда он равнодушен, но его мотивирует вознаграждение за работу и несколько меньше—неприятные последствия ее невыполнения.

Обозначенные Б. И. Додоновым различные формы побуждения деятельности в том или ином виде выделялись и обсуждались в психологической литературе. Нетрудно видеть сходство между соотношением первой (П, Р) и последней (В, Д) пары выделенных мотивов и различием внутренней и внешней мотивации (Ярошевский, 1971; Reykowski, 1970. S. 119[^], в другой терминологии—интринсивной и

198

экстринсивной (Хекхаузен, 1986. Гл. 12). Идея выделения процессуального (П) и результативного (Р) компонентов внутренней мотивации перекликается с различием К. Бюлером (1924. § 36; Biihier, 1928) функционального удовольствия и удовольствия, связанного с результатами активности (констатируемыми или предвосхищаемыми), с различием В. Г. Асеевым (1976. С. 83) процессуального и дискретного моментов мотивации, с положением И. В. Имедадзе (19846) о совместном проявлении в поведении функциональных ц субстанциональных потребностей и др.

Таким образом, существование различных форм мотивации поведения достаточно широко обсуждается и признается. Однако важно не только выделять эти формы, но и, что не всегда делается, признавать их способность обнаруживаться совместно и типичность такого обнаружения. Так, спорт, согласно Д. Н. Узнадзе, относится к интрогенному, т. е. внутренне мотивируемому поведению,

побуждаемому «функциональной тенденцией» (1966. С. 335). Но несомненная способность спортивных упражнений доставлять функциональное удовольствие не исключает того, что человеку, особенно при профессиональном занятии спортом, не менее важными становятся результаты этих занятий и вознаграждение за них.

Основной и самый легкий вывод из рассмотренных данных о полимотивации поведения состоит в том, что она представляет собой повсеместное, весьма сложное и разнообразное явление. Труднее осуществить синтез этих данных. Если пойти по пути простого их объединения, то первым шагом к предложенной Б. И. Додоновым схеме форм мотивации, сочетающихся в побуждении отдельной деятельности, следует добавить компонент, соответствующий представлению о цене деятельности. По существу это означает присоединение к побуждению деятельности альтернативной мотивации и учет того, что за ее выполнение человек кроме вознаграждения получает одновременно и наказание в виде потери ресурсов, а за невыполнение—награду в виде их сохранения. Понятно, что роль альтернативной мотивации особенно возрастает в ситуациях открытого конфликта.

Далее, к данной картине относительно устойчивой полимотивации необходимо добавить многочислен-

ные и динамичные ее изменения в результате подключения к ней ситуативных мотивов-стимулов и функционально им противоположных мотивов-помех. Самые неожиданные и разнообразные обстоятельства способны внести в привычный мотивационный фон деятельности свои, подчас существенные изменения. Так, занятие, обычно выполняемое без затруднений может стать невыносимым из-за порезанного пальца' Искусственное создание мотивов-стимулов представляет собой один из типичных приемов влияния на мотивацию другого человека, а также произвольного управления собственной мотивацией.

Следует вспомнить также, что человеку очень свойственно стараться выполнять, когда возможно, несколько деятельностей одновременно. Так, читая по дороге на работу газету, он выполняет две деятельности, читая ее вслух третьему лицу—три деятельности, побуждаемые отдельными мотивами. Любая совместная деятельность людей находится под постоянным влиянием мотивации общения (Додонов, 1984); в «чужих» видах деятельности часто проявляется также нравственная мотивация (Джидарьян, 1988).

Как можно видеть, данные о видах и формах полимотивации имеют феноменологический характер. Уточнение такого рода данных представляет наибольший интерес до тех пор, пока не выявляет проблемы, способствующие их упорядочению; дальнейшее накопление феноменологии без освещения таких проблем содержит в себе угрозу стать подобным, как предупреждал У. Джеме, «словесному описанию размеров скал в Нью-Гэмпшире» (1911. С. 325). Рассмотренный материал в качестве такой проблемы достаточно остро высвечивает вопрос о механизмах полимотивации, тех конкретных, процессах, которые обеспечивают взаимодействие побуждений; из него к тому же следует, что этот вопрос касается непременно универсальной особенности психического Поиск такой особенности вынуждает задеть несколько проблем «большой» методологии.

Теория поля и полимотивация. Для описания феномена полимотивации несомненное преимущество перед другими имеет концепция К. Левина в силу того, что «...подчеркивает важность того факта, что любое

200

событие есть результат множества факторов» (1980. С. 132). Топологическая развернутость, наличие временной перспективы и полевая природа «жизненного пространства» делают его значительно более правдоподобным основанием для актуализации, сохранения и взаимодействия многочисленных мотивационных оценок и побуждений, чем «пространство» корреляций, факторов и формул, часто используемое для описания этих явлений. Правда, теория поля соответствует в основном ситуативным мотивационным взаимодействиям; возникновение полипотребностных мотивационных отношений в онтогенезе ею не охватывается.

Вместе с тем следует отметить, что теория поля представляет собой удобную основу именно для констатации и описания мотивационных взаимодействий, но не для уточнения реальных носителей и механизмов этих взаимодействий³³. Впрочем, эта проблема находится в прямой зависимости от специфики интерпретации «жизненного пространства», в частности его онтологической природы, которая может получить различную трактовку.

Дело в том, что если феноменологическое содержание концепции К. Левина

пользуется широким признанием, то данная им теоретическая интерпретация этого материала часто оспаривается: «...Левин (Lewin, 1936) утверждал, что жизненное пространство складывается из психобиологических явлений. Это положение было введено с тем, чтобы выйти за рамки данного в сознании (феноменально), избежать феноменологической ограниченности и возможного упрека в том, что модель жизненного пространства носит чисто менталистский характер и в конечном счете строится только на данных интроспекции. Левин подчеркивает поэтому, что в модели жизненного пространства учитываются все влияющие на поведение факторы и определяющие его закономерности независимо от того, переживаем мы их или нет. Но

³³ «Основная слабость теории поля определяется тем, что в моделях личности и окружения можно представить и объяснить поведение лишь *задним числом*. Эта теория предоставляет немного возможностей *заранее* установить значимые в определенных случаях условия и сделать выводы о поведении, которого следует ожидать» (Хекхаузен, 1986. Т. 1. С. 194).

отнесение жизненного пространства к явлениям психофизиологического порядка оказалось лишь терминологическим обходом психофизической дилеммы» (Хекхаузен, 1986. Т. 1. С. 191). Стремление выйти за рамки феноменологии понятно и необходимо, но оно предполагает существенное изменение контекста обсуждаемых явлений и поэтому едва ли совместимо со стремлением совершить этот переход в рамках одного и того же психофизиологического образования — «жизненного пространства». Трудность осмысления онтологического статуса этого образования, обладающего признаками кентавра, несомненно способствует попыткам пересмотра концептуальных объяснений К. Левина, которые могут иметь менталистский, физиокалистский или часто позитивистский уклон.

Так, согласно позитивистской интерпретации «...целостное «жизненное пространство» (с его когнитивной структурой, валентностями и силовым полем, структурой и напряжением систем индивида) представляет собой сложную систему гипотетических переменных» (Madsen, 1968. Р. 140). К эмпирическим переменным теории поля К. Б. Мадсен относит только поведение («локомоцию»), потребность и цель. Но это значит, что валентности, силы, напряжения как носители мотивационных процессов являются продуктом научного творчества, моделирующим в теории некоторый аспект действительности, но не претендующим на прямое ей соответствие. Строго придерживаясь данной интерпретации, можно утверждать лишь то, что валентности существуют в концепции К. Левина, а есть ли они в реальной жизни — неизвестно.

Но время показало, что позитивистское предписание строжайше рефлексировать и различать факты и предположения (гипотетические переменные) не привело к продуктивным концепциям, наоборот, способствовало появлению множества оторванных от реальности теоретических схем, не менее (хотя и иначе) умозрительных, чем те, в отрицании которых эта методология возникла. Дело, по-видимому, в том, что развитие науки движется не только фактами и предположениями, но и верой — источником, конечно, не самым надежным, но неминуемым. В этом отношении нет принципиального различия между убежде-

202

нием в том, что психологию можно построить на основе интроспективных данных, и в том, что ее можно построить без них; как одно, так и другое относится к явлениям веры.

Вера, таким образом, определяет то, что признается в качестве факта. Если в структурах мозга был бы найден какой-нибудь «центр» желания или, скажем, относительно надежный его коррелят в энцефалограмме, как сразу появились бы и концепции мотивации, пытающиеся охватить и объяснить это состояние. А тот факт, что человек ежедневно испытывает сотни желаний, научным не признается, поэтому современная психология эту тему фактически не развивает. Но за подобным игнорированием субъективной феноменологии не стоит ничего, кроме веры в то, что она является эпифеноменальной и не включенной в качестве неизбежного звена в регуляцию поведения.

Противоположная вера, предписывающая серьезное отношение к субъективной феноменологии, позволяет в большей мере онтологизировать «жизненное пространство». Непосредственный субъективный опыт говорит о том, что оно

представляет собой не гипотетическое построение, а факт, другими словами, что оно изображает определенную реальность, а именно субъективный образ действительности. То обстоятельство, что это изображение может быть упрощенным или содержать предположения теоретического происхождения и поэтому нуждаться в уточнении, не отменяет самого факта реальной вооруженности индивида субъективным образом себя и окружения, тем феноменальным полем, которое в концептуальном оформлении получило название «жизненного пространства».

Онтологизация «жизненного пространства» в виде субъективно переживаемого образа открывает возможность объединения и взаимообогащения представлений, связанных с этими понятиями. В советской литературе проблема психического образа, и в частности «образа мира», разрабатывается (Леонтьев, 1979; Смирнов, 1985) без достаточного внимания к идеям К. Левина, которые явно могли бы способствовать уточнению структурных и динамических особенностей образа. Выше в этом направлении была

сделана попытка ввести в «образ мира» градиент реальности. С другой стороны, статус субъективного образа определенно изменяет трактовку носителей ситуативной мотивационной динамики в «жизненном пространстве». При таком статусе его предметное содержание составляют не гипотетические переменные и не физические объекты, неизвестно как связанные с потребностями индивида и приобретающие соответственно им валентности, а именно субъективно отражаемые предметы. Валентность как способность этих предметов привлекать или отталкивать индивида при их понимании как субъективно отражаемых перестает быть просто констатируемым фактом и получает естественную интерпретацию пристрастного отношения индивида к отражаемому в образе содержанию. Эмоции на протяжении всей истории их познания рассматривались как нечто, оценивающее отражаемое содержание (см. Грот, 1879—1880), а когда к ним относились и желания, как побуждающее по отношению к нему действия (Вилюнас, 1976. С. 47— 56). Этот феноменологически очевидный факт в теории поля не отрицается, а только переименован и отражен в представлениях о валентности и порождаемых ею силах-побуждениях; едва ли нужно убеждать в том, что восприятие или представление предмета с удовольствием, неудовольствием или желанием означает, что он обладает валентностью, характером требования.

Трактовка эмоциональных оценок и побуждений в качестве элементов и действующих сил «жизненного пространства» уточняет условия их обнаружения в образе, так как означает их проявление в образовании, обладающем определенной организацией: временной перспективой, градиентом реальности и др. Эта организация сказывается и на характере проявления эмоций; так, согласно теории поля возникающие в нем силы (или сила возникающих эмоциональных побуждений) зависят от психологического расстояния объекта от индивида. Для проблемы полимотивации особое значение имеет представление о постоянно происходящем взаимодействии сил в «жизненном пространстве», которое при «менталистской» трактовке означает взаимодействие

204

эмоциональных оценок и побуждений. Положение о доле природы субъективного образа, акцентируемое его трактовкой по образцу «жизненного пространства», облегчает понимание взаимодействия эмоциональных переживаний, которое в виде поля приобретает онтологический базис для своего осуществления.

Таким образом, онтологизация «жизненного пространства» в виде психического образа, при которой мотивационные процессы получают реальный субъективный носитель—эмоциональные отношения к предметам и воздействиям, вместе с тем открывает возможность перехода от феноменологии к механизму полимотивации, каким является взаимодействие эмоциональных переживаний, их суммация, слияние, взаимоподавление и т. п. Любопытные предположения по этому вопросу содержит другая «пространственная» концепция, возводящая слияние эмоциональных переживаний в ранг одной из главных особенностей психического, а именно концепция В. Вундта.

Слияние чувств

Вывод, сделанный при обсуждении эмоционального процесса и утверждающий, что ситуативная динамика эмоций практически не отражена в современных концепциях³⁴, сохраняет силу и в отношении специфического аспекта их динамики—взаимодействия и слияния одновременно или непосредственно друг за другом переживаемых эмоций в более сложные образования. Сказываются последствия продолжительно господствовавших в психологии эмоций традиций, под влиянием которых внимание уделялось преимущественно поведенческим и физиологическим аспектам проблемы (Гельгорн, Луфборроу, 1966; Candland, 1962; Lund, 1942; Tobach, 1969), эмоции рассматривались как бесприродные «промежуточные переменные» (Brown, Farber, 1951; Young, 1959) или

³⁴ Кроме уже указанных работ см.: Arnold, 1960; Candland а. о., 1977; Gerstmann, 1963; Plutchik, 1980; Plutchik, Kellerman, 1980; Young, 1943.

вообще устранялись из психологии (Duffy, 1968-Meyer, 1933). В условиях таких исследовательских установок, повлиявших на анализ проблемы даже на философском уровне (Bedford, 1967; Shibbes, 1974) тонкие эмоциональные взаимодействия, которые про-исходят, например, при восприятии искусства, конечно не могли получить отражения в теории. На этом фоне отчетливо выделяется концепция В. Вундта подчеркивающая такого рода взаимодействия.

«Гедоническое пространство». Как известно В. Вундт выделял два вида далее не разложимых «психических элементов», сочетающихся в более сложные образования—ощущения и чувства. Если ощущения соответствуют объективным внешним воздействиям, то «чувственный тон является необходимым дополнением ощущения потому уже, что каждое ощущение принадлежит ощущающему субъекту и таким образом содержит в себе кроме объективного фактора еще отношение этого субъекта к впечатлению, как фактор субъективный» (Т. 2. С. 437)

³⁵. Чувства необходимо «дополняют» не только ощущение, но и все сложные когнитивные структуры: что бы индивид ни воспринимал, представлял, мыслил и т. д.—любое отражаемое содержание вызывает у него определенное чувство, дополнительное субъективное впечатление, производимое этим содержанием. Таким образом, концепция В. Вундта относится к *панэмоциональным*, т. е. утверждающим всеобщее эмоциональное сопровождение познавательных процессов.

Данное утверждение связано с важнейшим концептуальным представлением о *принципиально дихотомном* строении психического, о том, что 'в субъективном образе всякое содержание получает двойное отражение: на основе тех или иных когнитивных характеристик и, кроме того, в виде чувств. Волевые

⁸⁵ Эти представления В. Вундта складывались постепенно. В первых изданиях «Оснований физиологической психологии» отмечалось, что «при описании чувств трудно избежать некоторого рода неясности», и они рассматривались «как *третий* определяющий момент ощущения» (1980. С. 488—489). Здесь будут обсуждаться взгляды, изложенные в более поздних «Основах физиологической психологии»; ссылки на эту работу будут даны указанием тома.

206

процессы, которые в трихотомных схемах психического выделяются в третью его составляющую, 'В. Вундтом рассматривались в качестве высшей ступени взаимодействия чувств и развивающихся из них аффектов: «...Хотя в отдельных случаях и встречаются чувства, которые не объединяются в какие-либо аффекты, и аффекты, которые не заканчиваются какими-нибудь волевыми действиями, однако в общей связи психических процессов эти три ступени, взаимно обуславливают друг друга, образуя 'взаимно связанные члены одного и того же 'процесса, который достигает 'высшей ступени своего развития в форме долевого процесса. В этом смысле чувство может быть рассматриваемо как начало волевого действия с тем же правом, как и, наоборот, воля может рассматриваться как сложный процесс чувства, а аффект — как .переходная ступень между тем и другим» (1912. С. 157).

Чувствам, как и ощущениям, присущи свойства качества и интенсивности. Но если ощущения по .качеству 'распадаются на ряд трудносопоставимых систем,

различающихся модальностью, то множество •всевозможных чувств составляет единый непрерывный континуум, который В. Вундт изображал в виде 'трехмерного «гедонического» пространства с 'биполярными осями: удовольствие — неудовольствие, возбуждение—успокоение, напряжение — разрешение. Любое простое чувство ³⁶ соответствует в таком пространстве отдельной точке, причем ее положение относительно системы осей выражает качество чувства, а удаленность ее пересечения осей (нулевой точки)— интенсивность. Таким о'бразом, качество чувства является составным, трехмерным, правда, с 'возможностью отсутствия, нулевой выраженности отдельных измерений: «Качественная особенность, свойственная всякому чувству и отличающая его от всех прочих чувств, характеризуется тем, что всегда .принадлежит к основным эмоциональным формам — к удовольствию или неудовольствию, возбуждению или

³⁶ «Простыми чувствами следует называть такие самостоятельные существующие чувства, которые хотя и могут вступать в соединение с другими элементами сознания, но сами уже на самостоятельные более простые чувства неразложимы» (Т. 2. 'С. 376).

угнетению, напряжению или разрешению. Она может входить или в одно из этих измерений, или в два или во все три» (Т. 2. С. 377.). Эти три «эмоциональ-' ные формы» или измерения назывались В. Вундтом еще компонентами эмоционального качества.

Как можно видеть, от традиционных представлений рассматриваемая концепция отличается прежде всего значительно более широкой трактовкой сферы эмоционального: 'в ней наряду с 0'бщепр.изнаваемым эмоциональным параметром удовольствия-неудовольствия (который наиболее отвечает тому, чтобы отражать мотивационную значимость воздействий) выделяются еще два параметра, ставимые в зависимость преимущественно от модальности 'воздействий (возбуждение-успокоение) и от их апперцепции, внимания к ним, ожидания-неожиданности (напряжение-разрешение). Традиционные эмоции, такие как радость, надежда, печаль, гнев, выделялись В. Вундтом в отдельный класс под названием аффектов и рассматривались как продукт, вторая фаза развития чувств: «Каждое более сильное чувство ведет к аффекту» причем первоначальное чувство переходит в другие» (Т. 3. С. 248). По определению аффекты представляют собой «формы течения чувств»; это означает, что в состоянии аффекта чувственный процесс 'совершает в трехмерн&м пространстве движение по определенному маршруту-форме, свойственному именно данному аффекту и его характеризующему.

Динамика чувств в гедоническом пространстве. Для понимания мотивационной сум'мапии важнейшее значение имеют процессы взаимодействия и слияния чувств, представляющие собой, согласно обсуждаемой концепции, одну из фундаментальных особенностей психического. Положение о неизбежном сопровождении познавательных элементов субъективного образа специфическими чувствами влечет признание одновременного существования в психическом огромного количества чувств, соответствующего множеству одновременно воспринимаемых ощущений и 'более сложных когнитивных структур. В схематическом изображении это означает, что в трехмерном гедоническом пространстве моментному состоянию отвечает не одна или несколько, а целая россыпь точек, каждая из которых соответствует отдельно переживаемому чув-

208

ству. Поскольку душевный процесс находится в постоянном движении, в следующий мо'мент в переживаемой совокупности чувств нечто непременно меняется, 'поэтому такую россыпь следует представлять перемещающейся и мерцающей. Так, 'поворот головы и перевод взгляда влечет смену или смещение чувств, которые 'сопровождает зрительную стимуляцию, порождаемые ею. ассоциативные представления, а также ощущения от сокращения мышц глаз и шеи.

Именно процессы слияния вносят в такой движущийся хаос чувств момент системности и порядка. Дело в том, что близкие в том или ином отношении элементарные чувства объединяются по определенным законам, образуя более

сложные чувства, причем такое объединение имеет многоступенчатый характер: частичные чувства первого порядка, образующиеся из элементарных, способны породить, взаимодействуя и сливаясь, чувства второго порядка, те в свою очередь—третьего и т. д. В результате на основе изначального множества элементарных чувств выстраивается иерархическая пирамида 'более сложных чувственных образований (соответствующих уже не ощущениям, а отдельным отражаемым предметам, мыслям, их комплексам), на вершине которой находится «цельное» чувство, отвечающее целостной ситуации: «Все имеющиеся в любой данный момент в сознании элементы чувств объединяются в одну единую равнодействующую чувства»; «...Нет в сознании двух одновременных представлений, хотя самых диспаратных и независимых друг от друга, эмоциональные элементы которых не объединялись бы в одно равнодействующее чувство» (Т. 2. С. 419, 420).

Так, у зрителя, созерцающего спектакль, отдельные чувства вызывают элементы декорации сцены, их общая композиция, музыкальное сопровождение, отдельные актеры, их позы, содержание высказываний, их интонации, ассоциативно возникающие мысли, а также, возможно, шепот или увлеченность спектаклем соседей, тесная обувь, духота в зале и т. п., что сливается в общее чувственное состояние в каждый данный момент. Итогом суммации чувств является также общее впечатление о спектакле и о посещении театра, которое кроме эстетических переживаний охватывает впечатления от общения в антрактах, от

мыслей о невыполненном в этот вечер важном деле и т. п. Подобный более или менее сложный, но непременно динамичный чувственный процесс сопровождает любую другую деятельность человека.

Конечно, многие переживаемые чувства даже относительно высоких порядков не рефлексированы субъектом: «...Отдельные простые чувства в общем или совсем перестают различаться как отдельные составные части сознания и только вносят свою долю в своеобразную эмоциональную окраску последнего, или по крайней мере отступают на задний план по сравнению с совокупным впечатлением» (Т. 2. С. 421) Чувство от музыкального сопровождения спектакля или тем более вклад в него игры отдельного инструмента могут вообще быть не замеченными человеком, поглощенным развитием сюжета, но тем не менее 'внести свою, предусмотренную постановщиками, долю в динамику эстетических переживаний. Профессионалом же такое чувство может отчетливо выделяться и осознаваться. Осознанность чувств связана с 'направленностью апперцепции, рефлексивного внимания.

Следует подчеркнуть, что происходит как пространственная сумма одновременно переживаемых чувств, так и временная сумма 'переживаний, сходящихся друг за другом или разделенных некоторым промежутком времени. Первому случаю соответствует возникновение чувств, например, при восприятии музыкального аккорда, беглом взгляде на пейзаж или человека, второму — при восприятии мелодии, спортивного матча, разговора и т. п. Временная сумма свидетельствует о том, что возникающие чувства некоторое время сохраняются, позволяя индивиду иметь впечатление о его движении в гедоническом пространстве, ритмике и траектории продолжающегося чувственного процесса. В целом из-за слияния чувств субъект наряду со сравнительно простыми чувствами, отвечающими отдельным стимулам, располагает каждую секунду чувственными эквивалентами слож[^]-ных стимульных комплексов, а также чувственной картиной развития ситуации.

В. Вундт формулирует несколько общих принципов слияния чувств. Принцип «ценности целого» утверждает, что сложное чувство — это всегда новое

210

качество, которое не повторяет полностью качества его составляющих. Соединение чувств не является механическим, так как при этом они видоизменяют друг друга и видоизменяются под влиянием образующегося из них «цельного» чувства. Одно из возможных последствий возникновения нового качества сложных чувств обозначено в виде «принципа усиления ценности чувств при их сложении». В сложном чувстве некоторые его составляющие могут господствовать и оказывать наибольшее влияние на его качество, причем это не обязательно самые интенсивные чувства; они могут выделяться, например, благодаря контрасту к другим составляющим («принцип градации элементов»). Впечатление от дизайна, модели одежды или архитектурного решения может портиться или, наоборот, удачно акцентироваться какой-нибудь единственной деталью.

Конечно, эти отвлеченные принципы охватывают только небольшую часть реального разнообразия процессов слияния чувств. Наряду с универсальными

принципами существуют более конкретные закономерности, проявляющиеся в отдельных видах отражения и деятельности и помогающие ориентироваться, например, в различных формах искусства, в сложном языке мимики, интонации и других каналов невербальной коммуникации. Художественное творчество основано на интуитивном знании такого рода закономерностей, прислушивании к тому, какое чувственное 'впечатление производит создаваемое сочетание красок, созвучий, форм и их динамика. Историчность канонов совместимости, гармонии, красоты, конвенциональных условий и правил общения говорит о том, что значительная часть такого рода закономерностей складывается в онтогенезе и является одной из форм присваиваемой культуры. Учение о чувствах В.Вундта затрагивает преимущественно ситуативный аспект их взаимодействия, проявление в сфере восприятия и представления; онтогенетическое развитие чувств, их видоизменение под влиянием опыта, фиксация сложившихся чувственных структур в учении разработки не получило, хотя констатируется, например, представлением об участии 'в развитии чувственного процесса ассоциативного опыта. Этим оно подобно уче-

нию К. Левина, тоже сосредоточенному на ситуативной мотивационной динамике.

Между тем онтогенетическое развитие и, в частности, важнейший процесс аккумуляции чувств, возникающих в разное время в отношении одного и того же объекта, представляют собой типичное 'проявление эмоциональной динамики. Об этом писал В. С. Дерябин, один из немногих авторов, видевших значение эмоциональной суммации: «Суммируются чувства, связанные с местом, где человек провел детство. Отношение к деньгам складывается на основании суммарного чувства, образующегося начиная с детства»;

«Текущая кровь производит иное впечатление, чем ягодный сок такого же цвета. Апельсин производит более приятное 'впечатление... чем деревянный оранжевый шар. Причина та, что в наши восприятия привносится воспоминание чувственного тона прежних переживаний»; «Суммация аффективных переживаний ведет к тому, что 'получается очень сильная реакция на событие, само по себе незначительное. Капля переполняет чашу. Так, люди, живущие вместе долгое время (муж и жена и т. д.), если у них накопилось недовольство, дают однажды реакцию не на данное обстоятельство, а на сумму всех аналогичных переживаний» (1974. С. 202—203).

Такого рода факты, легко наблюдаемые в повседневной жизни, констатируются также экспериментальными исследованиями. Не поддерживает ли идею о мотивационной суммации, например, тот факт, что при подкреплении электроударом потенциально опасных объектов — изображений змеи или паука, вырабатываются более стойкие к угашению реакции по сравнению со случаем использования в качестве условного раздражителя изображений цветов или грибов, хотя при другом подкреплении такое различие не наблюдается (Ohman а. о., 1976) ? Подобные феномены обнаруживают не только исследования человека. В обзорной работе Р. Р. Миллера и Л. Д. Ма-цела выделено двенадцать лабораторных феноменов, полученных в исследованиях животных и свидетельствующих о влиянии на процессы научения сложившегося в прошлом значения условного раздражителя, *его* «ассоциативной истории» (Miller, Matzel, 1987).

Проблема природы чувств. Переход от констата-

212

ции такого рода процессов к некоторому их пониманию, описанию на основе принципов и закономерностей—дело, очевидно, будущего. Концепция В. Вунд-та не содержит готовых рецептов для решения конкретных проблем мотивации, ее преимущество в том, что она предоставляет основу для таких решений. Некоторые из ее преимуществ можно обозначить ссылкой на вышеобсуждавшийся материал. Так, при анализе феноменологических данных был сделан вывод о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений. Концепция «гедонического пространства»—одна из немногих (см. также Грот, 1879— 1880; Крюгер, 1984), предусматривающих реальный субъективный носитель всеобщего обнаружения мотивации. Были приведены также данные о разнообразии форм и 'повсеместном проявлении полимотивации и о затруднениях, возникающих при попытке осмыслить этот феномен в теории. Обсуждаемая концепция является единственной, предусматривающей в виде процессов слияния чувств реальный механизм полимотивации—целый пласт психического, в котором мотивационные

взаимодействия имеют возможность осуществляться. Феноменологическое «жизненное пространство» К. Левина, дооснащенное пластом гедонического пространства, становится менее схематичным, так как приобретает общий онтологический носитель для силового поля и всех взаимодействующих его составляющих.

Однако перспективная, по всей видимости, задача ассимиляции представлений В. Вундта сопряжена с рядом запутанных проблем, и прежде всего с интерпретацией пространства чувств в контексте более современных общепсихологических представлений, его соотношения с традиционно понимаемыми эмоциями и мотивацией. Расширенная трактовка сферы эмоционального, введение в нее параметров возбуждения, напряжения и их противоположностей ставит вопрос о принципиальном назначении этих присоединяемых к эмоциям переживаний, их локализации среди психологических категорий, «прописке» в системе психического. Если по принятому в данной работе представлению эмоции субъективно выражают Мотивацию, то означает ли это, что существуют потребности, из-за которых некоторые ритмы восприни-

маются напряженными, цвета — успокаивающими, запахи—нежными? Или следует признать, что 'при расширенной трактовке эмоционального не все эмоции выражают мотивацию?

Концепция «гедонического пространства» однозначного ответа на эти вопросы не содержит, так как образования, эквивалентные потребностям, ею не охватываются, а мотивация (в виде волевых побуждений) трактуется скорее как следствие, чем как предпосылка чувственного процесса³⁷. Следствием этого является некоторая неопределенность в общей трактовке чувств, в частности факторов, детерминирующих их динамику.

С одной стороны, непредусмотренность влияния на изначальное развитие чувств со стороны потребностей создает впечатление сравнительной пассивности чувственного процесса и его динамики. В рисуемой В. Вундтом картине чувства на первых фазах своего развития остаются в общем и целом ведомыми процессами, зависящими от событий, происходящих на полюсе познавательного отражения. Даже в наиболее активном своем проявлении—способствовании возникновению на основе чувственного сходства ассоциаций — они подчинены познавательному отражаемому событию, только не 'происходящим, а происшедшим. Даже явная, казалось бы, связь с мотивацией измерения удовольствия-неудовольствия В. Вундтом отрицалась: «...Нельзя сказать, что человек чувствует удовольствие и неудовольствие для того, чтобы одни раздражения искать, от других уклоняться», хотя с оговоркой, что «...зернышко истины есть и здесь» (Т. 2. С. 435—436). При этом он ссылаясь на существование обратных примеров («опаснейшие яды могут быть приятны по вкусу и запаху, и самые целебные лекарства—иметь дурной запах и вкус»), как будто из того, что врачам случается ошибаться в лечении, следует, что в тезисе об их предназначенности и способности лечить есть только зернышко истины.

С другой стороны, если иметь в виду, что чувства

³⁷ «Вопрос, следовательно, почему мы чувствуем удовольствие, неудовольствие и т. д., собственно говоря, столь же мало имеет смысла, как вопрос, почему мы осязаем, обоняем, чувствуем вкус и т. д. ...В этом смысле вывести чувства из каких-нибудь других душевных процессов нельзя» (Т. 2. С. 436).

214

способны перерасти в аффекты, которые представляют собой формы течения чувств, т. е. определенные закономерности их же развития, что «выделение какого-нибудь чувства из аффекта всегда бывает в значительной степени произвольно» (1912. С. 145), что слабые аффекты возникают из чувств постоянно (Т. 3. С. 251) —то изначальное представление о мере активности-пассивности чувств становится иным Динамика чувств оказывается зависящей не только от процессов познания, но и от многочисленных закономерностей их развития во времени, каковыми являются аффекты. Так, радость представляет собой аффект, развивающийся целиком в отсеке гедонического пространства, соответствующем измерению удовольствия;

поскольку к радости способно привести удовольствие, возможно, что посредством данного аффекта обеспечивается, вопреки приведенному утверждению В. Вундта, сохранение и поиск удовольствия.

Подчиненность развития чувств законам = аффектам, которые, очевидно, уже можно рассматривать в качестве выражающих мотивацию, говорит о том, что мотивация является не только завершающим звеном развития чувств и что она имеет на них обратное влияние, определяющее возникновение одних чувств преимущественно перед другими и, как следствие, обеспечивающее восприятие одних познавательных структур, а не других. Речь идет о феноменах типа перцептивной защиты или противоположных им — типа «у страха глаза велики», которые в экспериментальной психологии накапливаются под рубрикой влияния эмоций и мотивации на познавательное отражение (Рейковский, 1979. Гл. 4; Jenkin, 1957; Maru-szewski, 1971) и служат предметом различных теоретических обобщений (Obuchowski, 1970a, 1970b; Simon, 1967).

* Проблема соотношения и взаимодействия познавательных и мотивационных детерминант чувственного процесса—только одна из тех, которые возникают при попытке осмыслить 'психологическую природу и функциональное назначение вундтовских чувств. Рассмотрение,этих проблем требует более широкого контекста по сравнению с обсуждавшимся в данной главе вопросом о конкретных механизмах развития мотивации и поэтому будет продолжено в обобщаю-

щей части работы. Здесь же, без выхода на такой контекст, возможно только заключить, что взаимодействующие чувства как особый пласт психического в котором находит субъективный отклик всякий акт познавательного отражения, представляют собой правдоподобную основу для осуществления мотивационной суммации. Без такой основы данные о процессах сум-мации и их последствиях — полимотивированности поведения—остаются лишь ярким феноменологическим материалом, не вписывающимся в традиционные концептуальные построения и поэтому по вынужденности принимаемым декларативно.

Глава 3

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Проведенное исследование механизмов развития мотивации, разумеется, не охватывает всего содержания проблематики. Некоторые вопросы, частично обозначенные по ходу обсуждения, почти сразу после их постановки упираются в нерешенные проблемы современной психологической науки, на другие не вывела логика и характер поиска, осуществлявшегося прежде всего в направлении механизмов онтогенетического развития мотивации. Тем не менее можно, по-видимому, сделать вывод, что такого рода поиск оказался возможным и перспективным. Последнее позволяют утверждать обобщения, следующие из проведенного исследования и вносящие определенные коррективы в общее понимание мотивации и отдельных общепсихологических проблем. Главной среди них можно назвать проблему того пласта в психическом, в котором проявляются мотивация и выражающие ее эмоции.

При всем различии существующих представлений о психическом, об открываемом субъективно «образе мира», его основа, каркас, главные структурные и содержательные конструкции, за редкими исключениями, трактуются когнитивно. В тех же случаях, когда эмоции не отстраняются от системы психического отражения и рассматриваются реально действующими в ней силами, они трактуются, во-первых, как добавляющиеся к познавательным структурам, их окрашивающие, акцентирующие¹, во-вторых, как *непосредственно* взаимодействующие с ними, прямо влияющие на них и испытывающие обратное влияние

¹ Показательно, что проблему образа считается возможным рассматривать в абстракции от эмоций (см. Гибсон, 1988, Найссер, 1981, и др.), тогда как обратное не встречается

Попытки рассмотреть действие механизмов мотивации позволяют усомниться в правильности последнего представления, показывая, что во взаимодействии эмоций и процессов познания порой достаточно отчетливо участвуют и посредничают таинственные субъективные феномены, вроде чувства реальности которое, как было показано выше, оказывает заметное влияние на возникновение эмоций. К постановке вопроса об этих феноменах наиболее прямо привело обсуждение вундтовских чувств с их ясным феноменологическим обнаружением и неясной психологической природой. Рассмотрим этот вопрос в более широком контексте.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

В советской психологии существует традиция рассматривать переживание в качестве одной из центральных категорий, характеризующих психическое. С. Л. Рубинштейн изложение своей системы взглядов в «Основах общей психологии» буквально начинает со следующего положения: «Было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало в действительности. Всякий психический факт—это и *кусочек реальной действительности и отражение действительности*—не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением,— *единством реального и идеального*. <:...>

Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание. Моментом знания в сознании особенно подчеркивается отношение к внешнему миру, который отражается в психике. Переживание это первично, прежде всего — психический факт, как кусочек собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни» (1946. С. 5—6). Об этом же пишет Е. В. Шорохова: «Сознание это не только знание, но и переживание» (1961. С. 257).

Как можно видеть, речь идет об аналитической

218

рассечении целостного акта психического отражения, выделении и противопоставлении в нем полюсов знания и переживания, иначе — отражаемого содержания и его субъективного носителя. Обосновать такое различие феноменологическими данными нелегко из-за значительно худшей осознаваемости тех смутных чувств, которые составляют полюс переживания. В непосредственном интроспективном наблюдении оба полюса обычно предстают безнадежно слившимися. Не различает этих полюсов и обыденная рефлексия, склонная все переводить в единый план генетически сложившихся знаний о себе и мире. И только отдельные и редкие феномены расщепления знания и переживания (когда мы отчетливо переживаем, что нечто подобное видели или слышали, но не знаем, что именно, см. Yarmey, 1973) или специально направленное самонаблюдение (выясняющее, что именно мы испытываем непосредственно перед тем, как совершить некоторое движение, высказать некоторую мысль и т. п.) обнаруживают существование отдельного мира субъективных переживаний. Однако некоторые теоретические представления, а

также ряд нерешенных проблем психологии позволяют предположить, что малозаметность этого мира может и не означать его малозначимости.

Образы, мысли, идеи не могут существовать без некоторого носителя, субстанции воплощения, и такой субстанцией является субъективное переживание. Человек может для сохранения перекодировать образы в ту или иную систему символов и знаков (устной речи, художественных средств, математических формул и т. п.), но для того, чтобы стать достоянием другого человека, они должны быть им перевоплощены обратно, переведены 'из конвенционального внешнего во внутренний, живой носитель. Важно подчеркнуть, что согласно данному пониманию именно субъективное переживание является носителем психических образов, а не физиологические процессы, несомненно, хотя и неизвестно *как* обеспечивающие возникновение феномена переживания.

Исключительное методологическое значение этих положений определяется тем, что они способствуют уточнению в отношении психического таких категорий, как форма и содержание, реальное и идеальное.

Реальность субъективных переживаний позволяет охарактеризовать их как универсальную онтологическую основу психического образа, как конкретно-субъективную форму существования отражаемого в нем содержания. Другими словами, в психическом переживании проявляется в качестве реального носителя познавательных образов (воспринимаемых, представляемых, мыслимых) и в этом смысле 'противопоставляется отражаемому в них идеальному содержанию (которое неминуемо переживается): «Субъекту идеальное есть лишь содержание психического отражения объективного мира» (Гальперин, 1976а. С. 45). Разумеется, противопоставление переживания и отражаемого содержания (образов, знаний) является относительным, так как 'в целостных 'психических явлениях эти два полюса всегда выступают в единстве формы и содержания. Следует отметить, что в виде переживания и знания в психике человека обнаруживаются моменты, «в тех 'или иных формах представленные даже 'в'совсем элементарных психических образованиях» (Рубинштейн, 1946. С. 6), т. е. речь идет не только о высшей форме отражения—сознании.

Возможности дальнейшей конкретизации этих представлений в отношении полюсов знания и переживания резко различаются: если о разных видах и уровнях знания и их взаимосвязях современная когнитивно настроенная психология накопила множество детализованных данных, то многие проблемы, касающиеся переживания, не разработаны даже на уровне гипотез. Отсутствие представлений о границах эмоциональной сферы отражения² автоматически обуславливает неопределенность в вопросе об основных видах переживания. Утверждается, например, что «переживание в индивидуальном сознании не тождественно с эмоциями», что «переживание как форма существования психического в сознании человека понятие более широкое, включающее в себя понятие эмоции в специфическом смысле-» (Шингаров, 1966. С. 158). Но если это так, то что можно сказать о не-

² «...Едва ли найдутся два учебника, единогласные в том, где в нашем опыте проходит хотя бы приблизительная граница между эмоциональным и неэмоциональным» (Крюгер, 1984. С. 109).

220

эмоциональном переживании кроме того, что оно обнаруживается как субъективная реальность и как форма существования отражаемого содержания? Существуют ли какие-то его разновидности, имеют ли переживания внутреннюю структуру, как они взаимодействуют между 'собой?

Отсутствие ответов на эти вопросы позволяет утверждать, что и для современной психологии в полной мере сохраняют справедливость слова У. Джемса:

«Мы должны признать, что определенные образы традиционной психологии составляют лишь наименьшую часть нашей душевной жизни. Традиционные психологи рассуждают подобно тому, 'кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок 'воды. Если бы бочки и ведра действительно запрудили реку, то между ними все-таки протекала бы масса свободной воды. Эту-то свободную, незамкнутую в сосуды воду психологи и игнорируют упорно при анализе нашего сознания» (Джеме, 1911. С. 137).

Игнорируются при анализе психического весьма разнообразные и функционально

важные явления. Таковы, например:

— упоминавшиеся чувства меры реальности отражаемого содержания, которые обычно не замечаются из-за постоянного присутствия 'в психическом, 'но отчетливо обнаруживаются при психотических нарушениях, когда действительность воспринимается нереальной или в нее проецируются и воспринимаются реальными образы галлюцинаторного происхождения;

— чувство узнавания, тоже столь же мало заметное в нормально функционирующей психике и столь же явно обнаруживающееся в случае застрявшего припоминания, при неспособности человека идентифицировать узнаваемое явление («узнаю, но не могу вспомнить»), а также при аномалиях в виде симптома «уже виденного» в отношении того, что никогда раньше не воспринималось, или «никогда не виденного» при восприятии хорошо известных предметов;

— чувства пространственного расположения предметов в отношении тела (неисчислимы непосредственно понимаемые «там»);

— чувства способа действия (столь же неисчислимы «так»);

— чувства сходства, ожидания и многие другие психические явления, имеющие признаки непосредственного субъективного переживания.

Справедливости ради надо сказать, что отдельные виды такого рода чувств достаточно интенсивно исследуются, например чувство понимания (Знаков, 1986), чувство знания (Carroll, Buss, 1988; Schacter, Worling, 1985; Scholnick, Wing, 1988), однако в этих исследованиях они обычно рассматриваются в когнитивном аспекте — как результат и составная часть познавательной активности, но не со стороны их особой 'природы—как формы 'переживания³. Между тем феноменологически, в аспекте структурной локализации, такого рода чувства обнаруживаются как нечто, добавляющееся к отражаемому содержанию, что противопоставляет их этому содержанию и сближает с эмоциональными переживаниями: один и тот же предмет может переживаться как 'приятный, скучный, желательный, но вместе с тем и как реально существующий, знакомый, находящийся «там», что-то напоминающий и т. 'п. Сближает эмоции и рассматриваемые , чувства также и то, что оба явления определяются не столько самими по себе объективными свойствами предметов, сколько отношением этих свойств к внутренним образованиям индивида: в одном случае— к потребностям, ходу их удовлетворения, в другом, как правило, к накопленному опыту, активности по его 'использованию. Наконец, эмоции и рассматриваемые переживания тесно связаны функционально; это выше было показано на примере чувства реальности.

Таким образом, непосредственный опыт как 'будто говорит о том, что наряду с эмоциями существует множество других психических явлений, обладающих признаками переживания. Но что в таком случае объединяет и различает эти 'разновидности переживания, какие возможны дальнейшие характеризующие его дифференциации? Актуальность разработки вопросов о столь интимных и существенных особенностях психического не нуждается, по-видимому, в аргументации.

«Гедоническое пространство» и проблема пережи-

³ Так рассматривались, например, переживания отношений ^в Вюрцбургской школе.
222

рания. Определенную интерпретацию проблема переживания 'получает в свете трехмерной концепции чувств В. Вундта. Если учесть расширенную трактовку 'в этой концепции сферы эмоционального, тот факт, что чувства характеризуются в ней как «субъективный элемент душевной жизни» (Т. 3. С. 125), сопровождают всякий акт отражения и образуют отдельный пласт психического — ее можно рассматривать как концепцию не столько эмоций, сколько субъективного переживания. Согласно этой концепции эмоциональные переживания удовольствия-неудовольствия представляют собой один из возможных (но не обязательных) компонентов субъективного переживания, а традиционные эмоции типа радости, стыда, гнева — определенные фор'мы развития субъективного переживания во времени.

Развитие этих взглядов способно привести к коренному изменению представлений о принципиальном строении психического. Так, из них следует вывод о двуплановости субъективного образа, о том, что всякое содержание получает в

нем двойное отражение: на основе тех или иных когнитивных характеристик и, кроме того, в виде чувств-переживаний. Качественное разнообразие и изменчивость таких чувств, как бы дублирующих познавательное отражение, говорит о том, что полюс переживания в психическом означает не простую и однообразную субъективную презентированность отражаемого содержания, а представляет собой дифференцированный и варьирующий пласт отражения, на котором субъект получает хотя трансформированное и упрощенное, зато унифицированное, переведенное на общий чувственный язык впечатление об окружающем и происходящем.

Существование и значение в психическом особого плана переживаний-чувств легче всего проиллюстрировать на примере восприятия музыки, в основе которого, как известно, лежит не когнитивный анализ высоты и тембра звуков, состава аккордов и продолжительности пауз, а именно эмоциональное (чувственное) переживание звуковысотного движения и ритмики. Согласно В. Вундту, подобный (хотя не всегда столь ясно выраженный) чувственный резонанс сопровождает все отражаемое: газетный текст, пейзаж,.

разговор и т. п. В отличие от восприятия музыки, которую иногда называют искусством формы, при чтении текста или разговоре человек сосредоточен прежде всего на анализе содержания, в связи с чем чувственное сопровождение им значительно хуже ре-флексируется. И все же нетрудно заметить, что восприятие, казалось бы, сугубо когнитивной информации тоже сопровождается сложной чувственной «мелодией»: нарастанием напряжения при недопонимании, скуки и нетерпения при банальных высказываниях интереса, удивления, сомнения и т. п. Таким образом, пережить—это значит не просто субъективно испытать, а испытать непременно особо, как-то специфически, и это «как-то» непосредственно схватывается субъектом на изначально ему доступном сложном языке, который только в развитых формах психики становится частично вербализуемым. причем с иллюзией принадлежности вербализованных отстоявшихся форм исключительно полюсу знания и объекта. С характерной чувственной «мелодией», например, отражается уменьшение угловых размеров предмета, и это есть та изначальная основа, которую вследствие повторяющегося опыта младенец начинает воспринимать как «удаление». Когда при виде меховой шапки он произносит «кис-кис» — не логические умозаключения открывают ему некоторое подобие кошки и шапки, а именно сходство чувственного впечатления. По мере накопления опыта эти впечатления будут дифференцироваться и определенные их инварианты станут основой для понятий «мех», «пушистый», «мягкий» и т. п. Дальнейшее соотнесение и согласование значения этих слов, их использование для взаимоопределения способны окончательно уточнить их, включить в систему строгих знаний, однако далеко не все понятия достигают данного уровня развития. Не только ребенок, но и взрослый человек многие «житейские» понятия скорее чувствует, чем знает. Об этом говорит, в частности, тот факт, что при неожиданной просьбе дать определение такому понятию (например, «остроумие», «грузный», «спокойно») человек обычно начинает попытки, явно к чему-то в себе прислушиваясь, ощущая неточность своих слов и повторяя пробы. Чувство, соответствующее определяемому слову, вернее—некоторый обоб-

224

щенный чувственный инвариант, у человека есть, и именно к нему он прислушивается, пытаясь передать другими словами.

Все это значит, что «чувственная ткань» отражения и сознания является не сенсорной, как это следует из господствующей в психологии доктрины когнитивизма⁴, а чувственной в вундтовском смысле слова. Одно из преимуществ данной гипотезы заключается в том, что при ее принятии не возникают затруднения, связанные с необходимостью объяснения взаимодействия образований разной модальности в целостном акте отражения. Ею предполагается, что основа отражения — чувственная ткань — уже изначально является амодальной и что язык субъективных переживаний-чувств является как бы общим знаменателем, через который могут связываться впечатления от разных органов чувств и, что особенно важно, образовываться сенсомоторные, иначе—созерцательно-деятельностные сплавы.

Функции переживаний. Концепция В. Вундта содержит весьма любопытные

предположения о функциональном назначении чувств-переживаний. Во-первых, они отвечают за целостность, структурированность отражения: только 'благодаря слиянию чувств мы воспринимаем не последовательность звуков, а мелодию, не о'вал с двумя точками и черточками, а схему человеческого лица, не ряд разномодальных впечатлений, а предмет, эти впечатления вызвавший, и т. д. Иначе говоря, слияние чувств является механизмом перцептивной организации и всех тех феноменов, которые впоследствии были вскрыты в геш-тальтпсихологии. Во-вторых, чувства способны служить посредником, связующим звеном между отдельными образами, мыслями, представлениями ,в то'м, что У. Джемсом было названо «поток сознания»: благодаря чувству, вызванному некоторой ситуацией, картиной, человеком, анекдотом мы вспоминаем о другой ситуации, картине и т. д., когда-то вызвавшими сходное или противоположное чувство. Данное их проявление осо-

⁴ «В литературе, особенно философской, часто имеет место отождествление ...сознания с познавательными процессами» (Шорохова, 1961. С. 257).

В. К, Вилюнас

бенно отчетливо наблюдается в упоминавшихся случаях, 'когда этот процесс как бы застревает и 'мы переживаем чувство, указывающее, что с чем-то п'о. добным мы уже сталкивались, но неспособны восстановить, 'с чем именно ⁵. Связывая в «потоке сознания» отдельные образы 'и идеи, чувства обнаруживают себя, согласно В. Вундту, в качестве механизма ассоциаций. В более развернутом описании это 'проявляется в том, что «...при непосредственных чувственных представлениях входящие в них элементы чувства обыкновенно *следуют* за объективным впечатлением между тем как при воспроизведенных представлениях наоборот — они со столь же 'правильной закономерностью *идут впереди*» (Т. 3. С. 132).

В-третьих, 'чувства-переживания 'представляют собой первую фазу развития активных эмоциональных реакций, или аффектов (являясь вместе с тем «материалом» для такого развития), а та'кже возникающих из аффектов волевых 'побуждений и итоговых внешних действий, иначе говоря—участвуют в осуществлении процессов, которые в современной 'психологии называются мотивационными; данное функциональное проявление чувств, а также его критическая оценка изложены в предыдущей главе.

Таким образом, концепция В. Вундта помогает узаконить и локализовать в системе психического разнообразие субъективных переживаний не только категориально и в структурном отношении, но и функционально, изображая их участвующими в центральных, 'базовых психических процессах. Конечно, эти представления нуждаются в модернизации и не могут быть заимствованы безоговорочно; однако 'важно отметить, что, нуждаясь в доработке, они допускают ее. Как отмечалось, в трехмерной концепции чувств явно недостаточно отражена внутренняя активность субъекта, ее зависимость от потребностей, а также онтогенетическое развитие чувств. Едва ли можно сомневаться в том, что при усвоении новых навыков, знаний, умений, происходит своеобразное сокращение, свертывание переживаний, складываются чувства более высоких порядков обобщения, исчезает пере-

⁵ Этот феномен обыгран в рассказе А. П. Чехова «Лот³' динная фамилия».

226

д<явление напряжения и т. п. Именно учет моментов, де принятых во внимание в обсуждаемой концепции, позволяет строить предположения о более специфических проявлениях чувств-переживаний.

Представляется, что сходное чувство, вызываемое двумя элементами опыта, — это только одно из типичных оснований для ассоциативного возникновения образов. Речь идет о случаях, которые 'можно проиллюстрировать примерами из опытов А. Э. Мишотта;

при восприятии двух простых неравномерно двигающихся прямоугольников испытуемые иногда давали персонифицированные интерпретации: «А подошел к В, затем они поссорились и В удалился прочь», «Это похоже на кошку, 'подкрадывающуюся к мыши, внезапно 'прыгающую и ее схватывающую» (Michotte, 1968. Р. 265). Что еще, если не сходство чувств, лежит в основе такого рода ассоциаций?

Другой типичной основой для ассоциативного возникновения образов служат

чувства, связанные отношениями частное — общее. Это значит, что некоторое актуально переживаемое частное чувство, вызванное внешним воздействием, может актуализировать то общее чувство, в которое оно когда-то входило в качестве составного компонента, а вслед за тем — в порядке развертывания общего чувства—весь связанный с ним познавательный комплекс или некоторый отсутствующий в ситуации его компонент (в последнем случае имеет место связь двух частных чувств через общее, в которое они входят). Так, запах перчатки может актуализировать у собаки весь чувственно-познавательный комплекс «хозяин», коробка конфет у ребенка — комплекс, сложившийся в связи с приходом вчерашних гостей, и т. п.

Как можно видеть, речь идет о самых обычных и вместе с тем неизвестно как осуществляющихся процессах. Способность одного явления или события напоминать о другом как один из самых ярких психологических феноменов, принятых в качестве универсального объяснительного принципа в ассоцианизме, тоже должна иметь объяснение, обеспечиваться некоторым механизмом и реализующим процессом. Постановка проблемы переживания открывает определенные перспективы в выяснении этого механизма.

От частного чувства могут актуализироваться об-

щие чувства, сложившиеся на основе слияния как симультанных, так и сукцессивных переживаний. Актуализация общего сукцессивного чувства вооружает субъекта представлением о возможном чувственном развитии ситуации или отдельных ее элементов. Так шум от вытираемых за дверью ног «запускает» у со^баки комплекс открываемой двери и появляющегося хозяина, конфета у ребенка — кинестетический комплекс ее развертывания, первые аккорды туша — весь чувственный рисунок его звукового развития и т. п. Показательно, что обладать картиной чувственного развития можно и не имея соответствующего ей четкого когнитивного представления. Когда мы пытаемся пропеть недостаточно хорошо освоенную мелодию, именно чувства позволяют ловить себя на фальши; мы помним чувство, а не последовательность звуковысотного движения, которую не удастся воспроизвести.

Таким образом, значение слияния чувств не исчерпывается структурированием отражаемого содержания в данной ситуации и распространяется на будущее. Сложившиеся чувственные комплексы откладываются в опыте, обеспечивая приспособительные эффекты, значение которых трудно переоценить. Опытный субъект, воспринимая ситуацию, чувственно переживает значительно больше, чем непосредственно ему открывается стимуляцией. По эпизодическим обрывкам частных чувств он способен 'восстановить ту чувственную картину, которую могла бы вызвать стимуляция, в данный момент скрытая и на него не действующая; по первым признакам некоторого разворачивающегося события он способен с предвосхищением пережить всю чувственную «мелодию» этого события. Иначе говоря, в переживаниях-чувствах, а через них и в обьективизированных представлениях ему на основе наличной стимуляции открывается его опыт, имеющий к ней отношение.

Особенно важно подчеркнуть, что из-за амодальности сферы переживаний чувственное ожидание изменения стимуляции имеет возможность связываться в ней в единый комплекс с чувственной картиной тех активных действий индивида (двигательных—повернуть, толкнуть и т. д., или умственных — сложить, отвлечься, обобщить), которые являются условием

228

преобразования стимуляции. Образ воспринимаемой коробки спичек и чувственно предвосхищаемый образ зажженной спички в руке связаны сложнейшей чувственной «мелодией», сформированной зрительной и проприоцептивной стимуляцией и в сжатом виде открывающей субъекту то, как именно можно взять коробку в руки, открыть ее, схватить двумя пальцами спичку и т. д. У ребенка, не овладевшего данным навыком, предвосхищающий чувственный процесс будет иным: спички—это то, что в руках взрослого после специфических действий (именно «таких» действий, со своей чувственной «мелодией») может превратиться в нечто, движущееся и светящееся, ни на что больше не похожее и очень интересное. Подобным образом отличаются предвосхищающие переживания при восприятии музыки слушателем и музыкантом-исполнителем, у которого переход от воспринимаемого 'к ожидаемому впечатлению опосредствован чувственной картиной определенного движения пальцами, губами и т. п. Достаточно очевидно, что в организации психического должна быть инстанция, в которой могли бы

происходить такого рода перцептивно-проприоцептивные синтезы.

Выделения заслуживает и тот факт, что наряду с различными вариантами проявления чувств в качестве связующего звена между отдельными элементами приобретенного опыта они служат также основой для приобретения такого опыта, его структурирования и упорядочения. Особенно данное проявление чувств заметно на первых этапах усвоения ребенком речи, в котором под фильтрующим влиянием словесного обозначения происходит обособление инвариантных чувственных структур или определенных «мелодий», «рисунков» их развития, общих для самых разнообразных по отражаемому содержанию ситуаций и соответственно по конкретному составу вызываемых ими чувств. Что общего между прыжком кузнечика, балерины, температуры тела, собственным проприоцептивно воспринимаемым прыжком и др.? Сопровождение восприятия этих событий одним и тем же словом способствует выявлению общего чувственного инварианта, который и становится первоначальной основой понятия «прыжок» В «житейских» поня-

тиях такая основа сохраняется в качестве главной их составляющей.

Формирование означенных словом чувственных инвариантов самым существенным образом меняет условия и возможности психического отражения. Так структурирование отражаемого содержания начинает подчиняться не только закономерностям слияния чувств, но и искусственным знаковым системам; субт. РКТ получает возможность дифференцированно переживать и сосредоточиваться на отдельных аспектах ситуации и ее изменениях, воспринимаемых при непосредственном отражении диффузно и слитно (вместо «это-изменилось-так» — «кузнечик» «отпрыгнул» «Е траву»); самостимуляция искусственными знаками внутренняя речь создает возможность произвольного «держивать у себя нужные чувственные состояния и др

Разумеется, проблема переживания, его разновидности и функционального назначения, нуждается в более аргументированной и развернутой разработке. Здесь же была сделана попытка обратить внимание на незаслуженное игнорирование в современной психологии целого пласта специфических субъективных явлений — феноменологии «смутных» переживаний — и показать, что их признание и учет в теории являются условием и открывают заманчивые перспективы для развития не только проблем мотивации. По существу речь идет о новой интерпретации чувственной ткани, при которой она обособляется от процессов познания и становится выполняющим ряд важнейших функций основанием психического, причастным практически ко всему, что в нем зарождается и происходит.

Субъективное переживание и психосемантика. Тезис об игнорировании в психологии «смутных» переживаний нуждается в оговорке, поскольку именно они интенсивно изучаются в психосемантике. Что еще, если не эти переживания, создает возможность исследования при помощи субъективного шкалирования, семантического дифференциала и других приемов построения семантических пространств, что, если не они, обсуждается под названием коннотативного значения объектов (см Петренко, 1988) ? Поэтому речь идет о теоретическом игнорировании, вследствие ко-

230

торого многочисленные и любопытные данные психосемантических исследований обсуждаются главным образом в их пределах и мало влияют на общепсихологические представления. В известной мере это объясняется характером исследований в психосемантике, из-за позитивистской ориентации сосредоточенных преимущественно на эмпирических данных, предпочитающих формальные методы их анализа и в результате замкнуто развивающих собственный язык и схемы объяснения.

Наряду с убедительной демонстрацией существование 1-го полюса дифференцированных субъективных переживаний психосемантические исследования выявили ряд особенностей этой области психического. К наиболее сенсационным можно отнести данные о трех доминирующих измерениях гедонического пространства, содержательная интерпретация которых близка к вундтовской. Кроме пространства, построенного на основе семантического дифференциала, причисляемые по данным испытуемых разного возраста, интел-

лекгуального развития, этнической принадлежности (Osgood а. о , 1957; Osgood, 1962), трехмерность была обнаружена в исследованиях мимического выражения эмоции (Gsgood, 1966; Schlosberg, 1954), а также субъективного сходства понятий, означающих эмо-циочальные состояния (Архипкина, 1981). И хотя дальнейшие исследования показали недостаточность представления о трехмерности, обнаружив ряд новых факторов-измерений (напр., Bentler, LaVoie, 1972) и зависимость выявляемой размерности семантического пространства от применяеуой методики и набора предъявляемых испытуемым объектов (Петренко, 1983; Шмелев, 1983), в целом идея В. Вундта оказалась перспективной и получила серьезную поддержку^б; утверждается даже, что «данные о панкультур-ной. планетарной устойчивости системы координат ЁРА следует интерпретировать как указание на объективный общечеловеческий (а возможно, и общебио-логи--сский) принцип трехаспектности в биоэнергети-

^с До псжосемантических исследований идея трехмерности как тддерживала.сь (напр, Рубинштейн, 1946 С 466), так и оспаривалась (Каэлас, 1917, Титченер, б г)

ческой организации поведения» (Шмелев, 1981 С. II)⁷. •

Некоторая неожиданность этих данных обусловлена малым правдоподобием того, что реальное качественное разнообразие субъективных переживаний сводилось бы к относительно простой системе трех измерений. Одно из возможных объяснений «планетарного» обнаружения этой системы вытекает из изначальной ограниченности психосемантических методик, их преимущественной нацеленности на выяснение специфических переживаний, связанных именно с оценкой отражаемых объектов. Возможно, что такие переживания допускают описание при помощи некоторого числа однопорядковых измерений-факторов. Но, согласно В. Вундту, многомерное гедоническое пространство представляет собой только первый момент в раскрытии феноменологии переживаний, основу для последующего описания их сложнейшей динамики: развития, взаимодействия, слияния, перерастания друг в друга и т. д. В этом 'процессе рождаются новые переживания, соответствующие уже не столько объектам, сколько собственной активности в их отражении и локализации в системе накопленного опыта. Похоже, что такие вторичные, процессуальные переживания не получают достаточного отражения в реконструируемых психосемантических пространствах. Рассмотрим это на примере. Очевидно, что в исследованиях при помощи методики семантического дифференциала переживания сходства-различия являются одними из наиболее интенсивно используемых:

именно они являются продуктом сравнения переживаний, вызываемых тест-объектом и отдельными шкалами, именно они в итоге экстериирируются в ответах испытуемых. Но в семантическом пространстве, построенном на основе этих ответов, отражение получают сравниваемые переживания, между которыми усматривается либо не усматривается сходство, и результаты их сравнения, а не сравнивающие процессы и осуществляющие их переживания 'сходства (а так-
⁷ ЁРА — сокращенное обозначение на английском языке трех универсальных факторов семантического дифференциала -~ оценки, силы, активности.

232

уе уверенности, сомнения и др.); фактически мы получаем информацию об относительной локализации переживания тест-объектов в системе заданных шкал или обобщенных их группировок, т. е. некоторую характеристику субъективного отражения предметов, а не процессов, позволивших такую информацию извлечь. Конечно, можно представить (и, по-видимому, показать при помощи психосемантических методов), что переживания сходства, уверенности, поиска, узнавания, знания, понимания и т. п. тоже могут быть локализованы в семантическом пространстве с теми же или подобными измерениями-факторами. Но не теряется ли при этом нечто существенное, не исчезает ли процессуальность, функциональная специфика этих переживаний? Реальное пространство переживаний по всей видимости является не только многомерным, но и многоуровневым, имеющим как структурную, так и сложную функциональную организацию, отраженную, в частности, в морфологии языка; есть основания думать, что части речи, времена, падежи, наклонения и т. д. соответствуют именно специфическим функциональным инвариантам переживаний. Экспериментальная психосемантика в лучшем случае позволяет получать фиксированные, к тому же

частичные и редуцированные срезы этой сложной организации, которые сами по себе, вне теоретического контекста, в осмысленную картину не укладываются. Умозрительные построения В. Вундта, структурно и, что особенно важно, функционально включающие чувства-переживания в систему психического, предоставляют вариант такого контекста, во всяком случае отправную точку для его дальнейшего уточнения.

Независимо от того, какое решение получит в будущем вопрос об организации субъективных переживаний, система которых имеет признаки скорее поля, чем пространства, и как в этом решении пропишутся пионерские представления В. Вундта, высказанная им идея многомерности переживания может быть принята и как оказавшаяся плодотворной, и как перспективная. Как уже подчеркивалось, одно из ее преимуществ состоит в том, что она обеспечивает гармоническое и правдоподобное включение мотивационных процессов в поле субъективных переживаний.

СУБЪЕКТИВНЫ! ПЕРЕЖИВАНИЯ И МОТИВАЦИЯ

Из вундтовоких составляющих субъективного переживания наиболее прямо презентует мотивацию измерение удовольствия-неудовольствия. Если освежающий поток воздуха, изначально воспринимавшийся с удовольствием, постепенно становится неприятным, то это определяется не самим по себе температурным воздействием, а потребностными механизмами регулирующими теплообмен, которые при помощи удовольствия-неудовольствия ставят субъекта в известность о меняющемся мотивационном значению-воздействия. Положение о том, что полезные, нужные с точки зрения потребностей воздействия и ситуации получают положительную окраску, а вредные—отрицательную, в психологии эмоций признается с редким согласием.

Из-за новизны вопроса трудно с определенностью и развернутой аргументацией говорить о задействованное™ в процессах выражения мотивации других составляющих и разновидностей субъективного переживания. Но, поскольку этот вопрос способен привести к важным изменениям в понимании мотивации, ниже, может быть 'без желательной системности, будет обозначено несколько раскрывающих его моментов.

Первый и самый главный тезис состоит в том, что непосредственным «предметом» мотивационных отношений, в частности отношений удовольствия-неудовольствия, могут служить не внешние воздействия и отражающие их познавательные образы, а специфические субъективные переживания. Иными словами, существуют и влекут широкое распространение случаи, при которых мотивационное значение предметов и воздействий идентифицируется не по их познавательным характеристикам, а по тому переживанию, инварианту или «мелодии» чувственного впечатления, которое ими вызывается.

Некоторые из такого рода случаев 'были отмечены В. Вундтом при анализе динамики чувств в пределах аффектов: «...Продолжительное чувство напряжения непременно вызывает все возрастающее чувство неудовольствия,— обстоятельство, которое привело к смешению этих двух чувств. Напротив того, смена

234

чувств напряжения и разрешения вызывает чувство удовольствия, нередко очень интенсивное, как мы это видели, когда разубирали действие ритма и аффекты, вызванные волнением игры» (Т. 3. С. 257). Таким образом, 'при всем природном и познавательном различии ожидание, 'чение в сумерках и тяжелый, разговор могут получить отрицательное мотивационное значение на основе общей чувственной закономерности, так же как специфический ритм, азартная игра и качание на качелях—положительное.

Понятно, что опосредствованность мотивационного распознавания объектов переживанием, отсутствие прямой привязанности этого процесса к сенсорно-перцептивным признакам делают его менее жестко детерминированным, зато более универсальным и гибким; благодаря этому, например, в качестве мотивационно значимого может восприниматься не 'само по себе воздействие, а его специфическое 'отношение к опыту индивида. Так, в литературе, рассматривающей условия возникновения безусловного страха, наряду со

специфическими воздействиями, такими, как боль, резкий звук, потеря опоры, обычно указываются еще «факторы» новизны, внезапности, необычности, характеризующие не стимуляцию, а ее отношение к прошлому опыту (Franus, 1967; Gray, 1971; Suomi, Harlow, 1976). В частности, пугать могут хорошо знакомые 'стимулы в необычном сочетании: шимпанзе обнаруживает страх при виде макета человеческой или обезьяньей головы, анестезированного сородича, знакомого служителя в одежде, тоже знакомой, другого служителя и т. л. (Hebb, 1955. Ch. 10). Согласно обсуждаемому тезису в действительности этими «факторами» являются конкретные субъективные переживания новизны, знакомости, необычности, определенное сочетание которых 'собственно и выполняет роль непосредственного возбудителя страха.

В какой-то мере это 'подтверждается тем, что в другом сочетании или при других условиях эти же переживания могут возбудить совершенно иные, «высшие» эмоции. Д. Юм утверждал: «Никто никогда еще не был в состоянии определить, что такое *остроумие*, и доказать, почему одному сочетанию мыслей должно быть дано это название, а другому должно быть в нем отказано. Дело решает вкус, и у нас нет

другого мерила для суждений по этому поводу. Но что такое указанный *вкус*..? Очевидно, не что иное как ощущение удовольствия от истинного и ощущение неудовольствия от ложного остроумия, причем мы сами не в состоянии объяснить причины указанного удовольствия или неудовольствия» (1966. С. 427) Наши удовольствия-неудовольствия едва ли могут быть искушеннее нас в различении остроумия, им нечто должно в этом помогать. И хотя не только мы сами, но и специальные исследования (напр., Лук, 1968) не в состоянии раскрыть все 'секреты такой по-' мощи, их результаты не оставляют сомнения в том, что в ней задействованы переживания новизны, необычности, неожиданности и т. л. И. Кант определял смех как «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» (1966. С. 352). Что, если не определенный инвариант динамики переживаний констатирован в этих словах? Ведь и внезапность, и напряжение, и ожидание, и даже ничто соответствуют языку не столько объективных воздействий, сколько субъективных состояний.

Переживаниями опосредствованы и другие случаи возникновения мотивационного отношения к сложным, особенно многомодальным воздействиям и развернутым во времени событиям. Все только что сказанное об остроумии может быть повторено в отношении чувства прекрасного с тем отличием, что в его возникновении участие принимает несколько иной состав переживаний, в частности чувства гармонии, •пластики, созвучия, ритма, лада и т. п. Выше приводились примеры сложнейшего .процесса взаимодействия и слияния такого рода переживаний, сопровождающего эстетическое восприятие. Мотивация способна подключаться на любом этапе этого процесса, позитивно или негативно окрашивая как промежуточные, так и конечные его итоги. И даже если некоторые промежуточные чувственные продукты имеют уже сложившееся, фиксированное мотивационное значение, их сочетание способно привести к новому, возможно неповторимому мотивационному значению всего комплекса. По этой причине каждый случай наслаждения красотой 'может отличаться чем-то особым и во всяком случае не должен представляться в виде

236

точки на шкале удовольствия гедонического пространства.

Сама 'возможность актуализации 'пристрастных переживаний средствами искусства, причем иногда в условиях смены модальности воздействий (особенно ярко—'в музыке), говорит о привязанности этих переживаний к чему-то превращенному, оторванному от объективной .внешней оформленное™. Что делает шарж или карикатуру более выразительными, чем реалистическое изображение тела или лица? Не очищенное ли от сопутствующих помех акцентирование именно тех черт, которые в естественном выражении формируют специфический чувственный инвариант? И не являются ли эти инварианты, для которых шарж выступает в роли «сверхнормального» ключевого раздражителя (невероятно волевой подбородок, осиная талия и т. п.), в принципе теми же образованиями, которые помотают, например, ребенку понимать мо-тивационное значение приветливого взгляда или нахмуренных бровей значительно раньше, чем он становится способным осмысливать и рефлексировать язык мимики?

Особую разновидность взаимодействия мотиваци-онных отношений с другими

компонентами поля субъективных переживаний составляют случаи возникновения эмоциональных реакций с условием учета контекста ситуации. Речь идет о распространенном, хотя явно недостаточно осмысленном феномене. Как правило, фрустрирует и вызывает, например, гнев не просто неуспех, недостигнутая цель, а непредвосхищенный неуспех, что означает участие в возникновении этой реакции момента, привносимого из прошлого; возмущает или оскорбляет не просто презрительная ухмылка, а ухмылка, адресованная именно нам, к тому же, согласно Б. Спинозе, если мы не считаем, что в таком отношении к нам сами повинны. Кроме того, оценка мимического выражения лица оказывается зависимой от наблюдаемого рядом лица: «Относительно нейтральное лицо кажется грустным, когда предъявляется рядом с более веселым лицом, и веселым — рядом с более грустным лицом» (Russell, Fehr, 1987. Р. 223). Эмоции, которые В. Вундт называл аффектами, часто возникают

не на само по себе событие, а на определенное стечение связанных с ним обстоятельств.

Но если есть феномен, должен быть и лежащий в его основе процесс и механизм. Процесс взаимодействия переживаний различного происхождения, их слияния в общее чувство, соответствующее целостной ситуации, по своим признакам отвечает тому чтобы быть задействованным в механизме, обеспечивающем учет обстоятельств. Такой механизм способен формировать непосредственные субъективные впечатления неожиданного успеха, несправедливого упрека, неоправданного риска, легкомысленного решения и других комплексных переживаний, способных перерасти в выраженные эмоциональные реакции.

Участие ситуативных факторов в формировании мотивационных побуждений отчетливо демонстрирует также феномен градиента цели, означающий зависимость мотивационного отношения к ней от воспринимаемого расстояния до нее в «жизненном пространстве» (Hull, 1938). Поле субъективных переживаний представляется вполне подходящим основанием для конкретно-психологических процессов, обеспечивающих различное мотивационное отношение к одной и той же цели. Этот феномен обнаруживается также у животных (Hull, 1932), что позволяет распространять тезис о возможной привязанности мотивационных отношений к определенным гештальтам субъективных переживаний также на дочеловеческую психику.

Действительно, что помогает, например, шимпанзе из двух лотков, на каждом из которых находятся две стопки ломтиков шоколада (в количестве до 5), в 90% случаев правильно выбрать тот, на котором по сумме ломтиков шоколада оказывается больше (Rumbaugh a. o., 1987, 1988). Авторы, назвавшие этот феномен «суммацией», интерпретируют его как «по существу перцептивный процесс, посредством которого пара отдельных объектов объединяется или сливается в единый перцепт» (1987. Р. 113). Однако в более подробном описании у животных нечто должно было образовывать из четырех объектов два парных перцепта, произвести внутри каждого из них «суммацию» и сравнить результаты. Не говорит ли слоЖ-

233

ность этого процесса о том, что он не может происходить на языке только стимульных характеристик;

операции объединения, суммации, сравнения предполагают свой осуществляющий процесс и свой язык внутренней активности, носителем которых является поле субъективных переживаний.

Возможно, что в качестве посредника между объективными воздействиями и мотивацией переживания проявляются и на еще более низких ступенях эволюционного развития психики. В этом отношении показательна известная неопределенность в некоторых случаях ключевых раздражителей инстинктивного поведения. Она проявляется, в частности, в предпочтении индивидом неестественных «сверхнормальных» раздражителей или в том, что в случае комплексного раздражителя отсутствие некоторого его компонента может быть компенсировано чрезмерной выраженностью другого. По поводу этих данных Н. Тинберген писал: «Совершенно очевидно, что каждый из этих так называемых

стимулов есть, по сути дела. с л с
-13°

ляется, например, в том, что при увеличении расстояния между общающимися человек, чтобы компенсировать потерю интимности, начинает более часто и продолжительно заглядывать партнеру в глаза, при переходе разговора на личностную тему—в глаза для уменьшения общей интимности, смотрит реже может отступить шаг назад, несколько отвернуть голову или тело и т. п. Показательно, что такого рода тонкие регулятивные процессы обычно сознанием не контролируются, а когда его достигают, то в виде итогового переживания комфорта-дискомфорта, ориентируясь на которое человек предпринимает компенсирующие действия. Здесь уместно вспомнить, что определенное расстояние («индивидуальную дистанцию») сохраняют при внутривидовом общении и многие виды животных (Дьюсбери, 1981. С. 116).

Итак, тезис о возможной опосредствованности возникновения мотивационных отношений переживаниями, которые перед тем, как актуализировать мотивацию, иногда проходят фазу сложного взаимодействия и развития, иллюстрируется достаточно разнообразными примерами. И даже если интерпретация, данная отдельным примерам, была несколько натянута, в совокупности они, как представляется, этот тезис поддерживают.

Конечно, данный тезис не исчерпывает всей проблематики отношения между субъективными переживаниями и мотивацией. Так, наряду с актуализацией переживаниями мотивации существует обратный процесс влияния мотивации через актуализированные эмоции на развитие переживаний. Вспомним, что согласно В. Вундту возникновение эмоции направляет развитие переживаний-чувств по определенному руслу, что отражено в его определении аффекта как формы течения чувств. Поскольку чувства способствуют возникновению связанных с ними представлений, эмоции-аффекты, обеспечивая их развитие в определенном направлении, вместе с тем влияют на поток возникающих у человека образов и мыслей⁸.

⁸ «Испуг, удивление, сильная радость, гнев сходны в том, что все представления исчезают, кроме того одного, которое является носителем чувства и совершенно заполняет всю душу-...После первой задержки происходит наплыв множества представлений, которые находятся в связи с впечатлением, вызвав-

340

ј(сожалению, возможность разработки данного вопроса при современном уровне развития психологии незначительна.

Особого выделения заслуживает вопрос об отношении субъективных переживаний и феномена эмоционального переключения. При обсуждении этого феномена в данной работе неоднократно утверждалось, что эмоциональное переключение происходит по отражаемым познавательным связям. Но что представляет собой познавательная связь? Ведь она если и кажется понятным явлением, то только при поверхностном взгляде. Если мы видим человека, взявшегося за ручку двери, а затем открывающуюся перед ним дверь, то не только эти два события воспринимаются нами в качестве связанных, но и ряд других, не данных в восприятии: нам нетрудно представить,

К?" " I W:"^т1" "УЧУЩ ^."""ОТ^Г"?⁷ "nftrpw ОБПТ.ЯГОР ППН-

^{тг} пт нг пс от пг ч с п." ю. НІ

Ц."
до
Ш]
та аф

мени и повторений опытов. Что обеспечивает такое выявление, что сопоставляет изменчивые стимульные структуры и отыскивает в них устойчивый элемент соответствующий условному раздражителю? Рас-' сматривавшиеся выше многоступенчатые слияния переживаний, вызываемых различными воздействиями в ситуации, по крайней мере могут служить для такого рода отыскания. Благодаря слиянию субъект получает возможность сравнивать не ряд разномо-дальных воздействий, а сводные непосредственно переживаемые впечатления от целостной предшествующей подкреплению ситуации, в которых частные переживания постепенно выделяют устойчивые и изменчивые элементы. Возможно, что «связь», по которой условный раздражитель приобретает мотивац-онное значение от подкрепления,—это и есть складывающийся комплекс их совместного, сливающегося переживания. Конечно, эти предположения чрези-гр-но спекулятивны; это можно оправдать тем, что в психологии остро ощущается необходимость в носителях такого рода связей и выявляющей их активности.

В проблеме отношения переживаний и мотивации следует обозначить еще один неясный момент. Речь идет об интерпретации желаний, влечений, стремлений и других *побуждающих переживаний*, явно выражающих мотивацию и тем не менее почти абсолютно игнорируемых в современных мотивационных концепциях, что не имеет оправданий и сказывается на полноте их психологического содержания.

Действительно, для полного субъективного выражения мотивации переживаний удовольствия-неудовольствия явно недостаточно. Они открывают субъекту необходимость, полезность или опасность, вредность отражаемых явлений, иначе говоря, их способность служить или препятствовать удовлетворению потребностей. Но зачем еще может быть нужна такая оценка отражаемого содержания, если не для формирования субъективных побуждений к действиям по использованию полезного и избеганию вредного? Психология, 'никак не связывающая эмоциональные оценки с желаниями, т. е. не предусматривающая способов, которыми эмоции могли бы определять действия субъекта, оставляет весьма су-

242

щественные пробелы в объяснении психической регуляции поведения. На вопрос: «Почему ребенок тянется к игрушке?»—она отвечает: «Из-за потребности в ярких впечатлениях», не видя необходимости объяснить, откуда и как ребенок знает об этой потребности.

Не имеет ли отношения к этому объяснению следующее утверждение Б. Спинозы: «Мы стремимся способствовать совершению всего того, что, по нашему воображению, ведет к удовольствию, и удалять или уничтожать все то, что, по нашему воображению, ему препятствует или ведет к неудовольствию» (1957. С. 478), т. е. не испытывает ли удовольствия ребенок, потрясая игрушкой, и не желает ли он дотянуться до нее именно из-за того, что это удовольствие предвкушает? Не в этих ли переживаниях задана потребность как вещь-для-него, а не как «гипотетический конструкт» психологии? И, главное, не должны ли такие конструкты предусматривать объяснение непосредственной субъективной данности, в частности того, что перед тем, как что-либо сделать (спрятаться от дождя, высказать свою точку зрения, выполнить долг и т. п.), у субъекта сначала

возникает желание это сделать? Игнорирование в современных концепциях такого универсального феномена, какое представляет собой желание, может быть объяснено только эпифеноменальной трактовкой психического.

Функциональная взаимосвязанность оценивающих и побуждающих переживаний, проявляющаяся в способности удовольствия-неудовольствия порождать желания, а удовлетворения или неудовлетворения желания—удовольствие-неудовольствие, относится к несомненным феноменологическим фактам и отмечалась на протяжении практически всей истории психологии (см. Грот, 1879—1880). Бесспорно также, что желания возникают в итоге развития выраженных ситуативных эмоциональных реакций, таких как гнев, стыд, обида и т. п. Словом, они—одна из наиболее ярких, распространенных и функционально нагруженных разновидностей переживания, посредством которой на уровне психического отражения получает выражение мотивация. То обстоятельство, что про эту разновидность переживания известно очень мало,

не может не сдерживать развития психологии мотивации.

Можно отметить лишь то, что побуждающие переживания проявляются в той зоне «образа мира» в которой отражается будущее. Желание— это всегда пристрастное отношение к отсутствующему, предвосхищаемому. В обсуждении функций субъективного переживания была отмечена их способность отражать события с опережением, своего рода забеганием чувственного процесса вперед по отношению к моменту настоящего. Первые субъективные впечатления от знакомого события запускают чувственную «мелодию» его дальнейшего развития, что позволяет ожидать именно тех, а не иных последующих впечатлений, удивляться, если они не наступают, и др.: при виде разбегающегося прыгуна мы ожидаем, что в обозначенном месте он оторвется от земли, сгруппируется и т. д. Похоже, что желания проявляются именно в области таких забегающих вперед переживаний. Поэтому в точном описании ребенок желает не конфету, а того, чтобы она оказалась во рту, не факта одобрения его действий, а именно ласкового при этом взгляда, специфической интонации, т. е. определенного развития отсутствующих в настоящий момент событий. В «образе мира» побуждающие переживания обозначают те зоны предвосхищаемого и возможного, которые должны перейти в зону настоящего и реального.

Поскольку в проблематике субъективных переживаний и, в частности, их отношения к мотивации вопросов значительно больше, чем ответов, ее можно обозначить как важнейшую зону для перспективного развития психологии мотивации, как ее будущее, в которо-м проблема психологических механизмов мотивации сможет быть совещена с большей определенностью, чем это сделано в данной, книге. Не углубляясь далее в эту непривычную для современной психологии и поэтому воспринимающуюся, по-видимому, как повышенно-спекулятивную Проблема-244

тику, перейдем к обобщающим выводам из проведенного в книге исследования.

МОТИВАЦИЯ и МОТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

Обсуждение в первой главе книги феноменологического материала привело к заключению о *всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений*. Проведенный в дальнейшем анализ основных психологических механизмов ситуативного и онтогенетического развития мотивации дает основу для уточнения этого тезиса, позволяя, в частности, обозначить ис-очники всеобщего обнаружения и разнообразия мо-йвационных отношений человека.

Первый источник—это сохраняющиеся в органи-ации базовых потребностей человека механизмы *'нстинкта*. Инстинкт в первоначальном виде пред-тавляет собой форму биологической мотивации, *'беопечивающую пристрастное восприятие* целого *'комплекса ключевых воздействий*, каждое из которых способно .побудить индивида к определенному действию; совершение этих действий способно привести к некоторому общему лриопособительному эффекту, который, собственно, и должен обеспечиваться механизмом инстинкта (например, к появлению-потомства), но к которому индивид на уровне субъективно переживаемой мотивации не стремится. Признанием того, что в организации потребностей человека сохраняются механизмы инстинкта, автоматически |Ц утверждается существование целого множества предметов и воздействий, так или

иначе опосредствующих удовлетворение потребностей, к мотивационному восприятию которых он является наследственно предрасположенным. Инстинктивные механизмы проявляются в регуляции, например, прожевывания пищи или полового акта, а также в сфере человеческих взаимоотношений, придавая мотивационное значение сложнейшему языку мимики, движений, отношений, поз, интонаций и т. п., который, конечно, в онтогенезе получает дальнейшее развитие.

Второй источник—это постоянно происходящее ситуативное и онтогенетическое развитие мотивации человека, в результате которого предметы и воздей-

ствия, уже имеющие мотивационное значение, передают такое значение практически всему, что с ними связано, вплоть до случайно сопутствующих мотива-ционному воздействию обстоятельств. «Единицей» ситуативного развития мотивации является отдельный акт *эмоционального переключения*, лежащий в основе, в частности, мотивационного обусловливания. В тех случаях, когда переключающаяся на новый предмет эмоция *фиксируется*, обеспечивая его эмоциональное восприятие независимо от события, послужившего основой переключения, происходит онтогенетическое развитие мотивации.

Специфика эмоционального .переключения в психике человека состоит в том, что оно:

— приобретает 'возможность происходить в плане представлений, т. е. выходит за пределы непосредственно воспринимаемой ситуации, что весьма расширяет зону проявления эмоционального переключения, делая ее практически неограниченной;

— происходит в условиях и на основе сложнейшей системы отражаемых в человеческом «образе мира» -связей, поэтому способно совершаться сразу (без повторения мотивационного воздействия) во многих направлениях, на разных уровнях обобщения, многоступенчато;

— усложняется из-за вероятностного характера представляемых, в частности, предвидимых в будущем событий, что создает возможность ослабления переключающихся мотивационных отношений в зависимости от меры реальности представляемого содержания; расширение сферы действия эмоционального переключения содержит возможность потери им действительности.

В свете того внушительного масштаба, с которым множество первичных мотивационных отношений переключается на связанные с ними обстоятельства, становящиеся в случае мотивационной фиксации основаниями для дальнейших переключении, тезис о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений становится вполне правдоподобным.

Несколько одни и те же предметы могут иметь то или иное отношение к целому множеству потреб^н-ностей и сложившихся мотивационных отношений человека, их мотивационное значение, как правило,

246

является комплексным, полипотребностным, а вызываемая ими активность— полимотивированной. Уникальность, неповторимость таких поливалентных, в частности амбивалентных, мотивацонных отношений затрудняет их систематизацию, вынуждая обращаться к теоретическим различения^н, сложным образом сочетающимся в реальных мотивационных образованиях. Так, заметное и, казалось бы, естественное различие между непосредственным и опосредствованным, иначе—независимым и производным мотивационным значением, которое обнаруживает, например, безусловный и условный раздражители, в случае человеческой психики существенно усложняется из-за способности онтогенетически производного мотивационного отношения стать «функционально автономным», т. е. как бы оторваться от породившего его мотивацонно-го основания и приобрести признаки независимости. Однако такая автономизация может оказаться временной, как, например, в случае

поглощенности человека достижением цели, требующей интенсивной и продолжительной отдачи. Фактически между непосредственными' и опосредствованными мотивационными значениями существует несколько, причем различных, переходных форм, так или иначе сочетающих признаки обоих видов значения.

В подобном смысле относительно различие также устойчивых и временных, конкретных и обобщенных мотивационных отношений, обозначающее скорее крайние точки их распределения по указываемым признакам.

- Что касается непосредственно значимых мотивационных отношений, то анализ процесса мотивационной фиксации позволил обозначить два случая их возникновения на основе природных механизмов:

— случай онтогенетической «достройки» инстинктивных отношений путем импринтингоподобной фиксации;

— формирование новых мотивационных отношений на основе эмоционального заражения (мотивационного подражания).

Дальнейшее развитие абсолютных (с указанными выше оговорками) мотивационных значений происходит на основе обычного фиксирующегося эмоцио-

нального переключения (мотивационного опосредствования) при условии приобретения сформировавшимся новым мотивационным отношением функциональной автономности. Впрочем, те переключения которые происходят по связям частное — общее, со- храняют непосредственное мотивационное значение и без условия автономизации. Очевидно, что подчеркнутая Ф. М. Достоевским абсолютная ценность - слез только одного ребенка обостренно выражает целую систему обобщенных нравственных ценностей, касающихся всех детей и всех людей, их слез и страданий.

Мотивационное поле. Тезис о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений определяет специфическое представление о реальном ситуативном (и субъективном) обнаружении человеческой мотивации. Из него следует, что человек в каждый момент находится под влиянием целой системы актуализированных мотивационных отношений и побуждений, составляющих вследствие взаимодействия своего рода мотивационное поле, которое динамично и гибко определяет как достигаемые им цели, так и многочисленные нюансы способа их достижения, например, решительность, эмоциональность, вежливость, продуманность действий и т. п.

Данное представление соответствует тому, как мотивационная динамика изображалась в концепции К. Левина, согласно которой поведение является функцией целостного «жизненного пространства», охватывающего как индивида и его потребности, так и окружение. Однако для приближения этой концепции к традиционным понятиям и взглядам ее целесообразно переинтерпретировать, онтологизируя «жизненное пространство» и рассматривая его как субъективно переживаемый образ действительности;

при такой интерпретации «окружение» составляют не физические объекты, а их субъективные образы; валентности этих объектов и исходящие от них силы рассматриваются как эмоциональные оценки и побуждения. Совокупность взаимодействующих субъективно переживаемых пристрастных отношений, собственно, и является реальным носителем упомянутого мотивационного поля.

Характер и динамика возникающих пристрастных отношений зависят от потребностей, их организации

248

и актуализации. Однако это не единственный фактор. Актуализироваться потребности могут двумя опосредованно: эндогенно, благодаря спонтанному обострению, и экзогенно, вследствие воздействия ситуации. Посредством ситуативной актуализации мотивационное поле человека способно подвергаться влиянию со стороны других людей, что проявляется в феномене сложного взаимодействия между полями людей, находящихся в тех или иных отношениях. Появление рядом взрослого означает для детей не только возникновение в мотивационном поле «объекта», наделенного выраженной валентностью, но и изменение мотивационного значения многих других явлений: теряют привлекательность шалости и т. п. Воздействовать на мотивационное поле человека можно пытаться и при помощи специально применяемых воздействий и средств, например строгого взгляда, значимой символики, ритуальных обрядов, музыки. Иногда внешние воздействия могут означать требование к

безоговорочной смене мотивации; примером может служить сигнал тревоги для военнослужащего.

Из-за всевозможных влияний, взаимодействия с полями других людей, а также оказываемых на человека воспитательных воздействий его мотивационное поле оказывается включенным в создаваемую социальной системой тотальную мотивационную атмосферу. Такая атмосфера детерминирует мотивационное поле человека как 'прямо, определяя его в некоторый момент через актуализацию потребностей, так и опосредствованно, влияя на организацию и развитие потребностей.

Мотивационные системы. Уже потребности животных не обнаруживают четкой дифференциации, переплетаясь обоими механизмами и проявлениями в поведении. Тем более это свойственно потребностям человека, функционирующим в условиях значительно более интегрированного психического отражения. Данное обстоятельство делает целесообразным выделение в организации мотивационной сферы более дробных «единиц», из которых составляются сложные функциональные образования, в частности потребности.

В качестве такой функциональной «единицы» можно обозначить мотивационные системы, обеспечи-

вающие ситуативное развитие мотивации путем специфических взаимосвязанных эмоциональных переключений. В типичном случае мотивационную систему составляет своего рода «ядро» — некоторое основное (ведущее) мотивационное отношение, из которого при определенных обстоятельствах способен развиться ряд ситуативных (производных) эмоций, как бы уточняющих ведущее отношение применительно к конкретным условиям ситуации. Отношение к ребенку не исчерпывается монотонной любовью, а содержит готовность сопереживать его огорчения, радоваться успехам и развитию, испытывать тревогу, если он находится вблизи опасного места, и др. Несколько другим реестром эмоций потенциально заряжен человек, стремящийся к цели, например, спортсмен на состязаниях или сопереживающий ему болельщик, но по функциональной организации и эта мотивационная система состоит из ведущего отношения, из которого при определенных условиях посредством эмоционального переключения развиваются производные. Благодаря мотивационным системам мотивация является в психический образ не в виде директивных стратегических отношений, а как нечто развивающееся в зависимости от условий в частные побуждения тактического порядка.

Мотивационные системы различаются мерой универсальности. Наряду со сравнительно специализированными системами, соответствующими отдельным потребностям, например, связывающим мать и ребенка, существуют такие, которые способны проявляться в принципе при удовлетворении любой потребности. Когда мать, столкнувшись с непослушанием ребенка, сердится на него и наказывает, эта реакция обусловлена более универсальной мотивационной системой (фрустрации), способной проявляться во взаимоотношениях и с другими людьми.

Универсальность мотивационных систем, их переплетенное обнаружение в различных видах деятельности являются одной из причин, затрудняющих четкую дифференциацию потребностей. Мотивационное образование, традиционно называемое потребностью, как правило, охватывает некоторое сочетание мотивационных систем, проявляющихся в специфических видах деятельности.

250

Особого выделения заслуживает вопрос о происхождении мотивационных систем. В отдельных случаях они складываются в результате фиксации ситуативных эмоций и приобретения их предметами относительной функциональной автономности. Для учащегося, например, мотивационное значение имеет не только конечная цель его активности — приобретение знаний и диплома, но и ряд сопутствующих условий и обстоятельств: отметки, уроки, экзамены, отдельные изучаемые предметы, учителя и др. Нет возможности сомневаться в онтогенетическом происхождении такого рода системы взаимосвязанных предметов и вызываемых ими эмоций, являющейся реальным побудителем учебной деятельности. Однако многие мотивационные системы имеют [природные предпосылки и связаны, как представляется, с сохраняющимися в организации потребностей человека механизмами инстинкта. Особенно это касается систем, проявляющихся в общении и взаимодействии людей. Об этом говорит тот факт, что в онтогенезе они проявляются очень рано.

Как, например, не обращаясь к 'природным механизмам, объяснить набор тонких поведенческих реакций, в которых разворачивается привязанность ребенка к взрослому. Так, играя в некотором удалении от взрослого, ребенок старается быть повернутым к нему лицом, а в других положениях часто поворачи-. вает в его сторону голову (Anderson, 1972); следуя в спокойной обстановке за взрослым, он сохраняет . расстояние, пропорциональное разнице между ростом ', взрослого и уровнем своих глаз, так что чем выше , взрослый и чем меньше ребенок—тем больше ди-' станция следования (Mercer, McMurdy, 1985). ; Конечно, факт .культурно-исторической обуслов-! ленности форм, способов и языка человеческого об-1 щения исключает прямое, особенно содержательное ' их связывание с механизмами инстинкта. Однако нельзя не видеть также того, что ребенок обнаруживает способность обижаться, ревновать, мстить, проявлять агрессию значительно раньше, чем это от него можно ожидать исходя из общих законов и темпов приобретения им мотивационного опыта; особенно это заметно пр'и сравнении непосредственности и легкости, с которой в онтогенезе появляются эти эмо-

циональн-ые реакции, со значительно более продолжительным и трудным формированием умения их сдерживать соответственно присваиваемым культурным нормам. Не в том ли различие, что ребёнок обнаруживает эти реакция на основе природных меха. низмов потребностей, сдерживает же—на основе приобретаемых и специально формируемых?

Подобно мимическому выражению эмоций, несомненно имеющему природную основу и имее с тем дифференцирующемуся и утончающемуся в дальнейшем культурно-историческом развитии, многие мотивационные системы тоже опираются на сложившиеся в филогенезе гештальты определенного развития эмоций в ситуации. Впрочем, как могла бы сохраниться природная экспрессия эмоций, если в генетической программе развития мотивации не сохранилась бы идея этих эмоций? А если сохранилась идея и внешнее ее выражение, то, чтобы все это не было бы напрасным, должна была сохраниться и способность к ее узнаванию другими индивидами, т. е. к непосредственному мотивационному восприятию наблюдаемого выражения эмоций. Комплекс взаимосвязанных непосредственно выражаемых и понимаемых эмоций — это и есть инстинктивная основа мотивационной системы, проявляющейся во взаимоотношениях людей.

При уточнении задействованности механизмов инстинкта в организации мотивационных систем человека важно учитывать следующие моменты:

— как и все в индивидуальном организме они являются продуктом прижизненного развертывания генетических программ и зависят от условий, при которых происходит такое развертывание; исследования Г. Ф. Харлоу показали, например, что материнский уход является необходимым условием для полноценного развития у обезьян важнейших инстинктов, обеспечивающих размножение;

— они могут содержать звенья, предполагающие онтогенетические запечатлевания стимульного содержания;

— они складываются и проявляются в условиях целенаправленного формирования у человека мотивационных отношений к объектам инстинктивных тенденций, которое может как совпадать с этими тен-

252

денциями, так и противостоять им; в проявлениях у человека полового инстинкта содержатся наиболее яркие свидетельства как способности сил, воспитывающих человека, сдерживать, вытеснять его, так и неспособности сделать это полностью. Эти обстоятельства, исключаящие однообразие в обнаружении инстинктов у человека, требуют представления о них скорее как о тенденциях к определенному развитию мотивации, влияющих на мотивационное поле и поведение только совместно и во взаимодействии с другими источниками и составляющими мотивации человека. Следует отметить, что, перестав быть в условиях человеческой психики влиятельной детерминантой, определяющей содержание мотивации, инстинкт сохранил более выраженное влияние на ее форму. Дело в том, что мотивационные системы сохранили отдельные моменты именно их принципиальной организации.

Один момент такой сохраняющейся организации, как отмечалось, состоит в самой идее подробной за-; данности множества воздействий, побуждающих отдельные

действия, которые в силу организации мотивационной системы сливаются в общее целесообразное поведение. Другой момент касается взаимосвязанности и условий возникновения отдельных побуждений.

В инстинктивном поведении отчетливо наблюдается приобретение раздражителями мотивационного значения под влиянием действия других, пусковых раздражителей, что можно охарактеризовать как развитие мотивационного процесса по формуле «если... , то...»; например, если нарушена индивидуальная дистанция, то нарушитель вызывает агрессию. Далее, в случае «разветвляющегося» типа инстинкта индивид может быть одновременно готовым к пристрастному восприятию целого ряда пусковых и ориентирующих стимулов, появление которых вызывает активные отношения и действия.

Нетрудно видеть общее между этими отвлеченными принципами организации инстинкта и устройством обсуждаемых мотивационных систем, обеспечивающих ситуативное развитие мотивации и основанных на потенциальной способности ведущего мотивационного отношения при определенных (пуско-

вых) условиях породить ряд производных эмоций. Любящий ожидает взглядов, улыбок, прикосновений любимого, готов на эти признаки отношения эмоционально откликаться, их же отсутствие способно стать «пусковым» условием для обиды, ответной невнимательности и т. п. Человек, как и биологический индивид в случае «разветвляющегося» инстинкта, находится в стратегическом мотивационном состоянии, потенциально готово к конкретизации в тактических побуждениях, в частности по формуле «если... , то...». Принципиальная организация мотивационных систем, так же как и обеспечивающие ее процессы эмоционального переключения, не является продуктом социального развития, хотя содержательное наполнение таких систем (например, что именно считается оскорбительным, как выражается оскорбление и т. п.) может целиком определяться культурой.

Мотивы личности. Важнейший фактор, определяющий мотивацию человека, особенно на завершающем этапе ее развития — познавательная активность субъекта по осмыслению жизни и преследуемых в ней целей. Создаваемая вокруг человека тотальная мотивационная атмосфера непосредственно влияет на развитие потребностей разве только в первые периоды жизни; впоследствии ее воздействия анализируются и взвешиваются активным, постепенно вооружающимся интеллектом и опытом субъектом, способным противостоять одним влияниям и предпочитать, искать другие. Уже сложившиеся побуждения тоже обычно подвергаются интеллектуальной проверке на предмет того, не окажется ли их реализация в итоге безнравственной, не обернется ли потерями и т. п. Основное направление активности субъекта по линии мотивационного самоопределения состоит в интеграции, внутреннем согласовании мотивационной сферы, устранении в ней противоречий, а также проверке возможности и целесообразности формирующихся жизненных целей. Только прошедшие такую проверку и санкционированные субъектом мотивационные образования становятся подлинными, активно достигаемыми мотивами личности.

Санкционированные субъектом мотивы автоматически побудительного преимущества перед другими

254

составляющими мотивации не получают; в ней обычно сохраняются основания для искушений, пороков, слабостей, подчиненности чужой воле или случайным обстоятельствам. Тем не менее они выделяются среди других мотивационных образований как нечто, предпочитаемое и произвольно поддерживаемое субъектом. Значительную часть его волевой активности составляют именно старания изменить соотношение сил в мотивационном поле в пользу санкционированной мотивации, обеспечить ее доминирование над конкурирующими и отвлекающими побуждениями.

Ряд особенностей мотивов объясняется их особым происхождением, связанным с полемым обнаружением мотивации в образе будущей жизни человека. Сложившиеся потребности окрашивают всевозможные условия, объекты и цели той части «образа мира», которая содержит представления о будущем, образуя особое мотивационное поле жизненной перспективы со своими притягательными и отталкивающими акцентами, валентностями, барьерами, противоречиями.

Подобно тому как поведение в некоторый момент определяется взаимодействием составляющих мотивационного поля в образе настоящего, так и планы человека на будущее определяются взаимодействием таких же составляющих в поле жизненной перспективы, конечно при активном (участии субъекта, пытающегося по мере возможности все предвидеть, взвесить, учесть. Способ, программа и конкретные цели жизни, которые оцениваются им как оптимально удовлетворяющие потребности и в отношении которых принимается намерение к достижению,—это ^т; есть система мотивов личности. Таинственный эф-сБъект приобретения целью в результате принятия намерения особого статуса, связанного с формированием в мотивационной сфере напоминающей о себе «напряженной системы», объясняется, возможно, переключением на цель специфической эго-мотивации.

Из такого представления о происхождении мотивов следует, что они имеют полипотребностный характер. Являясь функцией целостного мотивационного поля, мотивы формируются под влиянием целого ряда взаимодействующих и уже изначально переплетенных потребностей, хотя могут отличаться преимущественным вкладом в этот процесс некото-

рой из них Кроме того, поскольку жизненные планы имеют различную степень детализации, мотивы (как и другие мотивационные образования) различаются мерой конкретности — обобщенности Твердое намерение «не прожить жизнь напрасно» является мотивом уже тогда, когда человек, не находя подходящих условий для его достижения, активно их ищет В процессе постепенной конкретизации обобщенных мотивов происходит дальнейшее переплетение потребностей, так как в конкретных мотивах могут найти воплощение ряд более общих

Конкретные мотивы в результате активности субъекта по составлению программы их достижения, т е их «когнитивной разработки» (Ж Р Нюттен) в от ношении условий, этапов, промежуточных целей бу дущей деятельности, приобретают черты мотивацион-ной системы Дело в том, что наиболее важные мо менты программы приобретают в результате эмоцио нального переключения относительно автономное мо тивационное значение, так что в целом мотив начи нает проявляться как комплекс взаимосвязанных мо тивационных отношений Естественно, что по мере вы полнения деятельности реально побуждающая ее мо тивационная система претерпевает изменения Так человек может повышенно и даже иррационально бояться повторения ошибки, из-за которой однажды сорвались его важные планы, такая боязнь способна войти в состав мотивационной системы, определяя деятельность совместно с достигаемой целью дег ствия становятся более осторожными и т д

. Санкционированность личностных мотивов может иметь условный характер, связывая жизненные цели с теми или иными обстоятельствами, неясными в дан ный момент (если удастся убедить коллег, получить помощь и т п) Такого рода условные мотивы составляют часть потенциальной мотивации — важней шей характеристики мотивационной сферы, опреде ляющей варианты жизни человека при изменении ее условий В широком смысле к потенциальной моти вации относятся практически все составляющие мо тивационного поля, так как при специфическом стечении обстоятельств они могут побудить поступки человека или повлиять на них

В заключение обобщенного описания мотивацион-

256

ной сферы человека следует подчеркнуть, что она находится в постоянном движении и развитии в онтогенезе происходит постоянное доопредмечивание и переопредмечивание базовых потребностей, которые под влиянием опосредствующего их опыта и специальных воспитательных воздействий разворачиваются в сложную, изменчивую и взаимодействующую организацию мотивационных систем, в ситуативном развитии мотивации происходит постоянное развора-чивание в динамическое субъективное мотивацион-ное поле порождаемых этими системами оценок и побуждений, в развитии мотивации личности субъект находится в постоянном поиске оптимальных решений (если не стратегических, то тактических) в мо-тивационном поле будущего, его решения формируют мотивационные системы, которые в мотивацион-ном поле настоящего непосредственным побуждениям противопоставляют особый слой мотивации дол-женствования Направленность поведения человека в каждый момент определяется

балансом устанавливающихся в этой движущейся системе сил.

Проведенный поиск механизмов развития мотивации вывел на более широкий контекст психологической феноменологии и вввел проблему субъективного переживания, его разновидностей и функций как главную, задерживающую развитие психологии мотивации. Существуют все основания утверждать, что многие нерешенные вопросы психологии, в том числе и центральные, тоже тесно связаны с феноменом субъективного переживания. Однако рассчитывать на скорое продвижение в понимании этого феномена, к сожалению, не приходится из-за игнорирования в современной психологии под влиянием позитивизма субъективной реальности—самого, пожалуй, нелепого научного заблуждения XX века.

В К В^люна"

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева Н. Н.* Ранний этап в развитии личности // Психология личности: теория и эксперимент. М., 1982.
- Азаров Ю. П.* Искусство воспитывать. М., 1985.
- Алхазивили А. А.* Специфика потребности у человека // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.
- Анисимов С. Ф.* Ценности реальные и мнимые. М., 1970.
- Анохин П. К.* Эмоции // Большая медицинская энциклопедия: В 36 т. Т. 35. М., 1964.
- Анцыферова Л. И.* О теории личности в работах К. Левина // Вопр. психол. 1960. № 6.
- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 2.
- Архипкина О. С.* Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
- Асеев В. Г.* Формирование личности и структурный уровень мотивов // Проблемы личности. Материалы симпозиума. М., 1969.
- Асеев В. Г.* О формах мотивационно-ценностного отношения к действительности // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971.
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
- Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979.
- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.
- Баканов Е. Н., Иванников В. А.* О природе побуждения // Вопр. психол. 1983. № 4.
- Баралидзе Н. Х.* Актуальная потребность и отдаленное мотивационное поведение // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.
- Бассин Ф. В.* О «силе Я» и «психологической защите» // Вопр. филос. 1969. № 2.
- Бассин Ф. В.* К развитию проблемы значения и смысла // Вопр. психол. 1973. № 6.
- Беляева И. Ф.; Катульский Е. Д., Магун В. С.* Мотивация трудовой деятельности и некоторые направления перестройки системы управления трудом // Ключевой вопрос социологии труда. М., 1988.
- Бериташвили И. С.* Избранные труды. Нейрофизиология и нейропсихология. М., 1975.
- Бестужев-Лада И. В.* Прогнозирование изменений в системе социальных потребностей // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.
- "54
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективному изучению личности. М.; Л., 1928.
- Бибрих Р. Р.* Из истории проблемы детерминизма в психологии мотивации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2.
- Бибрих Р. Р.* Исследование видов целеобразования. Кишинев, 1987.

- Бибрих Р. Р., Орлов А. Б.* Преодоление в зарубежной психологии традиционных факторных подходов к детерминации поведения//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 2.
- Бибрих Р. Р., Орлов А. Б.* Монолог... или диалог? М., 1986.
- Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965.
- Биренбаум Г. В.* Забывание намерения // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979.
- Блонский П. П.* Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1979.
- Бодалев А. А.* Личность и общение. Избранные труды. М., 1983.
- Бодалев А. А.* О психологических основах воспитания личности// Вопр. психол. 1986. № 1.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
- Божович Л. И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972.
- Божович Л. И.* Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе//Вопр. психол. 1976. № 6.
- Божович Л. И., Конникова Т. Е.* О нравственном развитии и воспитании детей//Вопр. психол. 1975. № 1.
- Бороздина Л. В.* Исследование уровня притязаний. М., 1985.
- Братусь Б. С.* К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
- Братусь Б. С.* Аномалии личности. М., 1988.
- Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
- Быков К. М.* Кора головного мозга и внутренние органы. М.; Л., 1947.
- Бюлер К.* Духовное развитие ребенка. М., 1924.
- Вайсман Р. С.* К проблеме развития мотивов и потребностей человека в онтогенезе//Вопр. психол. 1973. № 5.
- Баллон А.* Психическое развитие ребенка. М., 1967.
- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К.* Эмоции и мышление. М., 1980.
- Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Веденов А. В.* Личность как предмет психологической науки // Вопр. психол. 1956. № 1.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 1, 2, 3. Л., 1974, 1976, 1981.
- Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
- Вилюнас В. К.* Эмоции и ситуативное развитие мотивации//Тезисы докладов конференции «Развитие эргономики в системе дизайна». Боржом, 1979.

- Вилюнас В. К.* Теория деятельности и проблемы мотивации// А. Н. Леонтьев и современная психология. Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. М., 1983.
- Вилюнас В. К.* Основные проблемы психологической теории эмоций//Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
- Вилюнас В. К.* Психология потребностей: шаги к реальности// Вопр. психол. 1985. № 2.
- Вилюнас В. К.* Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.
- Вилюнас В., Овчинникова О. В.* К теоретической постановке проблемы стресса // Контроль состояния человека—оператора. Материалы VI семинара. М.; Тюмень, 1972.
- Виноградов Ю. Е., Долбнев Д. Н., Стеклов Ю. В.* Роль эмоциональных механизмов в процессе целеобразования // Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.
- Вундт В.* Основания физиологической психологии. М., 1880.
- Вундт В.* Основы физиологической психологии. Т. 2, 3. Спб., б. г.
- Вундт В.* Очерки психологии. М., 1912.
- Выготский Л. С.* Спиноза и его учение об эмоциях в свете современной психоневрологии // Вопр. филос. 1970. № 6.
- Выготский Л. С.* Из записных книжек Л. С. Выготского//Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 2.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь//Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций//Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983а.
- Выготский Л. С.* К вопросу о динамике детского характера // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1983б.
- Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий//Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959.
- Гальперин П. Я.* К учению об интериоризации // Вопр. психол. 1966а. № 6.
- Гальперин П. Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966б.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976а.
- Гальперин П. Я.* К вопросу об инстинктах человека // Вопр. психол. 1976б. № 1.
- Гельгорн Э; Луфборроу Дж.* Эмоции и эмоциональные расстройства. Нейрофизиологическое исследование. М., 1966.
- Герbart И. Ф.* Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М., 1940.
- Герцен А. И.* Разговоры с детьми//Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М., 1958."
- Гессен С. И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- Гогичаишвили Т. А.* Потребность в общении и ее формирование в переходном возрасте // Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
- Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. М., 1987.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. Киев, 1984.

ЭВО

- Горфункель П. Л. Об одном из факторов стимулирующей силы мотива // *Вопр. психол.* 1967. № 4.
- Громова Е. А. Эмоциональная память и ее механизмы. М., 1980.
- Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. Спб., 1879—1880.
- Гурьева В. А.; Гиндикин В. Я. Юношеские психопатии и алкоголизм. М., 1980.
- Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. Л., 1974.
- Джайнотт Х. Дж. Родители и дети. М., 1986.
- Джеме У. Психология. Спб., 1911.
- Джеме У. Что такое эмоция? // *Психология эмоций. Тексты.* М., 1984.
- Джидарьянчи А. Влияние нравственной мотивации на развитие и формирование потребностей личности // *Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. Тематический сборник научных работ.* М., 1988.
- Дилигенский Г. Потребности личности и общество // *Коммунист.* 1975. № 6.
- Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. Статья первая // *Вопр. филос.* 1976. № 9.
- Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей // *Вопр. филос.* 1977. № 2.
- Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978.
- Додонов Б. И. Структура и динамика мотивов деятельности // *Вопр. психол.* 1984. № 4.
- Донченко Е. А., Сохань Л. В., Тихонович В. А. Формирование разумных потребностей личности. Социальный и психологический аспекты. Киев, 1984.
- Драгунова Т. В. Общение с товарищами как особая сфера жизни подростков // *Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков.* М., 1967.
- Драгунова Т. В. Проблема конфликта в подростковом возрасте // *Вопр. психол.* 1972. № 2.
- Дьюсбери Д. Поведение животных: сравнительные аспекты. М., 1981.
- Жане П. Неврозы. М., 1911.
- Залевский Г. В. Фиксированные формы поведения. Иркутск. 1976.
- Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
- Запорожец А. В. Развитие эмоциональной регуляции действий у ребенка // *Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов.* Тбилиси, 1971.
- Запорожец А. В., Неверович Я. З. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // *Вопр. психол.* 1974. № 6.
- Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
- Зейгарник Б. В. Воспроизведение незавершенных и завершенных действий // *Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти.* М., 1979.
- Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М., 1981.
- Зинченко В. П. От генезиса ощущений к образу мира // А. Н. Леонтьев и современная психология. Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. М., 1983.
- Зинченко В. П. Непроизвольное запоминание. М., 1961. Знаков В. В. Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии // *Вопр. психол.* 1986. № 3.

Иванников В. А. Проблема потребности в теории деятельности // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 2. *Цветников В. А.* К сущности волевого поведения // Психол. журн. 1985а. Т. 6. № 3. *Иванников В. А.* Формирование побуждения к действию // Вопр. психол. 1985б. № 3.

Иванчук Н. В. Потребности социалистической личности. М., 1986. *Изард К. Е.* Эмоции человека. М., 1980. *Имедадзе И. В.* Потребности и установка // Психол. журн. 1984а. Т. 5. № 3. *Имедадзе И. В.* Проблема полимотивации поведения // Вопр. психол. 1984б. № 6. *Имедадзе И. В.* К проблеме побуждения деятельности // Вопр. психол. 1986. № 5. *Колошник Я. М.* Патологический аффект // Проблемы судебной психиатрии. Сб. 3. М., 1941.

Калмыкова Е. С. Рад^{^^}вски^Т Л. А. К проблеме амбивалентности мотивов // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. Тематический сборник научных работ. М., 1988.

Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М., 1966.

Каэлас А. А. К вопросу о природе и выражении эмоций. (Анализ трехмерной теории чувствований Вундта) // Психологическое обозрение. 1917. Вып. 1. № 3—4.

Кемпински А. Психопатология неврозов. Варшава, 1975. *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.

Кикнадзе Д. А. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968. *Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса. М., 1983. *Клапаред Э.* Чувства и эмоции // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.

Ковалев А. Г. О чувствах и эмоциях // Вопр. психол. 1957. № 4. *Ковалев А. Г., Бодалев А. А.* Психология и педагогика самовоспитания. Л., 1958. *Ковалев В. И.* К проблеме мотивов // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 1.

Ковалев В. И. Мотивационная сфера личности как проявление совокупности общественных отношений // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 4.

Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988. *Ковалев В. И., Дружинин В. Н.* Мотивационная сфера личности и ее динамика в процессе профессиональной подготовки // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 6.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. *Коломийцев И. Н.* Принципы классификации промышленных товаров по потребительским свойствам. М., 1975. *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978. *Кон И. С.* Категория «Я» в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 3.

Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988. *Конорски Ю.* Интегративная деятельность мозга. М., 1970. *Коченев М. М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.

Кочетов А. И. Самовоспитание подростка. Свердловск, 1967. *Краковский А. П.* О подростках (содержание возрастного, поло-

- вого и типологического в личности младшего и старшего подростка). М., 1970.
- Красногорский Н. И.* Развитие учения о физиологической деятельности мозга у детей (статьи, лекции, доклады). Л., 1935.
- Красногорский Н. И.* Высшая нервная деятельность ребенка. Л., 1958.
- Крутова Е. М.* Пути формирования трудолюбия у учащихся. М., 1969.
- Крюгер ф.* Сущность эмоционального переживания//Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
- Кудрявцев И. А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.
- Кучевская Н. В.* О понятии потребности в психологии // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.
- Ладыгина-Коте Н. Н.* Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми). М., 1965.
- Лебединский В. В.* Нарушения психического развития у детей. М., 1985.
- Леей Л.* (ред.). Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, индустриальные и военные последствия стресса. Л., 1970.
- Левин К.* Об экспериментах Г. В. Биренбаум и Б. В. Зейгарнчк // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979.
- Левин К.* Определение понятия «поле в данный момент»//Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Левитов Н. Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний//Вопр. психол. 1967. № 6.
- Левитов Н. Д.* Психическое состояние агрессии // Вопр. психол. 1972. № 6.
- Лейтес Н. С.* К проблеме сензитивных периодов психического развития человека // Принципы развития в психологии. М., 1978.
- Ле Ни Ж--Ф-* Условные реакции // Экспериментальная психология. Вып. 4. М., 1973.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.
- Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Леонтьев А. А.* Смысл как психологическое понятие//Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. Тарту, 1974.
- Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции. Конспект лекций. М., 1971.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975,
- Леонтьев А. Н.* Психология образа//Веста. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
- Либих С. С.* Коллективная и групповая психотерапия // Руковод. ство по психотерапии. Ташкент, 1979.
- Липер Р. У.* Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.

Лисина М. И. Возникновение и развитие непосредственно-эмоционального общения со взрослыми у детей первого полугодия жизни // Развитие общения у дошкольников. М., 1974. *Лисина М. И.* Проблема онтогенеза общения. М., 1986. *Личко А. Е.* О динамике акцентуаций характера // Патохарактерологические исследования у подростков. Л., 1981. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков Л., 1983. *Ломов Б. Ф.* Категории деятельности и общения в психологии // Вопр. филос. 1979. № 8. *Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 5.

Лук А. Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968. *Лурия А.* Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии / Институт экспериментальной психологии. Ученые записки. Т. 3. М., 1928. *Лурия А. Р.* О генезисе произвольных движений // Вопр. психол. 1957. № 6.

Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. *Лурия А. Р., Виноградова О. С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. *Магомед-Эминов М. Ш., Васильев И. А.* Анализ когнитивного подхода в зарубежных теориях мотивации // Вопр. психол. 1986. № 5. *Магун В. С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983.

Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопр. психол. 1985. № 2. *Макаренко А. С.* О коммунистическом воспитании. Избранные педагогические произведения. М., 1956. *Мак-Дуголл У.* Основные проблемы социальной психологии. М., 1916.

Макдачгол У. Различение эмоции и чувства // Психология эмоции. Тексты. М., 1984. *Мак-Фарленд Д.* Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.

Манукян С. П. Потребности личности и их место в педагогической концепции мотивов учения // Вопр. психол. 1984. № 4. *Мещерякова С. Ю.* Особенности аффективно-личностных связей с взрослыми у младенцев, воспитывающихся в семьях и Домах ребенка // Возрастные особенности психического развития детей. М., 1982.

Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1964. *Миллер Н. Е.* Приобретенные побуждения и подкрепления // Экспериментальная психология. Т. 1. М., 1960.

Мильман В. Э. Побудительные тенденции в структуре деятельности // Вопр. психол. 1982. № 3.

Мильман В. Э. Внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности // Вопр. психол. 1987. № 5.

Монпелье Ж. Научение // Экспериментальная психология. Вып. 4. М., 1973.

- Москвичев С. Г.* Проблемы мотивации в психологических исследованиях. Киев, 1975.
- Мудрик А. В.* Общение - как фактор воспитания школьников. М., 1984.
- Мудрик А. В.* Воспитательные функции общения школьников // Общение и развитие психики. М., 1986.
- Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопр. психол. 1957. № 5.
- Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Натадзе Р. Г.* Воображение как фактор поведения. (Экспериментальное исследование). Тбилиси, 1972.
- Неймарк М. С.* Аффекты у детей и пути их преодоления // Советская педагогика. 1965. № 5.
- Немое Р. С., Кирпичник А. Г.* Путь к коллективу. Книга для учителей о психологии ученического коллектива. М., 1988.
- Непомнящая В. И., Каневская М. Е., Пахомова О. Н., Барцал-кина В. В., Рубцова С. Н., Музе Э. П.* Ценностность как центральный компонент психологической структуры личности // Вопр. психол. 1980. № 1.
- Новиков Н. И.* Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
- Новикова А. А.* Об условном торможении и условных рефлексах «высокого порядка» у детей // Медико-биологический журн. 1929. Вып. 1.
- Нюттен Ж.* Мотивация // Экспериментальная психология. Вып. 5. М., 1975.
- Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1971.
- Обуховский К.* Потребности и их классификация // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.
- Огородников В. П.* Познание необходимости. Детерминизм как принцип научного мировоззрения. М., 1985.
- Озерецковский Д. С.* Навязчивые состояния. М., 1950.
- Ориентировочный рефлекс и ориентировочно-исследовательская деятельность. М., 1958.
- Орлов А. Б.* Две ориентации в исследованиях мотивации за рубежом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
- Орлов Ю. М.* Самопознание и самовоспитание характера. Беседы психолога со старшеклассниками. Книга для учащихся. М., 1987.
- Патяева Е. Ю.* Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 4.
- Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петровский А. В., Петровский В. А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопр. филос. 1982. № 3.
- Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопр. психол. 1975. № 3.

Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления//Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 4.
265

Пискунов А. И. (сост.). Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М., 1981.

Понугаева А. Г. Импринтинг (запечатлевание). Л., 1973. *Поршнев Б. Ф.* Функция выбора—основа личности//Проблемы личности. Материалы симпозиума. М., 1969. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М., 1974. Проблемы принятия решения. М., 1976. *Ранибург И., Поппер П.* Секреты личности. М., 1983. *Роллопорт С. Х.* Потребности общества и потребности личности//Проблема потребностей в этике и эстетике. Л., 1976. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. *Рейнвальд Н. И.* Два взаимодополняющих подхода к классификации потребностей // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.

Рибо Т. Исследование аффективной памяти. Спб., 1895. *Рибо Т.* Психология чувств. В 2-х ч. Спб., 1898. *Роговин М. С.* Проблемы теории памяти. М., 1977. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. *Рувинский Л. И.* Самовоспитание личности. М., 1984. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1981.

Савченко Н. Е. Гипоспадия и гермафродитизм. Минск, 1974. * *Сакварелидзе.. Р. Т.* К вопросу о взаимоотношении потребности " " "и установки // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Новосибирск, 1985. *Сафин В. Ф., Никое Г. П.* Психологический аспект самоопределения личности//Психол. журн. 1984. Т. 5. Л'э 4. *Селиванов В. И.* Психология волевой активности (лекции по спецкурсу). Рязань, 1974.

Серета Г. К. Что такое память?//Психол. журн. 1985. Т. 6. № 6. *Сеченов И. М.* Избранные произведения. М., 1953. *Симонов П. В.* Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

Симонов П. В. Эмоции и воспитание. (Вопросы воспитания в свете информационной теории эмоций)//Вопр. филос. 1981а. № о.

Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981б. *Симонов П. В.* Сложнейшие безусловные рефлексы — потребно-стно-эмоциональная основа поведения // Физиология поведения. Нейрофизиологические закономерности. Л., 1986. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. М., 1987. *Симонов П. В., Ершов П. М.* Темперамент. Характер. Личность.

М., 1984. *Ситковская О. Д.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта: методическое пособие. М., 1983.

- Славина Л. С.* Дети с аффективным поведением. М., 1966.
- Славина Л. С.* Роль поставленной перед ребенком цели и образованного им самим намерения как мотивов деятельности школьника // Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972.
- Слонин А. Д., Плюснина И. З.* Импринтинг (запечатлевание) // Физиология поведения. Нейрофизиологические закономерности. Л., 1986.
- Смирнов А. А.* Проблемы психологии памяти. М., 1966.
- Смирнов В. М., Трохачев А. И.* О психологии, психопатологии и физиологии эмоций // Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. Л., 1974.
- Смирнов С. Д.* Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
- Смирнов С. Д.* Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А. Н. Леонтьев и современная психология. Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. М., 1983.
- Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Соколов Е. Н.* Восприятие и условный рефлекс. М., 1958.
- Соловков И. А.* (сост.). Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
- Сомьен Дж.* Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих. М., 1975.
- Сосновский Б. А.* Мотив как личностное образование // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. Тематический сборник научных работ. М., 1988.
- Сгишваковская А. С.* Как быть родителями. (О психологии родительской любви). М., 1986.
- Спиноза Б.* Этика // Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
- Сухомлинский В. А.* Этюды о коммунистическом воспитании // Народное образование. 1967. № 2.
- Сухомлинский В. А.* Избранные произведения: В 5 т. Киев, 1979—1980.
- Тарасов Г. С.* Проблема духовных потребностей (на материале музыкального восприятия). М., 1979.
- Тинберген Н.* Осы, птицы, люди. М., 1970.
- Титченер Э. Б.* Учебник психологии. Университетский курс. Ч. 1. М., б. г.
- Тихомиров О. К.* Непосредственное влияние раздражителя и его преодоление с помощью речи // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 1.
- Тихомиров О. К.* (отв. ред.). Психологические механизмы целе-образования. М., 1977.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. Учебное пособие. М., 1984.
- Тихомиров О. К.; Виноградов Ю. Е.* Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. Вып. 1. М., 1969.
- Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966.
- Ушинский К. Д.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 9, 10. М., 1950.
- Фабри К. Э.* О подражании у животных // Вопр. психол. 1974. № 2.

Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М., 1976. *Файзуллаев А. А.* Принятие мотива личностью // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 4.

Файзуллаев А. А. Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент, 1987.

Фейгенберг И. М., Иванников В. А. Взаимоотношение условной и ориентировочной реакций // Вопр. психол. 1969. № 5. *Филлипов М. М.* Нужда и потребность // Проблемы методологии и логики науки. Вып. 4. Томск, 1968.

Фирсов Л. А. Память у антропоидов. Физиологический анализ. Л., 1972.

Фортуатов Г. А. О чувствах и их развитии // Дошкольное воспитание. 1946. № 1.

Фрейд З. О психоанализе. М., 1911. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М., 1916. *Фрейд З.* Я и Оно. Л., 1924. *Фромм Э.* Автоматический конформизм // История зарубежной психологии. Тексты (30—60-е гг. XX в.). М., 1986. *Хайнд Р.* Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975.

Хаятин С. Н. Некоторые проблемы онтогенеза поведения // Теоретические проблемы современной биологии. Пущино, 1983. *Хейлмен Дж.* Как птицы обучаются инстинктивному поведению // Птицы. М., 1983.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1, 2. М., 1986. -Д?е^с-^."Импринтинг в природной лаборатории // Птицы. М., 1983. *Чудновский В. Э.* О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной психологии // Вопр. психол. 1971. № 4. *Чуковский К.- И.* От двух до пяти. М., 1966. *Чхартшвили Ш. Н.* Роль и место социогенных потребностей в учебно-воспитательной деятельности // Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.

Чхартшвили Ш. Н.; Сарджвеладзе Н. И. (ред-ы). Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974.

Шингаров Г. Х. Сознание и эмоции // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966. *Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.

[Дорохова Е. В.] Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.

Шорохова Е. В. Марксистский подход к проблеме потребностей (классики марксизма-ленинизма о потребностях) // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. Тбилиси, 1974. *Эберлейн Г.* Страхи здоровых детей. М., 1981. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопр. психол. 1971. № 4. *Эльконин Д. Б.* Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 3.

Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1966. *Юнг К. Г.* О тенденциях реактивного времени при ассоциатив-

ном эксперименте//Избранные труды по аналитической психологии. Т. 3. Цюрих, 1939.

Якобсон П. М. Психология чувств. М., 1958.

Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

Ярошевский М. Г. О внешней и внутренней мотивации научного творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971.

Ярошевский М. Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.

Ainsworth M. D. S. The development of infant-mother attachment//B. M. Caldwell, H. N. Ricciuti (eds.). Review of child development research. V. 3. Chicago, 1973.

Al-Issa I. The effect of attitudinal factors on conditioning // H. J. Eysenck (ed.). Experiments in motivation. Oxford, 1964.

Allport G. W. Personality. A psychological interpretation. N. Y., 1937.

Ambrose I. A. The concept of a critical period for the development of social responsiveness in early human infancy// B. M. Foss (ed.). Determinants of infant behavior. II. London, 1963.

Anderson I. W. Attachment behavior out of doors // N. B. Jones (ed.). Ethological studies of child behaviour. London, 1972.

Annau. Z., Kamin L. J. The conditioned emotional response as a function of intensity of the US//J. comp. and physiol. psy-chol. 1961. V. 54. N 4.

Appley M. H., Trumbull R. (eds.). Psychological stress. Issues in research. N. Y., 1967.

Argyle M. The psychology of interpersonal behaviour. Harmonds-worth, 1977.

Argyle At., Dean J. Eye contact, distance and affiliation // M. Argyle (ed.). Social encounters. Readings in social interaction. Harmondsworth, 1976.

Arkes H. R., Garske I. P. Psychological theories of motivation. Monterey, 1982.

Arnold M. B. Emotion and personality. V. 1—2. N. Y., 1960.

Arnold M. B. (ed.). The nature of emotion. Selected readings. Harmondsworth, 1968.

Arnold M. B. (ed.). Feelings and emotions. The Loyola symposium. N. Y., 1970.

/

Arnold M. B., Gasson I. A. Feelings and emotions as dynamic factors in personality integration//M. B. Arnold, J. A. Gas-son (eds.). The human person. N. Y., 1954.

Asch S. E. Studies of independence and conformity. I. A minority of one against a unanimous majority//Psychol. monogr.: gen. and appl. 1956. V. 70. N 9.

Atkinson J. W. Motivational determinants of risk-taking behavior//Psychol. rev. 1957. V. 64. N 6 (part 1).

Atkinson J. W., Birch D. An introduction to motivation. N. Y., 1978.

Atkinson J. W., Raynor J. O. (in collab.). Motivation and achievement. Washington, 1974.

Atkinson I. W., Raynor J. O. (with contr. by Birch D., Horner

M. S.). Personality, motivation and achievement. Washington 1978.

Babkin B. P. The conditioning of emotions//M. L. Reymert (ed.). Feelings and emotions. The Wittenberg symposium N. Y., 1967. *Baerends G. P.* The ethological analysis of incubation behaviour
Ibis. 1959. V. 101. N 3—4.

Bain A. The emotions and the will. London, 1875. *Bandura A., Fuston A. C.* Identification as a process of incidental learning//J. abn. and soc. psychol. 1961. V. 63. N 2. *Baumeister A., Hawkins W. P., Cromwell R. L.* Need states and activity level//Psychol. bull. 1964. V. 61. N 6. *Bedford E.* Emotions//D. F. Gustafson (ed.). Essays in philosophical psychology. London, 1967. *Bentler P. M., LaVoie A. L.* An extension of semantic space//
J. verb. learn. and verb. beh. 1972. V. 11. N 2. *Berlyne D. E.* Emotional aspects of learning // Ann. rev. psychol. 1964. V. 15.

Bindra D. Motivation: a systematic reinterpretation. N. Y., 1959. *Bindra D., Stevaart I.* (eds.). Motivation. Selected readings. Baltimore, 1966.

Bowers K. S. Situationism in psychology: an analysis and a critique//Psychol. rev. 1973. V. 80. N 5. *Bowlby J.* Attachment and loss. V. 1. Attachment. Harmondsworth, 1987. *Bowlby J.* Attachment and loss. V. 2. Separation: anxiety and anger. Harmondsworth, 1975.

Broadhurst P. L. Summation of drives: a study of the combined effects of air and food deprivation//H. J. Eysenck (ed.). Experiments in motivation. Oxford, 1964.

Brown J. S. Problems presented by the concept of acquired drives//Current theory and research in motivation. A symposium. Lincoln, 1953.

Brown J. S., Farber I. E. Emotion conceptualized as intervening variables—with suggestions toward a theory of frustration// Psychol. bull. 1951. V. 48. N 6.

Buck R. Human motivation and emotion. N. Y., 1976. *Buck R.* Prime theory: an integrated view of motivation and emotion//Psychol. rev. 1985. V. 92. N 3.

Buhler K. Displeasure and pleasure in relation to activity// M. L. Reymert (ed.). Feelings and emotions. The Wittenberg symposium. Worcester, 1928. *Burt C.* The young delinquent. N. Y., 1945.

Candland D. K. (ed.). Emotion: bodily change. An enduring problem in psychology. Selected readings. N. Y., 1962. *Candland D. K., Fell S. P., Keen. E., Leshner A. I., Tarpy R. M.,*

Plutchik R. Emotion. Monterey, 1977.

Carroll M; Buss R. Fame attributions and the feeling of knowing//Austral. J. psychol. 1988. V. 40. N 1.

Claparede E. Feelings and emotions//M. L. Reymert (ed.). Feelings and emotions. The Wittenberg symposium. Worcester, 1928.

Cohen B. D., Kalish H. I., Thurston J. R., Cohen E. Experimental manipulation of verbal behavior//J. exp. psychol. 1954. V. 47. N 2.

270

Connolly K. Learning and the concept of critical periods in infancy//Developm. medic. and child neurol. 1972. V. 14. N 6. *Costello C. G.* Ego-involvement, success and failure: a review of the literature//H. J. Eysenck (ed.). Experiments in motivation. Oxford, 1964.

Crutchfield R. S. Conformity and character // Amer. psychologist.

1955. V. 10. N 5.

Darley J. M. Fear and social comparison as determinants of conformity behavior//J. pers. and soc. psychol. 1966. V. 4. N 1. *Dembo T.* Der Arger als dynamisches Problem // Psychol. For-

schung. 1931. B. 15. H. 1—2.

Duffy E. An explanation of «emotional» phenomena without the use of the concept «emotion»//M. B. Arnold (ed.). The nature of emotion. Selected readings. Harmondsworth, 1968. *Elder T., Noblin C. P., Maker B. A.* The extinction of fear as a function of distance versus dissimilarity from the original conflict situation//J. abn. and soc. psychol. 1961. V. 63. N 3. *Epstein S., Taylor S. P.* Instigation to aggression as a function of degree of defeat and perceived aggressive intent of the opponent//J. pers. 1967. V. 35. N 2.

Ferguson E. D. Ego involvement: a critical examination of some , methodological issues//J. abn. and soc. psychol. 1962. V. 64.

N 6.

Festinger L. A theoretical interpretation of shifts in level of aspiration//Psychol. rev. 1942. V. 49. N 3. *Festinger L.* Theory of cognitive dissonance. Stanford, 1962. *Franus E.* Reakcje strachu i gniewu malych dzieci // Materialy do

nauczania psychologii. Seria II. T. 2. Warszawa, 1967. *Freud A.* The writings of Anna Freud. V. 2. The ego and the mechanisms of defense. N. Y., 1977. *Frijda N. H.* The emotions. Cambridge, 1986. *Gardiner H. M., Metcalf R. C., Beebe-Cenfer J. G.* Feeling and

emotion. A history of theories. N. Y., 1937. *Gerstmann S.* Problemy teorii emocji. Toruń, 1963. *Golin S.* Incubation effect: role of awareness in an immediate versus delayed test of conditioned emotionality // J. abn. and soc. psychol. 1961. V. 63. N 3. *Granich L.* An analysis of motivation//Psychol. rev. 1932. V. 39.

N 3.

Gray J. A. The psychology of fear and stress. London, 1971. *Gray P. H.* Theory and evidence of imprinting in human infants//J. psychol. 1958. V. 46. N 1.

Gwinn G. T. The effects of punishment on acts motivated by fear // J. exp. psychol. 1949. V. 39. N 2.

Haber R. N. (ed.). Current research in motivation. N. Y., 1966. *Harlow H. F.* Motivation as a factor in the acquisition of new responses // Current theory and research in motivation. A symposium. Lincoln, 1953.

Harlow H. F. The development of affectional patterns in infant monkeys//B. M. Foss (ed.). Determinants of infant behaviour. V* 1. London, 1961.

Harlow H. F., Harlow M. K. The affectional systems// A. M. Schrier, H. P. Harlow, R. Stollnitz (eds.). Behavior of nonhuman primates. V. 2. N. Y., 1965.

271

Harlow H. F., Mears C. The nature of complex, unlearned responses//M. Lewis, L. A., Rosenblum (eds.). The development of affect. N. Y., 1978.

Hartmann H. The development of the ego concept in Freud's work//M. Levitt (ed.). Readings in psychoanalytic psychology. N. Y., 1959. *Hayes K. I.; Hayes C.* Imitation in a home-raised chimpanzee//

J. comp. and physiol. psychol. 1952. V. 45. N 5. *Hebb D. O.* The organisation of behavior. A neuropsychological theory. N. Y., 1955. *fielder F.* The gestalt theory of motivation//M. R. Jones (ed.). Nebraska symposium on motivation. V. 8. Lincoln, 1960. *Hess E. H.* The relationship between imprinting and motivation // M. R. Jones (ed.). Nebraska symposium on motivation. V. 7. Lincoln, 1959. *Hickson I.* Psychological research on empathy in search of an elusive phenomenon//Psychol. rep. 1985. V. 57. N 1. *Hilgard E. R., Marquis D. G.* Conditioning and learning. N. Y., 1940.

Hinde R. A. The nature of imprinting//B. M. Foss (ed.). Determinants of infant behavior. II. London, 1963. *Hoffman H. S., Ratner A. M.* A reinforcement model of imprinting: implications for socialization in monkey and men//Psychol. rev. 1973. V. 80. N 6. *Hubel D. H.* The visual cortex of the brain//Sci. Amer. 1963. V. 209. N 5.

HuBley P., Trevarthen C. Sharing a task in infancy//I. C. Uzgi-ris (guest, ed.). Social interaction and communication during infancy. San Francisco, 1979. *Hull C. L.* The goal gradient hypothesis and maze learning//Psychol. rev. 1932. V. 39. N 1.

Hull C. L. The goal-gradient hypothesis applied to some «field-force» problems in the behavior of young children // Psychol. rev. 1938. V. 45. N 4. *Imlelinski K.* Zboczenia piciowe // T. Bilikiewicz, K. Imielinski (red.). Seksuologia kliniczna. Warszawa, 1974. *Izard C. E. (ed.).* Emotions in personality and psychopathology. N. Y., 1979.

jaffe I., Stern D. N., Peery J. C. «Conversational» coupling of ga-ze behavior in prelinguistic human development//J. psy-choling. res. 1973. V. 2. N 4. *Jenkl. J.* Affective processes in perception//Psychol. bull. 1957. V. 54. N 2. *ones M. C.* A laboratory study of fear: the case of Peter//J. genet, psychol. 1924. V. 31. N 4.

Kanungo R. N., Dutta S. Retention of affective material: frame of reference or intensity//J. pers. and soc. psychol. 1966. V. 4. N 1.

Kennell J. H., Jerauld R., Wolfe H., Chester D., Kreger N. C., McAlpine W., Steffa M., Klaus M. H. Maternal behavior one year after early and extended post-partum contact//Developm. medic, and child neurol. 1974. V. 16. N 2. * *KSpinski A.* Schizofrenia. Warszawa, 1974.

Klaus M. H., Jerauld R., Kreger N. C., McAlpine W., Stef-' fa B. S., Kennell J. H. Maternal attachment: importance of

- Klopfer P. H., Adams D. K.; Klopfer M. S.* Maternal «imprinting» in goats//Proceed, nation. Acad. sci. 1964. V. 52. N 4.
- Koch S.* The current status of motivational psychology//Psychol. rev. 1951. V. 58. N 3.
- Kozielecki J.* Koncepcja transgresyjna człowieka. Analiza psycho-logiczna. Warszawa, 1987.
- Krueger F.* The essence of feeling//M. L. Reymert (ed.). Feelings and emotions. The Wittenberg symposium. Worcester, 1928.
- Lacey i. I., Smith R. L.* Conditioning and generalization of unconscious anxiety//Science. 1954. V. 120. N 3130.
- Lacey J. I., Smith R. L., Green A.* Use of conditioned autonomic responses in the study of anxiety //C. F. Reed, I. E. Alexander, S. S. Tomkins (eds.). Psychopathology, a source book. Cambridge, 1958.
- Lawson R.* Frustration. The development of a scientific concept. N. Y., 1965.
- Lazarus R. S.* Emotions and adaptation: conceptual and empirical relations//W. J. Arnold (ed.). Nebraska symposium on motivation. V. 16. Lincoln, 1968a.
- Lazarus R. S.* Emotion as coping process//M. B. Arnold (ed.). The nature of emotion. Selected readings. Harmondsworth, 1968b.
- Lazowick L. M.* On the nature of identification//J. abn. and soc. psychol. 1955. V. 51. N 2.
- Levis D. J.* Learned helplessness: a reply and an alternative S—R interpretation//J. exp. psychol.: gen. 1976. V. 105. N 1.
- Lewicki P., Czyzewska M., Hoffman H.* Unconscious acquisition of complex procedural knowledge//J. exp. psychol.: learn., mem., and cogn. 1987. V. 13. N 4.
- Lewin K.* A dynamic theory of personality. Selected papers. N. Y., 1935.
- Lewin K.* Principles of topological psychology. N. Y., 1936.
- Lewin K.* Intention, will and need//D. Rapaport (ed.). Organization and pathology of thought. Selected sources. N. Y., 1951.
- Lewin K-* Field theory in social sciense. Selected theoretical papers. London, 1952.
- Lewin K; Dembo T., Festinger L., Sears P. S.* Level of • aspiration//J. McV. Hunt (ed.). Personality and the behavior disorders. V. 1. N. Y., 1946.
- Loewen K. Z.* The companion in the bird's world//Auk. 1937. V. 54. N 3.
- Lund F. H.* Emotions. Their psychological, physiological and educative implications. N. Y., 1942.
- Maccoby E. E., lacklin C. N.* Stress, activity, and proximity seeking: sex differences in the year-old child //Child devel. 1973. V 44. N 1.
- Madsen K. B.* Theories of motivation. An overview and a synthesis//M. R. Jones (ed.). Human motivation. Lincoln, 1965. *Madsen K. B.* Theories of motivation. A comparative study of modern theories of motivation. Kent, 1968.
- Madsen K. B.* Modern theories of motivation. A comparative me-tascientific study. Copenhagen, 1974.

Maier N. R. F. Frustration. The study of behavior without a goal. N. Y., 1949. *Maier S. F., Seligman M. E. P.* Learned helplessness: theory and evidence//.}, exp. psycho].: gen. 1976. V. 105. N 1. *Maruszewski T.* Eksperymentalne badania and sztywnoscia emocjonalna//Przeglad **psychol.** 1971. N 22. *Maslow A. H.* A theory of human motivation//Psychol. rev. 1943 V. 50. N 4. *Maslow A. H.* The instinctoid nature of basic needs//J. pers. 1954. V. 22. N 3. *McClelland D. C., Atkinson J. W., dark R. A., Lowell E. L.* The achievement motive. N. Y., 1976. *McDougall W.* Outline of psychology. N. Y., 1923. *Mead M.* Sex and temperament in three primitive societies. London, 1935. *Meltzer H.* The present status of experimental studies on relationship of feeling to memory//Psychol. rev. 1930. V. 37. N 2. ***Mercer J., McMurdy C. A stereotyped following behavior in young children***//J. general psychol. 1985. V. 112. N 3. *Meyer M. F.* That whale among the fishes—the theory of emotions//Psychol. rev. 1933. V. 40. N 3. *Michotte A. E.* The emotional significance of movement // M. B. Arnold (ed.). The nature of emotion. Selected readings. Harmondsworth, 1968. *Miller D. R., Swanson G. E.* Inner conflict and defense. N. Y., 1966. *Miller N. E.* Experimental studies of conflict//J. McV. Hunt (ed.). Personality and the behavior disorders. V. 1. N. Y., 1946. *Miller N. E., Dollard S.* Social learning and imitation. New Haven, 1962. *Miller R. R., Mafzel L. D.* Memory for associative history of a conditioned stimulus//Learn, and motivat. 1987. V. 13. N 1. *Mischel W.* Personality and assessment. N. Y., 1968. *Mischel W.* Toward a cognitive social learning reconceptualization of personality//Psychol. rev. 1973. V. 80. N 4. *Money /., Hampson I. G., Hampson f. L.* Imprinting and the establishment of gender role//A. M. Arch. neurol. and psychiatry. 1957. V. 77. N 3. *Mowrer O. H.* Preparatory set (expectancy) — a determinant in motivation and learning//Psychol. rev. 1938. V. 45. N 1. *Mowrer O. H.* Learning theory and personality dynamics. Selected papers. N. Y., 1950. *Mowrer O. H.* Learning theory and behavior. N. Y., 1960a. -*Mowrer O. H.* Learning theory and the symbolic processes. N. Y., 1960b. *Murray E. I., Berkun M. M.* Displacement as a function of conflict//J. abn. and soc. psychol. 1955. V. 51. N 1. *Murray H. A.* Proba analizy sil kierunkowych osobowosci // J. Reykowski (red.). Problemy osobowosci i motywacji w psychologii amerykariskiej. Warszawa, 1964. *Myers J. L.* Secondary reinforcement: a review of recent experimentation//Psychol. bull. 1958. V. 55. N 5. *Naess A.* Freedom, emotion and self-subsistence. The structure of a central part of Spinoza's «Ethics». Beding, 1971. 274 *Naess A., Wetlesen J.* Conation and cognition in Spinoza's theory of affects. A reconstruction. Oslo, 1967.

Nowlis H. H. The influence of success and failure on the resumption of an interrupted task//J. exp. psychol. 1941. V. 28.

Nuttin I. Consciousness, behavior and personality//Psychol. rev. 1955. V. 62. N 5. *Nuttin J.* Personality dynamics//H. P. David, H. Bracken (eds.). Perspectives in personality theory. N. Y., 1957. *Nuttin J. R.* The future time perspective in human motivation and learning//Acta psychol. 1964. V. 23. *Nuttin J.* Motivation, planning, and action. A relational theory of behavior dynamics. Hillsdale, 1984.

Nygard R. A reconsideration of the achievement-motivation theory//Eur. J. soc. psychol. 1975. V. 5. N 1. *Obuchowski K.* Kody orientacji i struktura procesow emocjonalnych. Warszawa, 1970a. *Obuchowski K.* Zależność między orientacją w otoczeniu a stanami emocjonalnymi//Przegląd psychol. 1970b. N 20. *Obuchowski K.* Adaptacja tworcza. Warszawa, 1985. *Ohman A., Fredrikson M., Hugdahl K.; Rimmo P.-A.* The premise of equipotentiality in human classical conditioning: conditioned electrodermal responses to potentially phobic stimuli// J. exp. psychol.: gen. 1976. V. 105. N 4.-*Osgood C. E.* Method and theory in experimental psychology. N. Y., 1953. *Osgood C. E.* Studies on the generality of affective meaning systems//Amer. psychologist. 1962. V. 17. N 1. *Osgood C. E.* Dimensionality of the semantic space for communication via facial expressions//Scand. J. psychol. 1966. V. 7. N 1. *Osgood C., Suci G. S., Tannenbaum P. H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957.

Peters R. S. The concept of motivation. London, 1967. *Phillips M.* The education of the emotions through sentiment development. London, 1937.

Plutchik R. Emotion. A psychoevolutionary synthesis. N. Y., 1980. *Plutchik R., Kellerman H. (eds.).* Emotion: theory, research, and experience. Vol. 1. Theories of emotion. N. Y., 1980. *Plutchik R., Kellerman H., Confe H. R.* A structural theory of ego defenses and emotions//C. E. Izard (ed.). Emotions in personality and psychopathology. N. Y., 1979. *Rapaport D.* Emotions and memory. Baltimore, 1942. *Rapaport D.* On the psychoanalytic theory of motivation// M. R. Jones (ed.). Nebraska symposium on motivation. V. 8. Lincoln, 1960.

Raynor J. O. Future orientation and motivation of immediate activity: an elaboration of the theory of achievement motivation//Psychol. rev. 1969. V. 76. N 6.

Razran G. Attitudinal determinants of conditioning and of generalization of conditioning//J. exp. psychol. 1949a. V. 39. N 6.

Razran G. Semantic and phonetographic generalizations of salivary conditioning to verbal stimuli//J. exp. psychol. 1949b. V. 39. N 5.

Razran G. Stimulus generalization of conditioned responses // Psychol. bull. 1949c. V. 46. N 5.

Reykowski J. Z zagadnień psychologii motywacji. Warszawa, 1970.

Reykowski J. Motywacja: postawy prospołeczne a osobowość Warszawa, 1979.

Reymert M. L. (ed.). Feelings and emotions. The Wittenberg symposium. Worcester, 1928.

Reymert M. L. (ed.). Feelings and emotions. The Mooseheart symposium. N. Y., 1967.

Rosenblum L. A. Affective maturation and the mother-infant relationship//M. Lewis, L. A. Rosenblum (eds.). The development of affect. N. Y., 1978.

Rotter I. B. Level of aspiration as a method of studying personality. 1. A critical review of methodology//Psychol. rev 1942. V. 49. N 5.

Rotter I. B. The role of the psychological situation in determining the direction of human behavior//M. R. Jones (ed.). Nebraska symposium on motivation. V. 3. Lincoln, 1955.

Rozin P., Kalat J. W. Specific hungers and poison avoidance as adaptive specializations of learning//Psychol. rev. 1971 V. 78. N 6.

Rumbaugh D. M., Savage-Rumbaugh E. S., Hegel M. T. Summation in the chimpanzee (Pan troglodytes)//J. exp. psychol.: anim. behav. process. 1987. V. 13. N 2.

Rumbaugh D. M.; Savage-Rumbaugh E. S., Pate J. L. Addendum to «Summation in the chimpanzee (Pan troglodytes)»//J. exp. psychol.: anim. behav. process. 1988. V. 14. N 1.

Russell J. A., Fehr B. Relativity in the perception of emotion in facial expressions//J. exp. psychol.: gen. 1987. V. 116. N 3.

Sanford N. The dynamics of identification // Psychol. rev. 1955. V. 62. N 2.

Scfiachfer S. The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state//L. Berkowitz (ed.). Advances in experimental social psychology. N. Y., 1964.

Schachter S. The assumption of identity and peripheralist-centra-list controversies in motivation and emotions//M. B. Arnold (ed.). Feelings and emotions. The Loyola symposium. N. Y., 1970.

Schacter D. L., Worling I. R. Attribute information and the feeling-of-knowing//Canad. J. psychol. 1985. V. 39. N 3.

Schaffer R. Mothering. Glasgow, 1977.

Schlosberg H. Three dimensions of emotion//Psychol rev. 1954. V. 61. N 2.

Scholnick E. K., Wing C. S. Knowing when you don't know: developmental and situational considerations//Developm. psychol. 1988. V. 24. N 2.

Shand A. F. The foundations of character: being a study of the tendencies of the emotions and sentiments. London, 1926.

Shantz D. W., Voydanoff D. A. Situational effects on retaliatory aggression at three age levels//Child devel. 1973. V. 44. N 1.

Shibles W. Emotion. The method of philosophical therapy. White-water, 1974.

Shirley M. Spontaneous activity//Psychol. bull. 1929. V. 26. N 6.

276

Simon H. A. Motivational and emotional controls of cognition// Psychol. rev. 1967. V. 74. N 1.

Sjoberg H. The psychoanalytic theory of defensive processes. A critical survey. Lund, 1973.

Skinner B. F. Science and human behavior. N. Y., 1953.

- Skinner B. F.* Contingencies of reinforcement. A theoretical analysis. N. Y., 1969.
- Skinner B. F.* Beyond freedom and dignity. N. Y., 1972.
- Solomon R. L., Kamin L. J., Wynne L. C.* Traumatic avoidance learning: the autcomes of several extinction procedures with dogs//J. abn. and soc. psychol. 1953. V. 48. N 2.
- Solomon R. L., Wynne L. C.* Traumatic avoidance learning: the principles of anxiety conservation and partial irreversibili-ty//Psychol. rev. 1954. V. 61. N 6.
- Steiner I. D., Vannoy I. S.* Personality correlates of two types of conformity behavior //J. pers. and soc. psychol. 1966. V. 4. N 3.
- Stern D. N.* A micro-analysis of mother-infant interaction: behavior regulating social contact between a mother and her 3 1/2-month-old twins//J. amer. Acad. child psychiatry. 1971. V. 10. N 3.
- Stern W.* «Ernstspiel» and the affective life//M. L. Reymert (ed.). Peelings and emotions. The Wittenberg symposium. Worcester, 1928.
- Strongman K. T.* The psychology of emotion. Chichester, 1978.
- Suomi S. J., Harlow H. F.* The facts and functions of fear// M. Zuckerman, C. D. Spielberger (eds.). Emotions and anxiety. Hillsdale, 1976.
- Sutherland !. D.* The concepts of imprinting and critical period from a psychoanalytic viewpoint//B. M. Foss (ed.). Determinants of infant behavior. II. London, 1963.
- Symonds P.* At. The dynamics of human adjustment. N. Y., 1946.
- Taffel C.* Anxiety and the conditioning of verbal behavior//J. abn. and soc. psychol. 1955. V. 51. N 3.
- Tassinary L. G., Orr S. P., Wolford G., Napps S. E., Lamet-ta J. T.* The role of awareness in affective information processing: an exploration of the Zajonc hypothesis//Bull. psy-chonom. soc. 1984. V. 22. N 6.
- Thorndike E.* Human learning. N. Y., 1931.
- Thorndike E. L.* The law of effect//D. Bindra, J. Stewart (eds.). Motivation. Selected readings. Baltimore, 1966.
- Thorpe W. H.* Learning and instinct in animals. Cambridge, 1956.
- Thorpe W. H.* Sensitive periods in the learning of animals and men//W. H. Thorpe, O. L. Zangwill (eds.). Current problems in animal behavior. Cambridge, 1961.
- Tobach E. (ed.).* Experimental approaches to the study of emotional behavior. N. Y., 1969.
- Tracy L.* Toward an improved need theory: in response to legitimate criticism//Behav. sci. 1986. V. 31. N 3.
- Turnbull C.* The mauntain people. N. Y., 1972.
- Uzgiris I. C. (ed.).* Social interaction and communication during infancy. San Francisco, 1979.
- Valentine C. W.* The innate bases of fear//J. genet, psychol. 1930. V. 37. N 3.

- Valentine C. W.* The normal child and some of his abnormalities. Harmondsworth, 1967.
- Van Calster K; Lens W., Nuttin J. R.* Affective attitude toward the personal future: impact on motivation in high school boys//Amer. J. psychol. 1987. V. 100. N 1. *Vernon M. D.* Human motivation. Cambridge, 1969. *Watson J. B.* Behaviorism. Chicago, 1930.
- Weiner B.* The effects of motivation on the availability and retrieval of memory traces//Psychol. bull. 1966a. V. 65. N 1. *Weiner B.* Motivation and memory. Washington, 1966b. (Psychol. monogr.: gen. and appl. V. 18. N 18).
- Wielick A.* Emotional polarity in personality structure//M. B. Arnold (ed.). Feelings and emotions. The Loyola symposium. N. Y., 1970. *Wike E. L.* Secondary reinforcement: selected experiments. N. Y., 1966.
- Wilson J. R. S.* Emotion and object. Cambridge, 1972. *Wirtz P., Wavrsra M.* Vigilance and group size in Homo sapiens//Ethology. 1986. V. 71. N 4.
- Yarmey A. D.* I recognize your face but I can't remember your name: further evidence on the tip-of-the-tongue phenomenon // Memory and cogn. 1973. V. 1. N 3. *Yafes A. /.* (ed.). Frustration and conflict. Enduring problems in psychology. Selected readings. Princeton, 1965. *Young P. T.* Emotion in man and animal. Its nature and relation to attitude and motive. N. Y., 1943.
- Young P. T.* Motivation of behavior. The fundamental determinants of human and animal activity. N. Y., 1944. *Young P. T.* The role of affective processes in learning and motivation//Psychol. rev. 1959. V. 66. N 2. *Young P. T.* Motivation and emotion. N. Y., 1961. *Zielinska T., Zaborowski Z.* Wplyw ocen na wyrownanie postaw emocjonalnych//Przeglad psychol. 1971. N 22.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеева Н. Н. 136, 258 Адаме Д. К. 273 Азаров Ю. П. 69, 258 Айзенк Г. Ю. 269—271 Александер И. Е. 273 Ал-Исса И. 56, 269 Алхазишвили А. А. 47, 258 Амброус Дж. А. 135, 269 Андерсон Дж. У. 251, 269 Анисимов С. Ф. 27—28, 258 Аннау З. 125, 269 Анохин П. К. 54, 102, 258 Анцыферова Л. И. 4, 32, 73, 166, 258 Аппли М. Х. 107, 269 Аргайл М. 239. 269 Аркес Х. Р. 23, 269 Арнолд М. Б. 83—84, 205, 269, 271, 273—274, 276, 278 Арнолд У. Дж. 273 Архипкина О. С. 231, 258 Асеев В. Г. 4, 24, 47, 155, 199, 0^0
- Асмолов А. Г. 27, 258 Аткинсон Дж. У. 23, 42, 190—191, 269, 274 Аткинсон Р. 116, 258 Аш С. Э. 151, 269
- Бабкин Б. П. 52, 270 Бак Р. 23, 46, 270 Баканов Е. Н. 44, 258 Бандура А. 150. 270 Барамидзе Н. Х. 47, 258 Барцалкина В. В. 265 Басе Р. 222, 270 Бассин Ф. В. 27, 108, 258 Баумейстер А. 44, 270 Бауэре К. С. 190, 270 Бедфорд Э. 206, 270 Беляева И. Ф. 197, 258 Бентлер П. М. 231. 270 Бериташвили И. С. 54, 258 Беркан М. М. 187, 274 Берковиц Л. 276 Берлайн Д. Э. 124, 270
- Берт К. 98, 270 Берч Д. 23, 190, 269 Бестужев-Лада И. В. 46, 258 Бехтерев В. М. 51,

259 Биби-Сентер Дж. Г. 271 Бибрих Р. Р. 41—42, 71, 183,
190, 259 Биликевич Т. 272 Биндра Д. 23, 41, 270, 277 Биренбаум Г. В. 164, 259, 263
Блонский П. П. 121—123, 125,
127, 259 Бодалев А. А. 4, 20, 39. 259,
262 Божович Л. И. 33. 47, 69, 73.
118, 162. 187, 259 Бороздина Л. В. 42, 259 Боулби Дж. 132, 135—536, 270 Бракен
Х. 275
Боатусь Б. С. 156, 195, 259 Браун Дж. С. 41, 205, 270 Бродхерст П. Л. 187. 270
Брушлннский А. В. 20, 259 Быков К. М. 56, 259 Бэн А. 116, 270 Бэрэндс Дж. П. 97,
270 Бюлер К. 199, 259, 270
Вайнер Б. 121, 278 Вайсман Р. С. 42, 259 Валентайн Ч. У. 143—144,
277—278
Валлон А. 147, 150, 259 Ванкалстер К. 167, 278 Ванной Дж. С. 181, 277 Васильев
И. А. 116. 190, 259,
264
Василюк Ф. Е. 72, 259 Веденов А. В, 46, 49, 259 Веккер Л. М. 16. 20, 259 Веллек А.
126, 278 Величковский Б. М. 116, 259 Верной М. Д. 23, 278 Ветлесен Дж. 109, 275
Виноградов Ю. Е. 103, 184, 260,
267
279

Виноградова О. С. 58, 264 Войданофф Д. А. 87, 276 Вундт В. 18, 205—208, 210—211, 213—215, 223, 225—226, 231—234, 237, 240—241, 260, 262 Выготский Л. С. 12, 19, 33, 48, 71, 73, 92—93, 118—119, 260
Галантер Е. 264 Гальперин П. Я. 16—17, 142, 220, 260 Гардайнер Г. Н. 88, 271 Гарске Дж. П. 23, 269 Гассон Дж. А. 84, 269 Гастафсон Д. Ф. 270 Гельгорн Э. 205, 260 Гербарт И. Ф. 79, 260 Герстманн С. 205, 271 Герцен А. И. 15, 260 Гессен С. И. 68, 260 Гибсон Дж. 217, 260 Гиндикин В. Я. 152, 261 Гогичаишвили Т. А. 35, 260 Гозман Л. Я. 140, 142, 260 Голин С. 52, 271 Головаха Е. И. 167, 260 Горфункель П. Л. 168, 261 Гранин Л. 41, 271 Грей Дж. А. 132, 235, 271 Грей Ф. Х. 135, 271 Грин А. 273 Громова Е. А. 124, 177—178, 261
Грот Н. 204, 213, 243, 261 Гу инн Г. Т. 132, 271 Гурьева В. А. 152, 261
Дарвин Ч. 118
Дарли Дж. М. 153, 271
Датта С. 1.25, 272
Даффи Э. 206, 271
Дейвид Х. П. 275
Дембо Т. 99, 271, 273
Дерябин В. С. 86, 212, 261, 267
Джайнотт Х. Дж. 71, 261 Джаклин К. Н. 136, 273 Джафф Дж. 137, 272 Джеме У. 22, 83, 144, 200, 221, 225, 261 Дженкин Н. 215, 272 Джеролд Р. 272 Джидарьян И. А. 200, 261
Джонс М. К. 143, 272
Джонс М. Р. 272—273, 275—276
Джонс Н. Б. 269
Дилигенский Г. Г. 47, 49, 261
Дин Дж. 239, 269
Додонов Б. И. 47, 195, 198--200, 261 Долбнев Д. Н. 260 Доллард Дж. 146, 274 Донченко Е. А. 46, 49, 261
Достоевский Ф. М. 192, 248 Драгунова Т. В. 35, 261 Дружинин В. Н. 24, 262
Дьюсбери Д. 145, 240, 261
Ершов П. М. 69, 266 Жане П. 114, 128, 261
Заборовски З. 88, 278
Зайонц Р. 277
Закерман М. 277
Залевский Г. В. 128, 143, 261
Зангуилл О. Л. 277
Запорожец А. В. 21, 81—82, 261 Здравомыслов А. Г. 27, 46, 261 Зейгарник Б. В. 121, 161—162, 164, 166, 172, 261, 263 Зелиньска Т. 88, 278 Зинченко В. П. 12, 261 Зинченко П. И.

121, 261 Знаков В. В. 222, 261
Иванников В. А. 44, 46, 53, 72,
258, 262, 268 Иванчук Н. В. 46, 49, 262 Изард К. Е. 83, 85, 262, 272,
275 Имедадзе И. В. 47, 188—189,
194, 199, 262 Имелиньски К. 52, 141, 272
Калашник Я. М. 108, 262 Калмыкова Е. С. 188, 192, 262 Кандланд Д. К. 205, 270
Каневская М. Е. 265 Кант И. 236, 262 Карролл М. 222, 270 Катульский Е. Д. 258
Казлас А. А. 231, 262 Кейлат Дж. У. 132, 276

280

Кейлиш Х. И. 270 Кеймин Л. Дж. 125, 269, 277 Кейнанго Р. Н. 125, 272 Келлерман
Г. 205, 275 Кемпински А. 108, 128, 143,
262, 272
Кеннелл Дж. Х. 139, 272 Кеслер Д. 272 Кёлер В. 103, 262 Кикнадзе Д. А. 49, 262
Кин Э. 270
Кирпичник А. Г. 71, 265 Китаев-Смык Л. А. 107, 262 Клапаред Э. 84, 93—94, 116,
262, 270 Кларк Р. А. 274 Клаус М. Х. 137, 139, 272 Клопфер М. С. 273 Клопфер П.
Х. 140, 273 Ковалев А. Г. 39, 98, 262 Ковалев В. И. 24, 46, 49, 155, 188, 262
Козелецкий Ю. 47, 183, 262, 273
Колдуэлл Б. М. 269
Коломийцев И. Н. 193, 262
Кон И. С. 21, 141, 262
Конникова Т. Е. 33, 259
Коннолли К. 140, 271
Конорски Ю. 56, 262
Конт Х. Р. 275
Корчак Я. 69
Костелло К. Г. 191, 271
Кох З. 41, 273
Кохен Б. Д. 56, 270
Кохен Е. 270
Коченов М. М. 108, 262
Кочетов А. И. 39, 262
Краковский А. П. 35, 262
Красногорский Н. И. 56, 263
Кратчфилд Р. С. 151, 271
Крегер Н. К. 272
Кромуэлл Р. Л. 270
Кроник А. А. 167, 260
Крутова Е. М. 71, 263
Крюгер Ф. 125—126, 213, 220, 263 273
Кудрявцев И. А. 108, 263
Кучевская Н. В. 49, 263
Лавойе А. Л. 231, 270 Ладыгина-Коте Н. Н. 146, 263 Лазарус Р. С. 83—84, 273
Лазовик Л. М. 150, 273
Ланд Ф. Х. 205, 273 Ланзетта Дж. Т. 277 Лебединский В. В. 143, 263 Леви Л. 107,

263 Левин К. 32, 41—42, 101, 114—116, 161—164, 166—167, 169, 171—172, 177, 182—184, 191, 196, 200—203, 212—213, 248, 258, 261, 263, 273 Левитов Н. Д. 42, 87, 263 Левитт М. 272 Левицки П. 58, 273 Лейси Дж. И. 56, 58, 273 Лейтес Н. С. 140, 263 Ле Ни Ж.-Ф. 51, 55, 263 Лене У. 278 Леонгард К. 152, 263 Леонтьев А. А. 12, 20, 27, 263 Леонтьев А. Н. 12—13, 16—17, 29—30, 43, 45—46, 52, 71, 73, 155—156, 158, 160, 173, 188—189, 197, 203, 260—261, 263, 267 Лешнер А. И. 270 Либих С. С. 71, 263 Ливис Д. Дж. 104, 273 Липер Р. У. 94, 263 Лисина М. И. 20, 136, 146. 264 Личко А. Е. 151—152, 264 Ломов Б. Ф. 16, 20, 264 Лоренц К. З. 132, 273 Лосон Р. 42, 273 Лоуэлл Э. Л. 274 Лук А. Н. 236, 264 Лурия А. Р. 12, 21, 52, 58, 264

Луфборроу Дж. 205, 260 Льюис М. 272, 276

Магомед-Эминов М. Ш. 190,

264 Магун В. С. 47, 158—160, 188,

193, 196, 258, 264 Мадсен К. Б. 23, 41, 202, 273 Майерс Дж. Л. 59, 274 Макалпайн У. 272 Макаренко А. С. 69, 264 Макдауголл У. 84, 93—94, 96—

98, 101, 144, 180, 264, 274 Макклелланд Д. К. 42, 274 Маккоби Э. Э. 136, 273

Макмерди К. 251, 274 Мак-Фарленд Д. 133, 264 Манукян С. П. 194, 264

281

Маркие Д. Г. 51, 56, 272 Марушевски Т. 215, 274 Маслоу А. Г. 47, 142, 187, 274
Маурер О. Х. 51—52, 56, 59,
86, 124, 274
Мацел Л. Д. 55, 124, 212, 274 Мейер М. Ф. 206, 274 Мейер Н. Р. Ф. 42, 102, 274
Мейер С. Ф. 104, 274 Мейхер Б. А. 271 Мелцер Х. 121, 274 Меркер Дж. 251, 274
Меррей Г. А. 32, 63, 190, 195,
274
Меррей Э. Дж. 187, 274 Меткалф Р. К. 271 Мещерякова С. Ю. 136, 264 Мид М.
139, 274 Миллер Д. Р. 42, 274 Миллер Дж. 24, 183, 264 Миллер Н. Е. 59, 146,
196, 264,
274
Миллер Р. Р. 55, 124, 212, 274 Мильман В. Э. 38, 45—46, 264 Мире К. 138, 142, 272
Мншел У. 190, 274 Мишотт А. Э. 227, 274 Мои и Дж. 141, 274 Монпеллье Ж. 56,
264 Москвичев С. Г. 23, 265 Мудрик А. В. 35, 71, 265 Музе Э. П. 265 Мясичев В.
Н. 27, 265
Найссер У. 116, 142, 217, 265 Наппс Ш. Е. 277 Натадзе Р. Г. 114, 265 Наэсс А. 109,
274—275 Неверович Я. З. 82, 261 Неймарк М. С. 35, 265 Немов Р. С. 71, 265
Непомнящая В. И. 27, 265 Нигард Р. 42, 275 Ников Г. П. 39, 266 Ноблин Ч. П. 271
Новиков Н. И. 69, 265 Новикова А. А. 59, 265 Ноулис Э. Г. 164, 275 Нюттен Ж. Р.
15. 42, 44, 47, 169, -256, 265, 275. 278
Обуховский К. 4. 23, 47, 136, 169—172, 186, 215, 265, 275
Овсянкина М. 164 Овчинникова О. В. 107, 260 Огородников В. П. 110, 265
Озерецковский Д. С. 143, 265 Оллпорт Г. У. 30, 47, 130, 269 Орлов А. Б. 41—42,
71, 190,
259, 265 Орлов Ю. М. 71, 265 Опп С. П. 277 Осгуд Ч. Э. 58, 231, 275 Охман А. 212,
275
Павлов И. П. III, 118 Патяева Е. Ю. 32, 195, 265 Пахомова О. Н. 265 Пейт Дж. Л.
276 Петере Р. С. 41, 275 Петренко В. Ф. 58, 230—231
265
Петровский А. В. 37, 265 Петровский В. А. 37, 47, 265 Петухов В. В. 12, 265 Пири
Дж. К. 272 Пискунов А. И. 68. 266 Платчик Р. 42, 205, 270, 275 Плюснина И. З.
130, 267 Понугаева А. Г. 130, 266 Поплужный В. Л. 259 Поппер П. 64, 137, 139,
150,
266 Поршнева Б. Ф. 39, 146—147,
266 Прибрам К. 264
Радзиховский Л. А. 188, 192,
262
Разран Г. 56, 58, 275—276 Раншбург И. 64, 137, 139, 150,
266
Рамбо Д. М. 238, 276 Рапапорт Д. 41, 121, 273, 275 Раппопорт С. Х. 46, 266 Расселл
Дж. А. 237, 276 Ратнер А. М. 131, 272 Рейковский Я. 23, 52, 121, 142,
198, 215, 266, 274, 276 Реймерт М. Л. 83, 270, 273,
276—277
Рейнвальд Н. И. 46, 266 Рейнор Дж. О. 191. 269. 275 Рибо Т. 116, 122—123,
127, 266 Рид К. Ф. 273 Риккьюти Г. Н. 269 Риммо П.-А. 275

- Роговин М. С. 177, 266 Розин П. 132, 276 Росенблам Л. А. 138, 272, 276 Роттер Дж. В. 42, 276 Рубинштейн С. Л. 18, 20, 33, 40, 107, 188, 218, 220, 231, 266
- Рубцова С. Н. 265 Рувинский Л. И. 39, 266 Руссо Ж.-Ж. 78—79, 266
- Савченко Н. Е. 141, 266 Саймон Г. А. 215, 277 Саймондс П. М. 42, 277 Сакварелидзе Р. Т. 27, 266 Санфорд Н. 150, 276 Сарджвеладзе Н. И. 186, 268 Сатерланд Дж. Д. 143, 277 Сафин В. Ф. 39, 266 Свансон Г. Э. 42, 274 Сейвидж-Рамбо Э. С. 276 Селиванов В. И. 46, 266 Селигман М. Э. П. 104, 274 Середа Г. К. 177, 266 Сеченов И. М. 16, 266, 269 Симонов П. В. 46, 51, 59, 66, 69, 83, 87, 143, 266 Снрс П. С. 273 Ситковская О. Д. 108, 266 Скиннер Б. Ф. 34, 51, 59, 277 Славина Л. С. 35, 164, 267 Слоним А. Д. 130, 267 Смирнов А. А. 121, 267 Смирнов В. М. 98, 267 Смирнов С. Д. 12, РОЗ. 267 Смит Р. Л. 58, 273 Соколов Е. Н. 53, 267 Соловков И. А. 68, 267 Соломон Р. Л. 132, 277
- Сомьен Дж. 104, 267
- Сосновский Б. А. 191. 267
- Сохань Л. В. 261
- Спиваковская А. С. 7), 267
- Спилбергер Ч. Д. 277
- Спиноза Б. 35, 51, 58, 88—92, 96, 98, 106, 109, 112, 115, 153—154, 237, 243, 260, 267, 274—275
- Спок Б. 138
- Стейнер И. Д. 181, 277
- Стеклов Ю. В. 260
- Стерн Д. Н. 138, 272, 277
- Стеффа Б. С. 272
- Стеффа М. 272
- Столлниц Ф. 271
- Стронгман К. Т. 85, 277 Стюарт Дж. 23, 270, 277 Суоми С. Дж. 235, 277
- Сухомлинский В. А. 38, 69, 267 Сьюси Г. Дж. 275
- Танненбаум П. Х. 275 Тарасов Г. С. 49, 267 Тарнбулл К. 139, 277 Тарпи Р. М. 270
- Тассинари Л. Г. 56, 277 Таффел Ч. 52, 277 Тейлор С. П. 87, 271 Терстон Дж. Р. 270
- Тинберген Н. 239, 267 Титченер Э. Б. 18, 231, 267 Тихомиров О. К. 20—21, 103, 183, 259, 267 Тихонович В. А. 261 Тобак Э. 205, 277 Томкинс С. С. 273 Торндайк Э. Л. 56, 125, 277 Торп В. Г. 131, 140, 145, 277 Трамбелл Р. 107, 269 Тревартен К. 146, 272 Трейси Л. 194, 277 Трохачев А. И. 98, 267
- Уайк Э. Л. 59, 278 Ужгирис И. Ч. 136, 272, 277 Узнадзе Д. Н. 27, 46, 199, 267
- Унлсон Дж. Р. С. 110, 278 Уинг К. С. 222, 276 .У инн Л. К. 132, 277 Уирц П. 33, 278 Уолф Х., 272 Уолфорд Дж. 277 Уора М. 33, 278 Уорлинг Дж. Р. 222, 276
- Уотсон Дж. Б. 51, 278 Ушинский К. Д. 61, 70, 119—120, 123—124, 187, 267
- Фабри К. Э. 131, 144, 267 Файзуллаев А. А. 39, 47, 268 Фаобер И. Э. 205, 270
- Феигенберг И. М. 53, 268 Фелл Дж. П. 270 Фергьюсон Е. Д. 191, 271 Фестингер Л. 42, 271, 273 Фехр Б. 237, 276 Филиппов М. М. 188, 268 филлнпс М. 97, 100, 148.

151, 375
283

Фирсов Л. А 144, 268
Фортунатов Г. А. 98, 268
Фосс Б. М 269, 271—272 277
Франус Э. 235, 271
Фредриксон М. 275
Фрейд А. 150, 271
Фрейд З. 22, 41, 121, 129 268
272
Фрейда Н. Х 83, 271 Фромм Э 153, 268
Хабер Р Н. 23, 271
Хайнд Р. А. 133, 135—136 145 268, 272
Халл К. Л. 238, 272
Хампсон Дж Г. 274
Хампсон Дж. Л 274
Хант Дж. М 273—274
Харлоу Г Ф. 47, 136, 138 142 235, 252, 271—272, 277 ' '
Харлоу М К. 138, 271
Хартманн Х. 22, 272
Хастон А. К. 150, 270
Хаютин С Н 144, 268
Хебб Д. О 235, 272
Хегел М Т. 276
Хейдер Ф. 32, 272 Хейес К. 146, 272 Хейес К. Дж. 146, 272 Хейлмен Дж. 144, 268 Хекхаузен Х. 23, 40 42 46 87, 101, 162, 164, '183' 190—192, 199, 201-202' 268
Хесс Э. Х 130—131, 268, 272 Хнксон Дж 142, 272 Хилгард Э Р. 51, 56, 272
Хокинс У Ф 270 Хоппе Ф 192 Хорнер М. С 269 Хоффман ГС 131 272 Хоффман Х 273 Хьюбел Д Х 104 272 Хьюбли П 146 272 Хьюгдал К. 275
Чехов А. П 226 Чижевска М. 273 Чудновский В. Э 151 268 Чуковский К. И. 13, 268 Чхартишвили Ш. Н 46 186 188, 268
Шактер Д. Л. 222, 276 Шанд А. ф. 97—98 276 Шанц Д. у. 87, 276 Шаффер Р. 137—138, 276 Шахтер С 83, 276 Шиблес У, 206, 276 Шингаров Г. Х. 220, 268
Ширли М. 44, 276 Шлосберг Г. 231, 276
Шмелев А. Г. 58, 231—232, 268
Шобекк Х. 42, 108 277
Шолник Э. К. 222 276
Шорохова Е. В. 15, 46 218 225, 268
Шрайер А. М. 271
Штерн В 125, 149, 277
Эберлейн Г 143, 268 Эйнсуэрт М Д. С. '136, **138**,
Элдер Т. 187, 271
Эльконин Д Б. 35, 147, 268
Эпстейн С. 87, 271
Юм Д. 88—90, 235, 268 Юнг К. Г. 52, 268
Якобсон П М 23, 98, 112, 155,
Янг П Т 23, 205, 278
Ярми Д 219, 278
Ярошевский М Г, 16, 38, 198,

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Явление собственно человеческой мотивации .

Специфика отражения в человеческой психике Разнообразие мотивационных отношений человека Детерминанты развития мотивации человека

Ситуативное и онтогенетическое развитие мотивации .

Глава 2. Механизмы развития мотивации человека

Проблема специфики человеческой мотивации Мотивационное обусловливание

Мотивационное опосредствование

Строение воспитательных воздействий Универсальность мотивационного опосредствования Соотношение мотивационного обусловливания и опосредствования

Эмоциональное переключение и ситуативное развитие эмоций

Состояние проблемы

Ведущие и производные (ситуативные) эмоции . Специфика ситуативного развития эмоций в человеческой психике

Мотивационная фиксация ...

Эмоции и память

Запечатление инстинктивных отношений

Подражание и эмоциональное заражение

Высшие формы фиксации

Резюме

Мотивационная сумма

Феномен полимотивации Слияние чувств

Глава 3. Перспективные проблемы и общая характеристика мотивации человека

Проблема субъективного переживания Субъективные переживания и мотивация Мотивация и мотивы человека ...

Литература

Именной указатель

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ **Витис** Казиса Виллонас

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МОТИВАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Зав. редакцией **Н. А. Гуревич**

Редактор **Г. П. Баркова**

Художественный редактор **А. Л. Прокошев**

Художник **Н. С. Филиппов**

Технический редактор **О. В. Андреева**

Корректоры **М. И. Эльмус, Л. А. Костылева**

ИБ № 3453

Сдано в набор 05.01.90. Подписано в печать 26.04.90. Л-10931. **Формат** 84X108'/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,96. Тираж 20 000 экз. Заказ 6.. Изд. № 836. Цена 1 руб.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

ПП «Чертановская типография» Мосгорпсчать. 113545, Москва. Варшавское шоссе. 129а.